

КРЕПОСТЬ ВО ТЬМЕ

ХРОНИКИ ИМПЕРИИ УЖАСА

ГЛЕН КУК

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Хроники Империи
Ужаса. Крепость во тьме**

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Хроники Империи Ужаса. Крепость во тьме / Г. Ч. Кук —
«Азбука-Аттикус», 2007 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-18790-0

«Огонь в его ладонях» В бескрайней пустыне, что уже четыре века лежит в былых границах могущественной империи Ильказара, молодой фанатичный еретик берет на себя столь же славную, сколь и опасную миссию – вернуть порядок, справедливость и процветание королевству Хаммад-аль-Накир. Эль-Мюрид, прозванный Учеником, – тот самый спаситель, кому предназначено заново отстроить великое государство на крови врагов. Но на корону есть и другие претенденты, не менее достойные... «И не щадить никого» С семьей и войском Эль-Мюрид подступает к Священным храмам, чтобы наконец захватить их и крестить свою уже подростковую, но все еще безымянную дочь. Победы удастся достичь, но в битве смертельно ранена Мерьем, его жена. И это лишь начало череды трагических событий в судьбе Ученика. «Империя, не знавшая поражений» В сборник вошли десять произведений, от «Серебропята» – самой первой литературной публикации будущего знаменитого американского фантаста, – до «Адской кузницы», завораживающего рассказа о проклятых пиратах и загадочных землях. Эти произведения – вехи в истории созданного Гленом Куком обширного и многоликого мира, Империи Ужаса, где царит безумная магия и герои, уже знакомые читателю по предыдущим книгам цикла, вступают в борьбу с невероятными врагами.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18790-0

© Кук Г. Ч., 2007

© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Огонь в его ладонях	7
1	7
2	22
3	33
4	42
5	50
6	64
7	71
8	80
9	91
10	103
11	112
12	120
13	128
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Глен Кук
Хроники Империи Ужаса
Крепость во тьме

Glen Cook

A CHRONICLE OF THE DREAD EMPIRE. A FORTRESS IN SHADOW:

THE FIRE IN HIS HANDS

WITH MERCY TOWARD NONE

AN EMPIRE UNACQUAINTED WITH DEFEAT

Copyright © 2007 by Glen Cook

All rights reserved

Перевод с английского Кирилла Плешкова

Серия «Звезды новой фэнтези»

Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой

© К. П. Плешков, перевод, 2009, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Огонь в его ладонях

1

Рождение мессии

С трудом пробравшись по каменистому вади¹, караван начал подниматься по тропе, что извивалась среди холмов. Усталые верблюды тяжело переставляли ноги, преодолевая очередные мили длиною в жизнь. Небольшой караван состоял из двенадцати измученных животных и шести изможденных людей.

Они уже приближались к цели своего путешествия, после недолгого отдыха в Эль-Аквиле намереваясь вновь пересечь Сахель ради новой партии соли.

За ними наблюдало девять пар глаз.

Сейчас верблюды несли на спинах сладкие финики, изумруды из Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени и реликты имперской эпохи, ценившиеся торговцами из Хеллин-Даймиеля. Платой за товары должна была стать соль, добытая из далекого западного моря.

Караван вел пожилой торговец по имени Сиди аль-Раи. Именно он возглавлял семейное предприятие, а спутниками его были братья, двоюродные братья и сыновья. Самому младшему, Мике, едва исполнилось двенадцать – это был первый его переход по семейному торговому пути.

Наблюдавших несколько не волновало, кто они такие. Их предводитель назначил каждому свою жертву. Воздух дрожал от зноя, солнце обрушивало на них всю свою мощь. То был самый жаркий день самого жаркого лета на памяти всех живущих.

Верблюды ступили в узкое ущелье, ставшее для них смертельной ловушкой.

Бандиты выскочили из-за камней, заывая подобно шакалам. Мика тут же упал, заработав трещину в черепе. В ушах зазвенело, и он даже не успел понять, что происходит.

Повсюду, где проходил караван, люди говорили, что это лето несет в себе зло. Никогда еще солнце не палило столь обжигающе, и никогда еще оазисы так не пересыхали. И лето

¹ *Вади* – арабское название сухих русел рек и речных долин.

действительно стало зловещим, когда некоторые опустились до грабежа караванов торговцев солью. Древний закон и обычай защищали купцов даже от сборщиков налогов – узаконенных бандитов, грабивших от имени короля.

Придя в себя несколько часов спустя, Мика тотчас же пожалел, что не умер вместе со всеми. Боль он мог выдержать – все-таки он был сыном Хаммад-аль-Накира, а дети Пустыни Смерти быстро закалялись в ее огненном тигле. Но полная беспомощность вызывала у него желание умереть.

Он не мог даже отпугнуть падальщиков – настолько был слаб. Он лишь сидел и плакал, пока стервятники и шакалы раздирали мясо его родных, ссорясь из-за лакомых кусочков.

Погибли девять человек и верблюды. Мальчик тоже был обречен. В глазах у него двоилось, в ушах звенело при любой попытке пошевелиться. Иногда казалось, будто его зовет кто-то невидимый. Не обращая ни на что внимания, он упрямо ковылял в сторону Эль-Аквилы, и каждые сто ярдов становились маленькой изматывающей одиссеей.

Он то и дело терял сознание.

В пятый или шестой раз он очнулся в низкой пещере, в которой воняло лисами. Боль пронизывала голову от виска до виска. Он всю жизнь страдал головной болью, но никогда еще та не была столь невыносимой. Он застонал, и стон его превратился в горестный вой.

– Ага, проснулся? Хорошо. Держи. Выпей.

В глубокой тени присела сгорбленная фигура древнего старика. Сморщенная рука протянула оловянную кружку, на дне которой плескалась темная пахучая жидкость.

Мика выпил и тут же снова впал в забытие. Однако он слышал далекий голос, без конца бормотавший о вере, Господе и предначертанной судьбе детей Хаммад-аль-Накира.

Ангел заботился о нем много недель, продолжая читать нескончаемые литании о джихаде. Иногда безлунными ночами он сажал Мику на крылатого коня и показывал ему мир: Аргон, Итаскию, Хеллин-Даймиель, превращенный в руины Гог-Алан, Дунно-Скуттари, Некремнос, Троес, Фрейланд, саму пустыню Хаммад-аль-Накир, Малые королевства и многое другое. И ангел постоянно повторял, что эти земли должны вновь преклонить колени перед Господом, как это было во времена империи. Господь был терпелив. Господь был справедлив. Господь все понимал. И Господь страдал оттого, что его избранные отступили от веры, перестав нести народам истину.

Ангел не отвечал на вопросы, он лишь осуждал детей Хаммад-аль-Накира за то, что те позволили приспешникам Тьмы притупить их желание служить истине.

За четыре столетия до рождения Мики аль-Рама на земле был город под названием Ильказар, властвовавший над всем Западом. Но короли его были жестоки и слишком часто поддавались влиянию чародеев, которых интересовали лишь собственные достижения.

Над чародеями Ильказара висело древнее пророчество, утверждавшее, что империя найдет свою гибель из-за женщины. И мрачные маги безжалостно преследовали всех женщин, кто владел Силой.

Во время правления Вилиса, последнего короля, сожгли женщину по имени Смирена. У нее остался сын, но палачи не придали этому значения. Мальчик перебрался в Шинсан, Империю Ужаса, где учился у тервола и Принцев-Чудотворцев. А потом он вернулся, одержимый жаждой мести.

Он превратился в могущественного чародея и собрал под своим знаменем врагов империи. Последовавшая война стала самой жестокой из всех, что помнил мир. Чародеи Ильказара тоже были могущественны, а капитаны и солдаты империи – преданы ей и закалены в боях. Колдовство выходило на охоту бесконечными ночами, пожирая государства.

Война превратила когда-то богатое и плодородное сердце империи в обширную каменистую равнину. Руслу великих рек засыпало безжизненным песком. Землю эту называли Хам-

мад-аль-Накиром, Пустыней Смерти. Потомки королей стали мелкими главарями потрепанных банд, которые устраивали друг другу кровавую резню из-за жалких подобий оазисов.

Одно семейство, Квесани, установило номинальную власть над пустыней, принеся неустойчивый мир. Слегка утихомирившиеся племена начали возводить небольшие поселения и восстанавливать старые храмы.

Дети Хаммад-аль-Накира были религиозны. Лишь вера в то, что все их испытания насланы Господом, позволяла выносить зной, пустыню и дикость собратьев. Лишь непоколебимая уверенность, что Господь когда-нибудь смилостивится и вернет им законное место среди народов, поддерживала борьбу за жизнь. Но религия их имперских предков была рассчитана на оседлый народ, крестьян и городских жителей. Церковная иерархия не шла в ногу со светской. По мере того как сменялись поколения, но Господь не проявлял милости, простонародье все сильнее отдалялось от священнослужителей. А те чересчур заостенели, чтобы приспособить догмы к потребностям уже кочевого народа. Они слишком привыкли взвешивать все на весах смерти.

То лето было самым жарким после следовавших за Падением. Осень не обещала облегчения. Оазисы пересыхали, и порядок, который обеспечивали власти, постепенно ускользал из рук Короны и священнослужителей. Хаос нарастал, отчаявшиеся люди все чаще нападали друг на друга, а молодые священники спорили со старшими относительно религиозного значения засухи. Бесплодные холмы и дюны захлестывала волна народного гнева. В каждой тени таилось недовольство.

Земля вслушивалась в шепот нового ветра. И один старик услышал некий звук. То, как он поступил в ответ, прокляло его и одновременно сделало святым.

Для имама Ридии аль-Ассада лучшие дни остались в далеком прошлом. После пятидесяти с лишним лет служения Господу он почти ослеп, и теперь о нем должны были заботиться другие слуги Господни. Однако ему дали меч и поставили охранять склон холма. У него никогда не было ни сил, ни желания, чтобы владеть оружием. Если бы явился кто-то из клана эль-хабиб, желая украсть воду из источников и водохранилищ Аль-Габы, он ничего не смог бы сделать, и лишь плохое зрение оправдало бы его перед начальниками.

Старик был истинно верующим. Он считал себя братом всем людям во всем Краю Мира и верил, что выпавшим ему счастьем следует делиться с теми, кого Господь призвал вести за собой.

В храме Аль-Габы имелась вода. В Эль-Аквиле ее не было ни капли. Старик не понимал, почему его начальники готовы обнажить сталь во имя подобной несправедливости.

Эль-Аквила лежала по левую руку от него, на расстоянии мили. Убогое селение являлось центром жизни клана эль-хабиб. Позади аль-Ассада возвышался храм и монастырь, где он жил. В монастыре доживали остаток дней священнослужители из западной пустыни.

Звук доносился откуда-то снизу, из-под каменистого склона, который ему было поручено охранять. Аль-Ассад заковылял вперед, намного больше доверяя собственным ушам, чем почти ослепшим от катаракты глазам. Звук напоминал бормотание умирающего на дыбе человека.

В тени каменной глыбы он нашел лежащего мальчика.

На вопросы «Кто ты?» и «Тебе нужна помощь?» ответа не последовало. Старик присел и скорее ощутил, чем увидел, что перед ним жертва пустыни. Он вздрогнул, нащупав потрескавшуюся, покрытую струпами, обожженную солнцем кожу.

– Ребенок, – пробормотал он. – И не из Эль-Аквилы.

Жизнь почти оставила юношу. Солнце выжгло большую часть его сил, иссушив душу так же, как и тело.

– Идем, сын мой. Вставай. Тебе теперь ничто не угрожает. Ты пришел в Аль-Габу.

Юноша не отвечал. Аль-Ассад попытался поставить его на ноги – мальчик никак ему не помогал, но и не сопротивлялся. Имам не мог ничего с ним поделать. В мальчике уже не осталось желания жить, и он лишь бессвязно бормотал странные слова: «Я шел с ангелом Господним. Я видел стены рая». Потом он впал в полное беспамятство, и аль-Ассад так и не смог снова привести его в чувство.

Старик проделал долгий и болезненный путь в монастырь, останавливаясь через каждые пятьдесят ярдов, чтобы обратиться к Господу с просьбой пощадить его жизнь, пока он не сообщит о находке настоятелю. Сердце его вновь билось с перебоями, и он понял, что недолог тот час, когда смерть примет его в объятия.

Аль-Ассад больше не боялся Темной Госпожи – на самом деле он даже ждал облегчения от страданий, которое принесет ему смерть. Но он просил о снисхождении, чтобы ему позволили совершить последний праведный поступок. Господь возложил на него и на храм определенные обязательства, приведя жертву пустыни к нему и на земли храма.

Смерть услышала его и остановила свою руку, возможно предвидя позднее куда более богатый урожай. Настоятель сперва ему не поверил и обругал за то, что он оставил пост.

– Это все проделки эль-хабибов. Сейчас они наверняка крадут нашу воду. – Аль-Ассаду все же удалось убедить настоятеля, хотя радости тому это нисколько не добавило. – Чего нам только не хватало, так это лишних ртов.

– «Имели вы хлеб, но не накормили брата вашего? Имели вы воду, но не напоили брата вашего? Тогда говорю я вам...»

– Избавь меня от цитат, брат Ридия. О нем позаботятся. – Настоятель покачал головой, предвкушая тот день, когда Темная Госпожа наконец заберет аль-Ассада. Старик со своими благими намерениями становился чересчур обременителен. – Смотри, его уже несут.

Братья опустили носилки перед настоятелем, который взглянул на измученного мальчишку, с трудом скрывая отвращение.

– Это Мика, сын торговца солью аль-Рама, – удивленно проговорил он.

– Но прошел месяц с тех пор, как эль-хабибы нашли их караван! – возразил один брат. – Никто не в состоянии столь долго выжить в пустыне!

– Он говорил, будто о нем заботился ангел, – сказал аль-Ассад. – Он говорил, что видел стены рая.

Настоятель хмуро посмотрел на него.

– Старик прав, – подтвердил другой брат. – Пока мы шли, он заговорил. Будто он видел золотые знамена на башнях рая. Он сказал, что ангел показал ему весь мир и что Господь велел ему снова привести избранных к истине.

По лицу настоятеля пробежала тень. Подобные разговоры внушали тревогу.

– Может, он и вправду видел ангела? – предположил кто-то.

– Не болтай глупости, – возразил настоятель.

– Но он жив, – напомнил аль-Ассад. – Вопреки всему.

– Он был с бандитами.

– Бандиты сбежали через Сахель. Их выследили эль-хабибы.

– Значит, с кем-то еще.

– Ангел... Ты не веришь в ангелов, брат?

– Конечно верю, – поспешно ответил настоятель. – Просто я сомневаюсь, что они называются сыновьям торговцев солью. В нем говорит пустынное безумие. Он обо всем забудет, когда придет в себя. – Настоятель огляделся, и увиденное ему не понравилось. Вокруг мальчика собрался весь храм, и на многих лицах читалось желание поверить в услышанное. – Ахмед, позови ко мне Мустафа эль-Хабиба. Нет, погоди. Ридия, ты нашел мальчика – ты и пойдешь в селение.

– Но почему?

Настоятелю пришел в голову формальный повод, позволявший избавиться от хлопот, которые уже успел доставить мальчишка.

– Здесь мы не можем за ним ухаживать. Он не прошел обряд посвящения, а пока не выздоровеет, этого не сделать.

Аль-Ассад яростно уставился на начальника, а затем, позабыв в гневе о своих болях и слабости, отправился в селение Эль-Аквила. Глава клана эль-хабиб обрадовался не больше, чем настоятель:

– Ты нашел в пустыне какого-то мальчишку? И чего ты от меня хочешь? Это не моя проблема.

– Все, кого коснулось несчастье, – наша проблема, – ответил аль-Ассад. – Настоятель хотел бы с тобой о нем поговорить.

Настоятель начал разговор с подобного же замечания в ответ на подобное же заявление. Он процитировал Писание, и Мустаф возразил цитатой, которую до этого привел аль-Ассад. Настоятель с трудом сдерживал злость:

– Он не прошел обряд посвящения.

– Так проведите обряд. Это ваша работа.

– Мы не можем, пока он не придет полностью в себя.

– Для меня он ничего не значит. А вы – еще меньше.

Отношения между ними были не из лучших. Прошло всего два дня с тех пор, как Мустаф обратился к настоятелю с просьбой дать ему воды из храмового источника и настоятель отказал. Аль-Ассад же хитро повел главу клана через храмовые сады, где восхваляли Господа аккуратные пышные цветочные клумбы. Мустаф был не в том настроении, чтобы проявлять благотворительность.

Настоятель оказался в безжалостной ловушке. Высшим законом храма являлось свершение добрых дел, и он не осмеливался пренебречь им на глазах братьев, если хотел сохранить свой пост. Но он не был готов и к тому, чтобы позволить мальчишке бормотать богохульства там, где они могли возмутить разум его подопечных.

– Друг мой, немало тяжких слов прозвучало между нами по вопросу, который мы столь недавно обсуждали. Возможно, я принял чуть поспешное решение.

Мустаф хищно оскалился:

– Возможно.

– Двадцать бочек воды? – предложил настоятель.

Мустаф направился к выходу.

Аль-Ассад печально вздохнул. Похоже, они собирались торговаться, словно на рынке, пока мальчик умирал. Качая головой, он отправился в свою келью.

Не прошло и часа, как его приняла в объятия Темная Госпожа.

Мика внезапно проснулся с ясной головой, интуитивно догадываясь, что миновало немало времени. Последнее, что отчетливо помнил, – как он шел рядом с отцом, пока караван преодолевал оставшуюся перед Эль-Аквилой лигу. Крики, удар, боль, безумие... Они угодили в ловушку. Где он сейчас? Почему не умер? Ангел. Был какой-то ангел.

Вернулись обрывки воспоминаний. Ему сохранили жизнь, чтобы он стал проповедником для избранных. Учеником.

Он поднялся с тюфяка, но ноги тут же ему отказали. Несколько минут он лежал, тяжело дыша, прежде чем хватило сил поползти до клапана палатки.

Клан эль-хабиб уложил его в палатку, под карантин. От слов его, произнесенных в бреду, Мустафа бросало в дрожь. Глава клана чувствовал за его безумными видениями кровь и страдания.

Мика откинул клапан. В лицо ударили лучи послеполуденного солнца. Он вскрикнул, заслонив рукой глаза. Дьявольский огненный шар снова пытался его убить.

– Идиот! – прорычал кто-то, вталкивая его обратно. – Ослепнуть захотел?

Он почувствовал прикосновение мягких рук, его снова вели к тюфяку. Пелена перед глазами рассеялась, и он увидел девочку примерно своего возраста. Вуали на ней не было.

Мика попятился. Что это? Искушение зла? Ее отец убил бы его...

– Что случилось, Мерьем? Я слышал, как он кричал.

Внутри проскользнул юноша лет шестнадцати. Мика попытался вжаться в угол, но тут же вспомнил, кто он. Его коснулась рука Господа. Он стал Учеником. И никто не мог оспаривать его добродетельности.

– Наш найденыш посмотрелся на солнце. – Девочка дотронулась до плеча Мики, и он, вздрогнув, отстранился.

– Перестань, Мерьем. Оставь свои забавы до той поры, когда он наберется для них сил. – Он повернулся к Мике. – Она любимица отца, самая младшая. Он ее балует. Даже если она кого-то убьет, ей все равно ничего не будет. Мерьем, могу я тебя попросить... насчет вуали?

– Где я? – спросил Мика.

– В Эль-Аквиле, – ответил юноша. – В палатке за хижинкой Мустафа абд-Расима ибн Фарида эль-Хабиба. Тебя нашли священники из Аль-Габы. Ты был почти мертв, и они отдали тебя моему отцу. Меня зовут Насеф, а это моя сестра Мерьем. – Он сел, скрестив ноги, напротив Мики. – Нам поручено о тебе заботиться, – без особого энтузиазма пояснил он.

– Ты был для них слишком большой обузой, – сказала девочка. – Потому они и отдали тебя отцу. – В голосе ее послышались горькие нотки.

– Что такое?

– Наш оазис пересыхает. В храме еще есть вода, но настоятель не хочет ею делиться. Храмовые сады цветут, в то время как клан эль-хабиб страдает от жажды.

Никто не упомянул о недавней сделке отца.

– Ты в самом деле видел ангела? – спросила Мерьем.

– Да, видел. Он нес меня среди звезд и показывал всю Землю. Он явился ко мне в час отчаяния и одарил двумя бесценными дарами: жизнью и истиной. И он велел мне нести истину избранным, чтобы они могли освободиться от оков прошлого и, в свою очередь, нести Слово неверным. – Насеф язвительно усмехнулся, глядя на сестру, и Мика сразу же это заметил. – Ты тоже познаешь истину, друг Насеф. Ты тоже увидишь расцвет Царства Мира. Господь вернул меня в мир живых, наделив миссией создать его царство на Земле.

В последующие столетия предстояли бесчисленные ожесточенные споры относительно слов Эль-Мюрида² о «возвращении в мир живых». Имел ли он в виду символическое возрождение, или в буквальном смысле возвращение из мертвых? Сам он так никогда и не объяснил, о чем тогда говорил.

Насеф закрыл глаза. Он был на четыре года старше наивного мальчика, и через эти годы пролегла непроходимая пропасть пережитого опыта. Однако он был достаточно хорошо воспитан, чтобы тут же не расхохотаться.

– Приоткрой немного клапан палатки, Мерьем. Пусть понемногу привыкает к солнцу.

– Нужно принести ему чего-нибудь поесть, – сказала Мерьем. – Он пока не ел никакой твердой пищи.

– Только ничего тяжелого. Его желудок еще не готов.

Насефу уже доводилось видеть жертв пустыни.

– Помоги мне.

² Мюрид – последователь, ученик (араб.).

– Ладно. Отдыхай, найденыш. Мы сейчас вернемся. Попробуй вызвать у себя аппетит. – Он вышел из палатки следом за сестрой.

– Он ведь в самом деле в это верит? – тихо спросила Мерьем, остановившись в двадцати футах.

– В ангела? Да он сумасшедший.

– Я тоже верю, Насеф. В каком-то смысле. Потому что мне хочется верить в то, что он говорит. Думаю, многим хотелось бы услышать нечто подобное. Может, настоятель отправил его сюда, потому что боялся слушать? И потому отец не хочет пускать его в дом?

– Мерьем...

– Что, если многие начнут его слушать и поверят ему, Насеф?

Насеф задумчиво остановился:

– Пожалуй, над этим стоит поразмыслить.

– Да. Идем. Принесем ему чего-нибудь поесть.

Эль-Мюрид, который по большей части все еще оставался мальчиком по имени Мика аль-Рами, лежал, глядя в потолок палатки и позволяя солнечным лучам, просачивавшимся сквозь ткань, ласкать его глаза. Он чувствовал, как в нем нарастает неодолимое желание последовать своим путем, начать проповедовать, но подавил его, понимая, что до этого следует полностью выздороветь.

Но ему так не хватало терпения!

Теперь, когда ангел открыл ему глаза, он знал о грешных обычаях избранных и стремился как можно скорее принести им истину. Каждая жизнь, которую забирала Темная Госпожа, теперь означала еще одну душу, не спасенную ото зла.

Следовало начать с Эль-Аквилы и Аль-Габы. Когда эти люди обретут спасение, он пошлет их проповедовать соседям, а сам отправится в путешествие среди племен и селений вдоль пути отцовского каравана – если найдет какой-нибудь способ принести им соль.

– А вот и мы, – объявила Мерьем. В голосе ее звучали мелодичные нотки, показавшиеся Мике странными для столь юной девочки. – Снова суп, но на этот раз я принесла немного хлеба. Можешь его размочить. Сядь – на этот раз тебе придется есть самому. Не ешь слишком быстро, а то станет плохо. И не слишком много.

– Ты очень добра, Мерьем.

– Нет. Насеф прав – я плохо воспитанная девчонка.

– Но даже при этом Господь тебя любит.

Он тихо и убедительно заговорил, откусывая по кусочку хлеба, и Мерьем слушала его с видимым восторгом.

Первый раз он выступил перед публикой в тени пальм, окружавших оазис эль-хабибов. От когда-то надежного водоема почти ничего не осталось, кроме ила, и даже тот засыхал и трескался. Мика сделал оазис темой притчи о высыхающих водах веры в Господа.

Слушателей было не много. Он сидел с ними, словно учитель с учениками, убеждая их и обучая вере. Некоторые вчетверо превосходили его по возрасту, и их удивляли его познания и ясность мыслей. Они пытались подловить оратора, ставили на пути его рассуждений ловушки в виде утонченных вопросов на тему догматов, но он разбивал все аргументы, словно варварская орда, уничтожающая плохо защищенные города.

Он был куда лучше образован, чем предполагал сам.

Обратить в свою веру ему никого не удалось, но этого он и не ожидал. Ему хотелось лишь, чтобы они начали распространять слухи за его спиной, создавая соответствующую атмосферу для речей, которые действительно могли добавить ему новообращенных.

Пожилые мужчины ушли от него в страхе, почувствовав в его словах первую искру пламени, которое могло пожрать детей Хаммад-аль-Накира.

После Эль-Мюрид посетил Мустафа.

– Что стало с караваном моего отца? – спросил он главу клана.

Мустафа ошеломили его слова, ибо тот говорил с ним как с равным, а не как ребенок со старшим.

– Они попали в засаду. Все погибли. То был печальный час в истории Хаммад-аль-Накира. Не думал, что доживу до дня, когда люди станут нападать на соляные караваны!

Чувствовалось, что Мустаф недоговаривает. Глаза его бегали.

– Я слышал, караван нашли эль-хабибы. И еще я слышал, что они преследовали бандитов.

– Это правда. Бандиты пересекли Сахель, сбежали в страну неверных Запада.

Мустаф нервничал, и Мике показалось, что он знает почему. Вождь, по сути, поступил как человек чести, послав людей справедливо наказать тех, кто лишил жизни семью аль-Рами. Но все сыновья Хаммад-аль-Накира были немного разбойниками.

– Но там, снаружи, есть верблюд, который отзывается на кличку Большой Джамал. И еще один, по кличке Кактус. Может ли быть совпадением, что эти животные носят те же имена, что и верблюды моего отца? И случайно ли у них точно такие же отметины на шкуре?

Мустаф с минуту молчал, и на мгновение в его глазах вспыхнул гнев. Ни одному мужчине не понравится, что его призывает к ответу мальчишка.

– А ты наблюдателен, сын аль-Рами, – наконец ответил он. – Да, это действительно бывшие верблюды твоего отца. Когда пришло известие о случившемся, мы оседлали лучших коней и помчались по следу. Столь чудовищное преступление не могло остаться безнаказанным. Хотя люди твоего отца и не из клана эль-хабиб, они принадлежали к избранным. Они были торговцами солью, и защищающие их законы старше, чем сама империя.

– И конечно, была еще и добыча.

– Была и добыча, хотя твой отец не был богат. Всего его состояния едва хватило, чтобы возместить наши потери коней и людей.

Мика улыбнулся – Мустаф раскрыл свою стратегию ведения переговоров.

– Вы отомстили за мою семью?

– Да, хотя погоня занесла нас за пределы Сахеля. Мы поймали их у самых стен торговцев-язычников. Лишь двоим удалось пройти через ворота неверных. Мы люди благородные и не стали сжигать их деревянные стены. Мы не стали убивать мужчин и порабощать женщин. Мы обсудили случившееся с их советом торговых посредников, которые давно знали твою семью. Мы представили доказательства, и они, посоветовавшись, отдали бандитов нам на расправу. Мы не пощадили их – они умирали много дней, в назидание другим, кто нарушит законы, которые старше, чем сама пустыня. Возможно, стервятники до сих пор растаскивают их кости.

– За это я тебе благодарен, Мустаф. А что с моим наследством?

– Это мы тоже обсудили с торговыми посредниками. Возможно, они нас обманули – кто мы для них, как не невежественные песчаные дьяволы? А может, и нет. При нас были сабли, все еще обгаренные кровью тех, кто причинил нам зло.

– Вряд ли вас обманули, Мустаф. Это не в их обычаях. И как ты говоришь, они были напуганы.

– Осталось немного золота и серебра. А верблюды их не интересовали.

– Скольких вы потеряли?

– Одного. И мой сын Насеф был ранен. Тебе стоило его видеть – настоящий лев! Моя гордость не знает границ. Я рад, что мои чресла породили такого сына! Мой Насеф – лев пустыни. Он станет могучим воином, если юношеский пыл его не убьет. Он лично прикончил троих! – Вождь прямо-таки сиял от гордости.

– А лошади? Ты говорил про лошадей.

– Три. Три наших лучших. Мы скакали, не зная устали. И мы послали гонца к родным твоего отца, чтобы те узнали о случившемся и могли предъявить свои требования. Он пока не вернулся.

– Ему предстоит долгий путь. Я оставляю все тебе, Мустаф. Прошу только дать мне коня и немного денег, чтобы я мог начать проповеди.

Мустаф удивленно посмотрел на него:

– Мика...

– Теперь я Эль-Мюрид. Мики аль-Рами больше нет. Он был мальчишкой, который умер в пустыне. Я вернулся из огненного тигля как Ученик.

– Ты серьезно? – (Эль-Мюрида удивило, что кто-то еще может сомневаться.) – Ради моей дружбы с твоим отцом выслушай меня. Не иди по этому пути. Он принесет лишь горе и слезы.

– Я должен, Мустаф. Сам Господь приказал мне.

– Мне следовало бы тебя удержать, но не стану. Да простит меня призрак твоего отца. Пойду выберу коня.

– Белого, если есть.

– Есть.

На следующее утро Эль-Мюрид снова проповедовал под пальмами. Он страстно говорил о едва сдерживаемом гневе Господа, который терял терпение, видя, как его избранные пренебрегают обязанностями. Аргумент в виде высохшего оазиса трудно было опровергнуть, как и сбросить со счетов невероятно жаркое лето. Несколько слушателей помоложе остались, чтобы задать вопросы и послушать ответы.

Три дня спустя у входа в палатку Эль-Мюрида послышался шепот Насефа:

– Мика? Можно войти?

– Входи. Насеф, можно попросить тебя называть меня Эль-Мюрид?

– Извини. Конечно. – Юноша расположился напротив Эль-Мюрида. – Мы с отцом поссорились. Из-за тебя.

– Печально слышать. В том нет ничего хорошего.

– Он велел мне держаться от тебя подальше, и Мерьем тоже. Так же собираются поступить и другие родители. Они все больше злятся – слишком много идей ты пытаешься оспорить. Тебя терпели, пока думали, что все это бред после пустыни, но теперь тебя называют еретиком.

– Меня? – ошеломленно переспросил Эль-Мюрид. – Меня, Ученика, обвиняют в ереси? Как такое может быть?

Разве он не был избран Господом?

– Ты бросаешь вызов старым обычаям. Их обычаям. Ты обвиняешь их. Ты обвиняешь священнослужителей Аль-Габы. Они привыкли к своим традициям, и вряд ли стоит рассчитывать, что они скажут: «Да, мы виновны».

Эль-Мюрид не предвидел, что зло может оказаться настолько коварным, чтобы отразить его собственные аргументы. Он недооценил врага.

– Спасибо, Насеф, что предупредил меня. Ты настоящий друг. Я запомню. Насеф, я не предполагал подобного.

– Я так и думал.

– Тогда иди. Не навлекай на себя недовольство отца. Поговорим позже.

Насеф встал и вышел, едва заметно улыбаясь.

Эль-Мюрид молился много часов, уйдя в глубины своего юного разума. Наконец он понял, какова воля Господа.

Эль-Мюрид смотрел вдоль длинного каменистого склона на Аль-Габу. Невысокий холм был полностью бесплоден, и казалось, окутавшая его тьма в любое мгновение могла сползти вниз, пожрав все окружавшее его добро. Именно здесь должна была состояться его первая и

самая важная победа. Какой смысл завоевывать души клана эль-хабиб, если духовные пастыри вновь поведут их назад по пути зла, стоит лишь ему отправиться в путь?

– Я иду в храм, – сказал он сельчанину, пришедшему посмотреть, чем он занимается. – Собираюсь прочесть проповедь. Я покажу им истину, а затем позволю в лицо назвать меня еретиком, рискуя навлечь на себя гнев Господа.

– Разумно ли это?

– Это необходимо. Они должны объявить себя либо правоверными, либо орудиями зла.

– Я скажу остальным.

Эль-Мюрид начал свой путь.

В религии пустыни не водилось дьявола, пока его не назвал Эль-Мюрид. Зло было территорией демонов, призраков и падших духов, не имевших вождя. А патриархальный Господь Хаммад-аль-Накира был лишь главой семейства богов, подозрительно напоминавшего обширные семьи империи и пустынные кланы. Главным источником проблем Господа был его брат, черная овца в семье, который постоянно вмешивался в его дела, получая удовольствие от возникающего хаоса. Религия также хранила в себе следы анимизма, веры в переселение душ и поклонения предкам.

Ученые Ребсаменского университета в Хеллин-Даймиеле считали пустынных богов слабым эхом семейства, которое когда-то объединило изначальные Семь Племен. А потом возглавило их миграцию в земли, которым предстояло стать империей, а позднее Хаммад-аль-Накиром.

В своих проповедях Эль-Мюрид предавал анафеме анимизм, поклонение предкам и веру в переселение душ, возводя главу семейства до уровня всемогущего единственно истинного Господа, братья, жены и дети которого стали простыми ангелами. А лезущий не в свои дела брат стал злом, повелителем джиннов и ифритов, а также покровителем всех колдунов. Эль-Мюрид выступал против колдовской практики с непонятной для слушателей страстью. Главным его аргумент состоял в том, что именно колдовство принесло гибель империи. Слава Иль-казара и надежда на его возвращение проходили основной темой во всех проповедях Эль-Мюрида.

Основным пунктом разногласий в Эль-Аквиле стал запрет на молитвы низшим богам. Слушатели Эль-Мюрида привыкли обращаться за помощью к «узким специалистам», в особенности Мухрайну, покровителю региона, которому были посвящены храмы Аль-Габы.

Путь, однако, привел Эль-Мюрида не в Аль-Габу, но на то место, где его нашел имам Ридия. Сперва он не понял, что его туда повлекло, но решил, что ищет нечто, когда-то здесь оставленное и полностью забытое. Нечто, спрятанное им в последний миг, прежде чем его оставил разум. Нечто, что дал ему ангел.

В памяти возникали обрывочные видения некоего талисмана – могущественного амулета в виде браслета с живым камнем. Ангел говорил, это доказательство, которое потребуется, чтобы убедить неверующих.

Но он не помнил, где спрятал амулет. Он рыскал в окрестностях высохшего вади, которое когда-то помешало ему самостоятельно добраться до Эль-Аквины.

– Что ты там делаешь? – послышался сверху голос Насефа.

– Ты меня напугал, Насеф.

– Что ты делаешь?

– Ищу кое-что. Я спрятал его тут. Его ведь не нашли? Здесь вообще что-нибудь находили?

– Кто? Священнослужители? Только оборванного, истощенного сына торговца солью.

Что ты спрятал?

– Теперь вспомнил. Под валуном, похожий на черепаший панцирь. Где он?

– Вон там есть похожий.

Валун обнаружился всего в ярде от того места, где аль-Ассад нашел мальчика. Эль-Мюрид попытался поднять камень, но ему не хватило сил.

– Давай помогу. – Насеф оттолкнул его в сторону, зацепившись рукавом за шип чахлого пустынного кустарника. – Ох... мать точно устроит мне выволочку.

– Помоги мне!

– И отец тоже, если узнает, что я тут был.

– Насеф!

– Ладно-ладно. – Он навалился на камень. – Как ты до этого его двигал?

– Не знаю.

Вместе они опрокинули валун набок.

– Ого, что это? – спросил Насеф.

Эль-Мюрид осторожно извлек амулет из каменистой почвы, стряхнув землю с изящного золотого браслета. Драгоценный камень светился даже на утреннем солнце.

– Мне дал его ангел. Как доказательство для сомневающихся.

Насефа амулет впечатлил, хотя и вызвал у него скорее тревогу, чем восторг.

– Тебе, пожалуй, стоит идти, – нервно посоветовал он. – Все селение собирается в храме.

– Они что, думают, их будут развлекать?

– Они думают, будет что-то интересное, – уклончиво ответил Насеф.

Эль-Мюрид уже замечал за ним подобную уклончивость. Насеф не хотел, чтобы его поймали на слове – на какую бы тему ни шел разговор. Они зашагали в сторону Аль-Габы. Друг постепенно отставал, и Эль-Мюрид прекрасно его понимал – Насефу еще предстояло жить с Мустафом.

В храме собрались все, как из Эль-Аквилы, так и из Аль-Габы. Атмосфера в храмовом саду напоминала праздничную, но Эль-Мюрид не встретил ни одной дружеской улыбки. Под покровом веселья скрывалась злоба. Эти люди пришли увидеть чью-то боль и страдания.

Он думал, что сможет преподать им урок, вступив в спор с настоятелем и тем самым вскрыв все недомыслие, присущее старым догмам и обычаям. Но он почувствовал охватившую их страсть и понял: она требует столь же страстного ответа, реально показывающего, на что способен Эль-Мюрид. Молниеносно приняв решение, он словно увидел себя со стороны, став лишь еще одним зрителем, наблюдающим за выступлением Эль-Мюрида.

– На меня снизошла сила Всевышнего! – воскликнул он, воздев к небу руки. – Дух Господень движет мною! Узрите же, идолопоклонники, погрязшие в грехе и слабой вере! Часы врагов Всевышнего сочтены! Есть лишь один Господь, и я его Ученик! Следуйте за мной или горите навеки в аду!

Он с размаху ударил оземь правым кулаком, и камень в амулете ярко вспыхнул. С неба, многие месяцы не видевшего ни облачка, ударила молния, выжигая неровный шрам поперек храмового сада. В воздух взлетели обгоревшие лепестки.

В голубом небе прогрохотал гром. Женщины закричали, мужчины закрыли уши. Одна за другой, подобно быстрым коротким копьям, ударили еще шесть молний, разнося и сжигая прекрасные цветочные клумбы.

В наступившей тишине Эль-Мюрид направился прочь размеренным и целеустремленным шагом. Сейчас он был не ребенком и не мужчиной, но воплощением стихии, столь же ужасной, как ураган. Он двинулся в сторону Эль-Аквилы, и толпа устремила за ним, охваченная ужасом, но влекомая непреодолимой силой. За ним пошли даже братья из храма, никогда не покидавшие Аль-Габу.

Эль-Мюрид остановился возле высохшего оазиса, где когда-то чистая вода ударялась о подножия финиковых пальм.

– Я Ученик! – вскричал он. – Я орудие Всевышнего! Я воплощение славы и могущества!

Схватив весивший больше ста фунтов камень, он без особых усилий поднял его над головой и швырнул в засохший ил. В безоблачном небе продолжал грохотать гром. В песок пустыни ударили молнии. Женщины вскрикнули, мужчины заслонили глаза. Внезапно спекшийся ил потемнел, наполняясь влагой.

Эль-Мюрид развернулся к Мустафу и настоятелю:

– Так вы называли меня глупцом и еретиком? Говорите, служители ада. Покажите мне силу, которая есть в вас.

В стороне собралась горстка новообращенных, души которых он завоевал раньше. На их лицах сиял благоговейный восторг и нечто похожее на почитание. Насеф держался где-то посередине, пока не решив, к какой группе примкнуть.

Настоятеля, однако, происходящее нисколько не впечатляло, и его вызывающая поза говорила о том, что никакие доказательства на него не действуют.

– Это все спектакль, – проворчал он. – Сила того зла, о котором ты твердишь в своих проповедях. Ты не сделал ничего такого, чего не сумел бы любой достаточно опытный чародей.

Эль-Мюрид воспринял запретное слово будто удар железной перчаткой по лицу. В основе всех его проповедей лежала иррациональная, необъяснимая ненависть к колдовству. Именно эта часть его доктрины больше всего приводила в замешательство слушателей, поскольку, казалось, не имела отношения к другим поучениям.

– Да как ты смеешь? – Эль-Мюрид задрожал от ярости.

– Неверный! – крикнул кто-то, и его возглас подхватили другие. – Еретик!

Эль-Мюрид развернулся кругом. Неужели они насмеялись над ним?

Но крики новообращенных были адресованы настоятелю.

Кто-то швырнул камень, разбив лоб священнослужителю, и тот упал на колени. Следом полетели еще камни. Большинство сельчан разбежались. Личные помощники настоятеля, двое умственно отсталых братьев, которые были моложе остальных, схватили его за руки и поволокли прочь. Новообращенные Эль-Мюрида последовали за ними, швыряя камни.

Мустаф преградил им путь, собрав группу людей. Воздух сотрясали гневные ругательства, замелькали кулаки. В руках появились ножи.

– Прекратите! – крикнул Эль-Мюрид.

То был первый из бунтов, которые в течение многих лет следовали за ним, подобно заразной болезни. Лишь его вмешательство не дало свершиться кровопролитию.

– Прекратите! – прогремел он, поднимая к небу правую руку. Амулет вспыхнул, освещая лица золотым сиянием. – Спрячьте клинки и идите по домам, – велел он своим последователям.

Снизшедшая на него Сила никуда не девалась, и он уже не был ребенком. Повелительный тон его заставлял повиноваться любого. Его последователи убрали ножи и попятились. Он задумчиво взглянул на них: все они были молоды, некоторые даже моложе его самого.

– Я пришел к вам не для того, чтобы вы проливали кровь друг друга, – сказал он и повернулся к главе клана эль-хабиб. – Мустаф, я приношу свои извинения. Я вовсе этого не хотел.

– Ты проповедуешь войну. Священную войну.

– Против неверных. Языческих народов, взбунтовавшихся против империи. Но не брата против брата. Не избранного против избранного. – Он снова посмотрел на молодежь, с удивлением увидев среди нее несколько девушек. – Не сестры против брата, не сына против отца. Я пришел объединить священную империю силой Всевышнего, чтобы избранные снова могли занять причитающееся им по праву место среди народов. Чтобы они возлюбили единственного истинного Господа, которому следует поклоняться, как подобает избранным.

Мустаф покачал головой:

– Полагаю, ты желаешь добра. Но куда бы ты ни шел, за тобой будут следовать мятежи и раздоры, Мика аль-Рами.

– Я Эль-Мюрид. Я Ученик.

– Вражда станет постоянной спутницей в твоём странствии, Мика. И странствие это уже началось. Я не потерплю подобного среди клана эль-хабиб, и ты навсегда изгнан с его земель. Строже наказывать не стану – из уважения к твоей семье и тем испытаниям, что ты пережил в пустыне.

И ещё из страха перед амулетом Эль-Мюрида – но об этом он промолчал.

– Я Эль-Мюрид!

– Мне все равно, кто ты и что ты. Я не потерплю подстрекательств к насилию на моей территории. Я даю тебе лошадь и деньги, о которых ты просил, и все необходимое для путешествия. Ты покинешь Эль-Аквилу сегодня же вечером. Я, Мустаф абд-Расим ибн Фарид эль-Хабиб, все сказал. И не перечь мне.

– Отец, ты не можешь...

– Молчи, Мерьем. Что ты делала среди этого сброда? Почему ты не с матерью?

Девочка попыталась возражать, но Мустаф резко ее оборвал:

– Я был глупцом. Ты начинаешь мыслить как мужчина. С этим покончено, Мерьем. С этой минуты ты останешься с женщинами и будешь выполнять женскую работу.

– Отец!

– Ты меня слышала. Мика, ты тоже меня слышал. Уходите.

Его новообращенные готовы были снова ввязаться в драку, но он их разочаровал.

– Нет, – сказал он. – Царству Мира пока не пришло время бросить вызов неверным в светской власти, сколь бы порочны те ни были. Терпите. Наш час придет.

Мустаф побагровел:

– Не провоцируй меня, мальчик.

Повернувшись к главе клана эль-хабиб, Эль-Мюрид сложил перед собой руки, правую поверх левой, и камень в амулете ярко вспыхнул перед Мустафом. Молча и даже не дрогнув, он посмотрел главе клана в глаза.

Мустаф сдался первым, переведя взгляд на амулет. Сглотнув ком в горле, он направился в сторону селения. Эль-Мюрид неспеша последовал за ним. Приспешники окружили его, осыпая утешительными обещаниями, но он не обращал на них внимания. Мысли его были заняты Насефом, который все еще не сделал выбор. Интуиция подсказывала, что Насеф ему пригодится. Этот юноша мог стать краеугольным камнем его будущего. Прежде чем уйти, следовало завоевать душу Насефа.

Эль-Мюрида охватывали столь же двойственные чувства к Насефу, как и сына Мустафа – к Эль-Мюриду. Насеф был умен, бесстрашен, стоек и опытен. Но в нем была некая темная черта, которая пугала Ученика. В душе сына Мустафа таилось столько же потенциала для зла, как и для добра.

– Нет, я не стану бросать вызов Мустафу, – сказал Эль-Мюрид уговаривающим его спутникам. – Я излечился от немощи, и пришла пора отправиться в странствие. Когда-нибудь я вернусь. Продолжайте мое дело, пока меня не будет. И к моему возвращению покажите мне образцовое селение.

Он начал очередной урок, пытаясь дать им орудия, которые понадобятся, чтобы успешно нести его учение.

Выехав из Эль-Аквилы, он даже не оглянулся, сожалея лишь об одном: что ему не представилось возможности еще раз попытаться убедить Насефа. Эль-Аквила стала лишь началом пути, хотя и не столь удачным, как он надеялся. Он не сумел склонить на свою сторону никого из важных персон. Священнослужители и светские представители власти попросту отказывались его слушать. Следовало найти какой-то способ, чтобы открыть их уши и разум.

Он выбрал путь, обратный тому, по которому двигался караван отца. Ему хотелось задержаться там, где погибла его семья.

Ангел говорил Эль-Мюриду, что ему предстоит немалый труд и что он встретит сопротивление тех, кто не желал отказываться от старых обычаев. Тогда он не поверил – как можно отвергнуть истину? Она была столь очевидна и прекрасна, что могла потрясти любого.

Отъехав на две мили к востоку от Эль-Аквилы, он услышал стук копыт. Оглянувшись, он увидел нагонявших его двух всадников. Узнал их не сразу – до этого он видел их лишь мельком, когда те помогали побитому камнями настоятелю бежать из оазиса. Что они замыслили? Он попытался не обращать на них внимания, вновь глядя на восток, но тревога не отступала. Вскоре стало ясно, что его преследуют. Снова оглянувшись, он обнаружил, что их разделяет всего десяток ярдов. В руках всадников сверкнула сталь.

Он пришпорил коня, и белый жеребец устремился вперед, едва его не сбросив. Наклонившись, он прильнул к лошадиной шее, даже не пытаясь управлять конем. Всадники мчались следом. Только теперь он осознал страх, который не успел пережить, когда попал в засаду караван отца. Он не мог поверить, что зло столь скоро почувствует угрозу.

Бегство привело в ущелье, где погибла его семья. Он развернулся, обогнув груды причудливой формы валунов, и обнаружил, что всадники уже его ждут. Конь присел на задние ноги, пытаясь избежать столкновения, и Эль-Мюрид свалился с его спины. Перекатившись по твердой земле, он начал судорожно искать укрытие. Оружия у него не было – он поверил в защиту Всевышнего...

Он начал молиться. В ущелье прогрохотали копыта, послышались крики. Лязгнула сталь. Кто-то застонал. А потом все закончилось.

– Выходи, Мика, – позвали в наступившей тишине.

Выглянув из-за камней, он увидел двух лошадей без всадников и два лежащих на каменной земле тела. Над ними возвышался Насеф верхом на большом черном жеребце, сжимая в руке окровавленный клинок. Позади него виднелись трое юношей из Эль-Аквилы, а также Мерьем и еще одна девушка.

Эль-Мюрид выполз наружу:

– Откуда вы взялись?

– Мы решили пойти с тобой. – Насеф спрыгнул на землю и с презрением вытер клинок о грудь мертвеца. – Священнослужители... Посылают полудурков убивать.

Сами братья не были священнослужителями, лишь храмовыми сторожами, о которых заботился настоятель взамен на черную работу в монастыре.

– Но как вы тут оказались? – спросил Эль-Мюрид.

– Мерьем увидела, как они выехали следом за тобой. Мы уже раньше обсуждали, что делать, но после этого решили окончательно. Через холмы, а не вокруг них ведет антилопья тропа, и я поехал по ней. Я был уверен, что они позволят тебе добраться сюда, а потом сделают вид, будто ты снова нарвался на бандитов.

Эль-Мюрид остановился над мертвыми братьями, и к глазам его подступили слезы – бедняги были всего лишь орудиями в руках зла. Присев, он помолился за их души, хотя особо не надеялся, что Всевышний проявит к ним милость. Его Господь был ревнив и мстителен.

– Что ты собираешься сказать отцу? – спросил он, закончив.

– Ничего. Мы идем с тобой.

– Но...

– Тебе нужен кто-то еще, Мика. Разве тому только что не было подтверждения?

Помедлив, Эль-Мюрид крепко обнял Насефа:

– Рад, что ты пришел, Насеф. Я за тебя беспокоился.

Насеф покраснел. Сыновья Хаммад-аль-Накира часто вели себя вызывающе, но нежные чувства проявляли редко.

– Поехали, – сказал он. – Нам предстоит долгий путь, если мы не хотим провести ночь в пустыне.

Эль-Мюрид обнял его еще раз:

– Спасибо, Насеф. Если бы ты знал, как много это для меня значит...

Он обошел остальных, пожимая руки парням и целуя руки девушек.

– А я не заслужила объятий? – поддразнила его Мерьем. – Ты что, больше любишь Насефа?

Эль-Мюрид смутился. Похоже, Мерьем не собиралась прекращать свои игры. Он решил вывести ее на чистую воду:

– Иди сюда.

Она подошла, и он обнял ее, что разозлило Насефа и повергло девочку в полное замешательство. Эль-Мюрид рассмеялся. Один юноша привел его коня.

– Спасибо.

Всемером они начали долгий путь, занявший годы. Эль-Мюрид считал число семь счастливым, но оно не принесло ему удачи. Ему предстояли бесчисленные ночи разочарований и уныния, прежде чем его проповеди принесли плоды. Слишком многие сыновья Хаммад-аль-Накира отвергали его или были попросту слепы к истине.

Но он был настойчив, и каждая проповедь приносила ему одну или две завоеванные души. Число последователей росло, и они разносили его проповеди дальше.

2

Семена ненависти, корни войны

Гаруну было шесть лет, когда он впервые встретил Эль-Мюрида.

Его брат Али забрался в пролом в старой стене сада.

– Во имя бороды Господней! – воскликнул Али. – Хеда, Мустаф, Гарун – идите взгляните!

Их учитель Мегелин Радетик хмуро посмотрел на него:

– Али, слезай оттуда.

Мальчик не обращал на него внимания.

– И как мне вбить хоть что-то в головы этим маленьким дикарям? – пробормотал Радетик. – Можешь хоть что-то с ними сделать? – спросил он их дядю Фуада.

На строгом лице Фуада мелькнула едва заметная улыбка, говорившая: «Могу, но не буду». Он считал своего брата Юсифа дураком из-за того, что тот тратит деньги на женоподобного иноземного учителя.

– Это же Дишархун. Чего ты ожидал?

Радетик покачал головой. В последнее время таким был ответ Фуада почти на все. И еще этот варварский праздник... Он означал потерянные недели в деле – и без того безнадежном – по обучению отпрысков валига. Им пришлось преодолеть почти три сотни миль от Эль-Асвада до самого Аль-Ремиша ради празднеств и молитвы. Глупо. Хотя за кулисами праздника наверняка решались некие важные политические дела.

Ученые из Хеллин-Даймиеля были известными скептиками, считая любую веру фарсом. И еще большим скептиком был Мегелин Радетик, что часто приводило к ожесточенным спорам с его работодателем Юсифом, валигом Эль-Асвада. В итоге на сцене появился Фуад, младший брат Юсифа и главный задира в семье, который всегда оказывался под рукой, чтобы защитить детей от ереси Хеллин-Даймиеля.

– Скорее! – настаивал Али. – А то всё пропустите!

Все, кто следовал через Королевский двор, от лагерей паломников до Святейших храмов Мразкима, вынуждены были двигаться по одной пыльной улице за стеной двора-класса Радетика. То был первый раз, когда кто-то из его учеников присоединился к отцам во время Дишархуна. До этого никто из них не видел ни Аль-Ремиша, ни его праздничных представлений.

– Великая Священная неделя, – мрачно пробормотал Радетик. – Весеннее причащение. И кому все это нужно?

Для него, однако, это тоже был первый визит, и в каком-то смысле он пребывал в не меньшем восторге, чем дети.

Должность учителя он занял для того, чтобы изучать примитивные политические процессы в Сахеле и его окрестностях. Беспрецедентный вызов, каковым стала мессианская фигура Эль-Мюрида, давала интересную возможность исследовать культуру, подвергшуюся серьезным испытаниям. Радетик занимался изучением эволюции идеального правления, в особенности – монолитного государства, пытающегося выжить, приспособливаясь к меняющемуся восприятию подданных, считавших, что их лишили прав. То была весьма утонченная и непростая область исследований, и любые выводы становились объектом нападков.

Коллеги в Ребсамене считали его сделку с Юсифом немалым успехом. Скрытный народ Хаммад-аль-Накира всегда был девственной территорией для ученых. Радетик, однако, начал сомневаться, что возможность стоила всех страданий, которые ему приходилось терпеть.

Лишь маленький Гарун не отвлекся от урока – все остальные толкались вокруг Али, ища место получше.

– Ладно, иди и ты тоже, – сказал Радетик оставшемуся ученику.

Гарун был единственным светлым пятном, которое сумел найти Радетик в этой невежественной пустыне. И Гарун был единственной причиной, по которой Радетик не стал посылать Юсифа в ад со всеми его суевериями. Мальчик выглядел крайне многообещающе.

Остальные? Братья и двоюродные братья Гаруна, а также дети сторонников Юсифа, пользовавшихся его покровительством? Они были обречены. Им предстояло стать копиями отцов – невежественными, суеверными, кровожадными дикарями, новыми меченосцами в бесконечной кавалькаде набегов и стычек, являвшихся для этих людей смыслом жизни.

Радетик никогда бы никому не признался, и меньше всего самому себе, но он любил маленького бесенка по имени Гарун. Он следовал за мальчиком, в тысячный раз размышляя над загадкой валига. Положение Юсифа примерно равнялось положению герцога. Он был двоюродным братом короля Абуда, и у него имелись все причины защищать сложившиеся устои, ибо любые перемены могли принести немало потерь. Однако он мечтал покончить с бесконечными убийствами, составлявшими часть традиционного образа жизни в пустыне, по крайней мере в своих владениях. В каком-то смысле, пусть и не столь агрессивно, он был революционером, как Эль-Мюрид.

Кто-то из мальчиков постарше посадил Гаруна на стену, и тот уставился на открывшееся перед ним зрелище, словно пораженный невообразимым чудом. Любимец Радетика был строен и смугл, с темными глазами и ястребиным носом – уменьшенная копия отца. Даже в шесть лет он прекрасно понимал, какое положение занимает. Поскольку Гарун был лишь четвертым сыном, он был обречен стать главным шагуном провинции, командиром горстки солдат-чародеев, служивших в семейной коннице.

Валигат Юсифа был обширен, а войска многочисленны, поскольку формально включали всех мужчин, способных носить оружие. Гаруну предстояло взять на себя немалую ответственность, в полной мере овладев искусством чародея. Уже сейчас Радетик делил своего ученика с учителями-чародеями из Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени, Гор Тысячи Колдунов. Великие адепты начинали свое образование тогда же, когда учились говорить, но редко достигали вершин могущества раньше, чем вступали в пору расцвета сил. Юношеские годы решали, светит ли тебе самодисциплина, и достичь ее надлежало до периода созревания и всего, что вытекает из этого.

Радетик протолкался сквозь стайку детей:

– Будь я проклят!

Фуад оттащил его назад:

– Кто бы сомневался. – Он занял место Радетика. – Ох ты!.. Женщина с открытым лицом! Учитель, ты вполне можешь отпустить детей – они теперь ни за что не успокоятся. Пойду лучше скажу Юсифу, что они здесь.

Взгляд Фуада стал похотливым, словно у озабоченного самца. Радетик был уверен, что у него встало между ног.

«До чего же странные эти обычаи пустыни», – подумал он.

Слухи ползли по Королевскому двору уже много дней. Неужели Эль-Мюрид в самом деле осмелился явиться в Храмы?

Радетик снова протолкался к щели и уставился на идущих.

Женщина оказалась моложе, чем он ожидал. Она ехала на высоком белом верблюде, и впечатление, которое вызывало ее открытое лицо, полностью затмевало юношу с диким взглядом, сидевшего на белой кобыле. Вдобавок Эль-Мюрид казался совершенно неприметным на фоне еще одного мужчины, ехавшего на большом черном жеребце. «Это наверняка Насеф», – подумал Радетик. Драчун и скандалист, который командовал личной стражей Эль-Мюрида, носившей эффектное имя Непобедимых, брат жены Ученика.

– Эль-Мюрид... Ты отважный бандит, сынок, – пробормотал Радетик, вдруг обнаружив, что восхищается высокомерием юноши.

Любой, кто мог сунуть нос в дела священнослужителей, был на хорошем счету у Мегелина Радетика.

– Ребята, слезайте. Идите к отцам. Хотите, чтобы вас отхлестали плетью?

Таково было наказание за взгляд на обнаженное лицо женщины. Ученики убежали – все, кроме Гаруна.

– Это правда Эль-Мюрид? Которого отец зовет Маленьким Дьяволом?

– Да, это он, – кивнул Радетик.

Гарун поспешил за братьями:

– Али! Погоди! Помнишь, когда Сабба пришел в Эль-Асвад?

Мегелин заподозрил неладное. Те рожденные под несчастливой звездой мирные переговоры с Саббой-и-Хассаном не принесли ничего, кроме дурной крови. Он последовал за учениками.

Он предупреждал Юсифа, составляя гороскоп за гороскопом, и каждый из них был чернее предыдущего. Но Юсиф отвергал научный подход к собственной жизни.

В сыновьях Хаммад-аль-Накира таилась врожденная, но невинная жестокость. В их языке даже не было слов, чтобы выразить понятие «жестокость к врагу».

Гарун оглянулся и помедлил, заметив, что Радетик за ним наблюдает. Но желание произвести впечатление на братьев превозмогло здравый смысл. Схватив набор юного шагуна, он бросился за ними на улицу.

Радетик пошел следом. Возможно, он и не мог помешать их проказам, но у него могла появиться возможность проникнуть за завесу тайны, окружавшей крах переговоров с Саббой-и-Хассаном.

И тайна эта оказалась до ужаса простой.

Шагун был в не меньшей степени фокусником, чем истинным чародеем. Гарун тратил по часу в день, тренируя ловкость рук, которая могла бы однажды повергнуть в благоговейный трепет чересчур доверчивых. Среди его простых инструментов имелаась духовая трубка, которую он мог спрятать в кулаке и, изобразив кашель, выстрелить камешком в костер или стрелкой в ничего не подозревающего врага.

Гарун выбрал стрелку и дунул, целя в бок белой лошади.

Та заржала, встав на дыбы, и Эль-Мюрид свалился к ногам Гаруна. Взгляды их встретились. Вид у Эль-Мюрида был озадаченный. Попытавшись встать, он упал – у него оказалась сломана лодыжка.

Братья Гаруна начали насмехаться над пострадавшим юношей.

– Предзнаменование! – крикнул сообразительный священнослужитель. – Ложных про-
роков ждет неизбежное падение!

Его возглас подхватили другие, уже давно мечтавшие выставить Эль-Мюрида на посме-
шище. Между разными группировками завязалась толкотня.

Гарун и Эль-Мюрид продолжали смотреть друг на друга, словно предвидя будущее, и
притом мрачное.

Насеф заметил духовую трубку, и его меч со звоном выскользнул из ножен. Острие оца-
рапало кожу в дюйме над правым глазом Гаруна. Мальчику грозила бы смерть, если бы Радетик
промедлил. Сторонники роялистов взревели, в руках появилось оружие.

– Похоже, хлопот не оберешься. Пошли отсюда, дурачок ты этакий.

Подхватив Гаруна с земли, Радетик перебросил его через плечо и поспешил к шатру
своего работодателя. Во время Дишархуна все – не важно, совершали ли они паломничество
в Аль-Ремиш или нет, – жили неделю в шатрах.

На улице они встретили Фуада. До того уже дошли преувеличенные слухи об убийстве,
и он был вне себя от гнева. Будучи рослым мужчиной с репутацией дикаря, Фуад в ярости
превращался в настоящего зверя. В руке он держал боевой клинок, на вид достаточно большой,
чтобы обезглавить одним ударом быка.

– Что случилось, учитель? С ним все в порядке?

– В основном перепугался. Поговорю лучше с Юсифом.

Он попытался скрыть кровотечение – Фуад куда меньше умел держать себя в руках, чем
другие его земляки.

– Он ждет.

– Похоже, мне стоит брать на каждую встречу с ним какого-нибудь раненого мальчишку.
Фуад бросил на него полный яда взгляд.

Крики и звон клинков вокруг Эль-Мюрида становились все яростнее. Во время Дишар-
хуна любые драки запрещались, но сыновья Хаммад-аль-Накира были не из тех, чьи порывы
мог бы ограничить закон. Появились всадники с круглыми черными щитами, украшенными
грубым изображением красного орла Королевского дома.

Радетик поспешил к шатру своего работодателя.

– Что случилось? – спросил Юсиф, как только понял, что рана Гаруна не представляет
опасности, и отправил прочь многочисленных прихлебателей. – Гарун, рассказывай первым.

Мальчик был слишком перепуган, чтобы пытаться что-то сочинять.

– Я... я дунул из своей трубки. Хотел попасть в лошадь. Я даже не думал, что с ним
может что-то случиться.

– Мегелин?

– Собственно, так и было. Дурацкая шутка. Я бы возложил вину на старших, которые
подают молодым дурной пример. Однако я уже слышал про Саббу-и-Хассана.

– То есть?

– Насколько я понимаю – в контексте подобной же шутки. Ваши дети еще более прими-
тивны и непосредственны, чем взрослые.

– Гарун? Это правда?

– Гм?

– Ты проделал то же самое с Саббой-и-Хассаном?

Радетик едва заметно улыбнулся, заметив, как мальчик сражается с готовой сорваться с
губ ложью.

– Да, отец.

В шатер вернулся Фуад, уже успевший успокоиться.

– Учитель? – спросил Юсиф.

– Да, валиг?

– Какого дьявола они болтаются по улицам? Им положено быть на уроке.

– Будь серьезнее, Юсиф, – вмешался Фуад. – Только не говори, будто ты уже слишком стар, чтобы помнить молодость. – Валигу был сорок один год. – Сейчас Дишархун. Женщина была без вуали. Думаешь, твой учитель – чудотворец?

Радетика удивили слова Фуада. Ранее тот ясно дал ему понять, что если учитель не обучает владению оружием, в нем нет никакого смысла. Воину-вождю никакого другого образования не требовалось. Писцов и бухгалтеров можно было найти и среди рабов. К тому же Фуад недолюбливал Радетика. Что могло стать причиной столь хорошего его настроения? Радетик встревожился:

– Гарун!

Мальчик неохотно приблизился к отцу и без единого крика вытерпел заданную ему трепку. Впрочем, он нисколько не раскаялся, что разозлило Юсифа, который никогда прежде не наказывал детей при посторонних. И все же Радетик подозревал, что его работодатель не так уж и недоволен.

– А теперь иди и поищи братьев. Скажи, пусть немедленно идут сюда и держатся подальше от неприятностей.

Мальчик выбежал из шатра. Юсиф посмотрел на Фуада:

– До чего же дерзкий сорванец.

– Думаю, весь в отца. Ты сам был такой же.

Гарун был любимцем Юсифа, хотя валиг тщательно это скрывал. Радетик подозревал, что его наняли именно ради этого мальчика. Остальных швырнули на его уроки в тщетной надежде, что и к ним пристанет патина мудрости.

Гаруну наверняка бы понравилась жизнь ученого. Когда поблизости не было старших братьев, он не скрывал своей натуры. Собственно, он сам говорил Радетику, что, когда вырастет, хотел бы стать таким же, как учитель. Мегелина его слова обрадовали, но вместе с тем и смутили. Для шестилетнего мальчишки Гарун проявлял немалую решимость, следуя предназначению, данному ему по праву рождения, и вел себя так, словно был вдвое старше. Столь суровый и невозмутимый фатализм редко встречался у кого-либо моложе тридцати, и Мегелин всерьез беспокоился о судьбе мальчика.

– Юсиф, – продолжал Фуад, – это тот самый переломный момент, которого мы ждали. На этот раз у нас есть хороший, надежный как скала повод.

Радетик с удивлением понял, что Фуад говорит об Эль-Мюриде. Для него это стало откровением. Он не подозревал, что обладающие властью могут бояться Ученика – пятнадцатилетнего юноши, который, как и они сами, пришел в Аль-Ремиш, чтобы участвовать в праздновании Дишархуна и крестить новорожденную дочь в Святейших храмах Мразкима. Они лгали ему и, возможно, самим себе лишь ради того, чтобы скрыть страх.

И все из-за религиозной чепухи.

– Валиг, это выглядит глупо и варварски, – проворчал Радетик. – Даже трогательно. Парень сумасшедший. Он крестится каждый раз, когда проповедует. Вряд ли стоит в чем-то его обвинять. Пусть у него будет своя Священная неделя. Пусть говорит, если хочет. В Аль-Ремише его все равно поднимут на смех.

– Позволь мне дать хорошего пинка этому своднику с рыбьей физиономией! – прорычал Фуад.

Юсиф умиротворяюще поднял руку:

– Успокойся. У него есть право на свое мнение. Даже если оно неверное.

Фуад замолчал.

Юсиф полностью подчинил себе младшего брата. Фуад, казалось, не обладал ни воображением, ни собственными стремлениями. Он был зеркальным отражением Юсифа, длинной

правой рукой валига, молотом, ковавшим чужие мечты. Это вовсе не означало, что он всегда был со всем согласен. Иногда они с Юсифом яростно спорили, особенно когда последний проталкивал какое-либо новшество. Порой Фуад даже выигрывал. Но в любом случае, как только решение оказывалось принято, он готов был стоять за него насмерть.

– Валиг...

– Помолчи немного, Мегелин. Позволь мне объяснить, в чем ты ошибаешься. – Юсиф поправил подушки. – Разговор будет долгим. Устраивайся поудобнее.

По мнению Радетика, шатер Юсифа был обставлен в кричащем, варварском стиле. Сыновья Хаммад-аль-Накира, когда могли себе это позволить, окружали себя яркими красками. Радетик словно наяву слышал, как сталкиваются друг с другом красное, зеленое, желтое и голубое вокруг Юсифа.

– Фуад, поищи чего-нибудь выпить, а я пока начну наставлять нашего наставника. Мегелин, ты не прав, поскольку слишком убежден в правильности своей точки зрения. Оглядываясь вокруг, ты не видишь культуру. Ты видишь варваров. Ты слышишь наши религиозные споры и не можешь поверить в их серьезность. Да, многие мои соплеменники тоже в них не верят. Но большинство – верят.

Что касается Эль-Мюрида и его приспешника, – продолжал он, – ты видишь лишь безумного мальчишку и бандита. Я же вижу огромную проблему. Мальчишка говорит то, что каждый желает услышать и во что желает поверить. А Насефу, возможно, вполне хватит таланта, чтобы создать новую империю Эль-Мюрида. Вдвоем они могут выглядеть невероятно привлекательно для наших детей, у которых нет иной надежды возродить былое величие. Ты воспринимаешь Насефа как бандита, поскольку он грабил караваны. Но выдающимся и опасным человеком его делают не преступления, но та ловкость, с которой он их совершал. Если когда-нибудь он перейдет от грабежей во имя Господа к войне во имя Господа – да поможет нам Господь, ибо, скорее всего, нас уничтожат.

Мегелин, никто не собирается смеяться над речами Эль-Мюрида, – сказал Юсиф в завершение. – Никто. А речи его столь же опасны, как умение Насефа сражаться. Они творят оружие, в котором нуждается Насеф, чтобы стать кем-то большим, чем обычный бандит.

Вернулся Фуад с похожим на лимонад напитком. Мегелин и Юсиф взяли свою долю. Фуад молча уселся в стороне.

– И Фуад еще удивляется, почему я считаю вас варварами, – заметил сидевший на алой подушке Радетик, сделав глоток.

– Мой брат никогда не бывал в Хеллин-Даймиеле. Зато я бывал и могу поверить, что твои соотечественники уморили бы мессию смехом. Вы все циники. И вы не нуждаетесь в подобного рода вожде. Но мы нуждаемся в нем, Мегелин. Моя душа жаждет кого-то такого, как Эль-Мюрид. Он говорит в точности то, что моя душа желает услышать. Мне хочется верить, что мы – избранный народ. Мне хочется верить, что наше предназначение – править миром. Мне хочется чего угодно, лишь бы прошедшие после Падения столетия чего-то стоили. Мне хочется верить, что само Падение – дело рук зла. И Фуаду тоже хочется в это верить. Мой двоюродный брат-король тоже наверняка охотно бы в это поверил. Увы, мы слишком стары и можем понять, что все это – лишь воздушные замки. Смертельные воздушные замки.

– Мегелин, этот парень – торговец смертью. Он помещает ее в красивую обертку, но продает очередное Падение. Если мы пойдем за ним, если мы вырвемся из Хаммад-аль-Накира ради того, чтобы обратить в свою веру язычников и возродить империю, – мы погибнем. Те из нас, кто побывал на другом краю Сахеля, понимают, что тамошний мир – вовсе не тот, который завоевал Ильказар. У нас нет стольких людей, ресурсов, оружия и дисциплины, как у западных королевств.

Радетик кивнул. Этот народ безнадежно задавят числом в любой войне с Западом. Война, как и все прочее, эволюционировала. Но тот ее стиль, который знали сыновья Хаммад-аль-Накира, эволюционировал в направлении, подходящем лишь для пустыни.

– Но его джихад пока что меня не пугает, – продолжал Юсиф. – Меня пугает борьба, которая может начаться здесь. Сперва он должен завоевать собственную родину. А для этого ему придется вспороть брюхо Хаммад-аль-Накира. И потому мне хочется заранее вырвать ему клыки – любыми средствами, честными или нечестными.

– Вы живете по другим правилам, – заметил Радетик, для которого эти слова уже стали любимой фразой. – Мне нужно подумать о том, что ты сказал.

Допив напиток, он встал, кивнул Фуаду и вышел. Усевшись у входа в шатер в позе для медитации, он слушал, как Юсиф объясняет Фуаду, каким образом обратиться к королю Абуду с новостью о появившейся возможности. Мысль о глупости и несправедливости подобного поступка повергла его в такую тоску, что он полностью отвлекся от их разговора, созерцая окрестности.

Королевский двор занимал пять акров вдоль юго-западного края храмов Мразкима, религиозного сердца Хаммад-аль-Накира. Поскольку сейчас был Дишархун, двор кишел королевской родней, подхалимами и искателями монаршей благосклонности. Большинство капитанов, шейхов и валигов привезли с собой всех своих домочадцев. Торговцы и ремесленники, надеявшиеся добиться хоть какого-то преимущества над конкурентами, в буквальном смысле осаждали границы владений. Повсюду бродили послы и иноземные торговые посредники. Смесь всевозможных запахов сбивала с ног. Шум толпы людей, животных, машин и насекомых сливался в сплошной гул.

А за пределами этого безумного муравейника простирались обширные лагеря обычных паломников. Их палатки заполняли склоны долины, в которой стояла столица и Храмы. В этом году паломников было на многие тысячи больше обычного, поскольку слухи о визите Эль-Мюрида распространялись несколько месяцев. Люди пришли сюда, не желая пропустить неизбежное столкновение между несогласными и властью.

«Юсиф играет с огнем», – подумал Радетик, глядя, как Фуад направляется к похожему на дворец шатру Абуды. Эта монархия, в отличие от ее предшественницы в Ильказаре, не правила посредством указов. Сегодня даже самому несносному демагогу не могли отказать в праве высказаться перед судом в свою защиту.

Гарун робко подошел к учителю и сел рядом, вложив ладошку в руку Радетика.

– Порой, Гарун, твои проказы тебе только во вред. – В голосе Радетика, однако, не чувствовалось упрека, и слова его тронули мальчика, даже если и показались ему неискренними.

– Я что-то сделал не так, Мегелин?

– На этот счет есть разные мнения. – Радетик окинул взглядом толпу. – Тебе стоит сперва думать, Гарун, а потом уже действовать. Это самый большой недостаток твоего народа – вы поддаетесь порыву, даже не размышляя о последствиях.

– Мне очень жаль, Мегелин.

– Ну да, как же. Тебе жаль, что тебя поймали. И тебе совершенно все равно, насколько пострадал тот человек.

– Он наш враг.

– Откуда ты знаешь? Ты никогда его раньше не видел, никогда с ним не разговаривал. Он никогда не причинял тебе вреда.

– Али говорил...

– Али вроде твоего дяди Фуада. Он много чего болтает, и рано или поздно кто-нибудь, кто вообще не думает, запихнет ему кулак в глотку. Как часто он бывает прав? И как часто из его разинутого рта исходят одни лишь глупости?

Радетик не скрывал разочарования – он никогда еще не встречал столь неподдающегося ученика, как Али бин Юсиф.

– Значит, он не наш враг?

– Я этого не говорил. Естественно, он наш враг. Он твой самый заклятый враг, но не потому, что так заявляет Али. Эль-Мюрид – враг в идейном смысле. Вряд ли он причинил бы тебе физический вред, будь у него такая возможность. Он просто лишил бы тебя всего, что для тебя столь важно. Когда-нибудь, надеюсь, ты поймешь, сколь большой ошибкой стала твоя проделка.

– Фуад идет.

– Ну и ладно. У него вид как у старого кота, слизывающего сметану с усов. Все прошло хорошо, Фуад?

– Превосходно, учитель. Старый Абуд не настолько глуп, как я думал. Он сразу же увидел представившуюся возможность. – Улыбка исчезла с лица Фуада. – Тебя могут вызвать свидетелем.

– Возможно, в таком случае мы не сможем больше быть друзьями. Я из Ребсамена, Фуад. Я не умею лгать.

– А мы что, когда-то были друзьями? – бросил Фуад, входя в шатер.

По спине Радетика пробежали мурашки. Он отнюдь не считал себя смельчаком и теперь ненавидел сам себя, зная, что солжет, если Юсиф как следует на него надавит.

В соответствии с традициями Дишархуна собрался Суд Девяти, высший суд Хаммад-аль-Накира. Трое судей представляли Королевский дом, еще трое – священнослужителей Храма. В последнюю троицу вошли обычные паломники, случайно отобранные среди тех, кто прибыл на Священную неделю.

Суд был предвзятым. Против Эль-Мюрида высказались восемь голосов еще до того, как были представлены хоть какие-то доказательства.

Кто-то основательно забинтовал Гаруна и быстро его проинструктировал. Мальчик невозмутимо лгал, обмениваясь вызывающими взглядами с Эль-Мюридом и Насефом. Радетик едва не завопил от возмущения, когда суд проголосовал против перекрестного допроса.

Гаруна сменила череда паломников. Их показания имели мало общего с реальностью и, скорее, отвечали религиозным пристрастиям свидетелей. Никто даже не упомянул, что видел духовую трубку или дротик.

Радетику хорошо было знакомо подобное пустынное правосудие. Ему доводилось присутствовать на судебных заседаниях в Эль-Асваде, и, похоже, решение суда зависело от того, какая сторона соберет больше родни, которая солжет в ее поддержку. Мегелин боялся той минуты, когда ему самому придется выступить свидетелем. Его отчаянно мучили угрызения совести, и он опасался, что не сумеет солгать. К счастью, его избавили от необходимости нарушать собственные принципы, – судя по всему, Юсиф замолвил за него слово, и его не вызвали. Он сидел, беспокойно ерзая, и злился, глядя на разворачивающийся перед ним спектакль. В исходе суда можно было не сомневаться – решение было принято еще до того, как судьи услышали суть обвинений.

В чем, собственно, состояли обвинения? Радетик вдруг понял, что формально они вообще не выдвигались. Судили Эль-Мюрида, и обвинения не имели значения.

Эль-Мюрид встал:

– Вношу просьбу, уважаемые судьи.

Главный судья, брат Абуда, устало взглянул на него:

– Что на этот раз?

– Прошу разрешить вызвать дополнительных свидетелей.

Вздохнув, судья потер лоб.

– Так может продолжаться целый день, – пробормотал он, но многие отчетливо его услышали. – Кого?

– Мою жену.

– Женщину?

По рядам пронесся удивленный ропот.

– Она дочь вождя. Она из клана эль-хабиб, который той же крови, что и Квесани.

– И тем не менее она женщина. Причем отвергнутая собственной семьей. Ты что, насмеяешься над судом? Хочешь скрыть свои преступления, пытаешься превратить правосудие в фарс? Просьба отклонена.

Радетик был готов взорваться. И все же, к своему удивлению, он понял, что даже сторонников Эль-Мюрида ужаснуло предложение их пророка. Мегелин печально покачал головой – эти дикари были безнадежны.

– Сиди спокойно, учитель, – ткнул его под ребра Фуад.

Меньше чем через два часа после начала суда главный судья поднялся и, даже не посоветовавшись наедине с коллегами, объявил:

– Мика аль-Раами и Насеф, бывший ибн Мустаф эль-Хабиб. Вы признаны судом виновными. Соответственно, Суд Девяти приговаривает вас к пожизненному изгнанию из всех королевских земель без права на убежище, всех священных мест без права на убежище и лишению милости Господа – если будущий Суд Девяти не найдет оснований для смягчения наказания или помилования.

Радетик язвительно усмехнулся. Приговор сводился к отлучению от политики и религии – с возможностью его избежать. Все, что требовалось от Эль-Мюрида, – отречься от своей веры. Если бы речь шла о каком-либо реальном преступлении, приговор наверняка подвергся бы критике за чрезмерную мягкость. В этих краях с легкостью отрубали руки, ноги, яйца, уши, а зачастую и головы. Но приговор достиг цели, лишив Эль-Мюрида возможности проповедовать во время Дишархуна перед огромными толпами, которые собрала Священная неделя в этом году.

Радетик негромко рассмеялся, – похоже, кто-то смертельно боялся этого мальчишки. Фуад снова толкнул его в бок.

– Господа, за что вы так со мной поступаете? – тихо спросил Эль-Мюрид, склонив голову.

«У него неплохо получается, – подумал Радетик. – В словах его достаточно пафоса. Он наверняка завоеует новых сторонников».

Внезапно Эль-Мюрид гордо посмотрел главному судье в глаза:

– Твой слуга слушает и повинует, о Закон. Ибо разве не сказал Всевышний; «Повинуйтесь Закону, ибо я – Закон»? Как только закончится Дишархун, Эль-Мюрид исчезнет в песках пустыни.

В толпе послышались вздохи. Похоже, старый порядок одержал победу.

Насеф бросил на Эль-Мюрида полный яда взгляд.

«Почему, – подумал Радетик, – Насеф не сказал ни слова в их защиту?» Какую игру он вел? И собственно, какую игру вел сейчас Эль-Мюрид? Похоже, он был полностью готов к дальнейшим унижениям.

– Суд Девяти приказывает привести приговор в исполнение немедленно. – Это никого не удивило – как еще запретить Эль-Мюриду говорить? – По прошествии часа королевские шерифы получают приказ схватить любого из объявленных вне закона или их родственников, обнаруженных в любых запретных для них пределах.

– Это уже чересчур, – пробормотал Мегелин.

Фуад снова толкнул его в бок.

Редко бывает, чтобы поворотный пункт в истории удалось привязать к вполне конкретной минуте, но Радетик понял, что именно сейчас эта минута настала. Толпа перепуганных

людей пыталась отчаянно защититься от того, кого они ненавидели. Они пытались лишить Эль-Мюрида драгоценной возможности и неотчуждаемого права крестить ребенка в Святейших храмах Мразкима во время Дишархуна. Эль-Мюрид уже объявил, что посвятит дочь Господу в Машад, последний и важнейший Священный день. Радетику не требовалось быть магом, чтобы предсказать долговременные последствия. Даже самый кроткий из рожденных в пустыне почувствовал бы себя обязанным ответить.

Позже последователи Эль-Мюрида заявят, что именно в эту минуту мрачная реальность наконец прорвалась сквозь завесу идеалов, не дававших юноше увидеть всю лживость мира. Радетик, однако, подозревал, что подобное откровение снизошло намного раньше. Юноша, похоже, втайне был доволен услышанным. И тем не менее он покраснел, и мышцы на шее напряглись.

– Видимо, такова воля Господня. Да позволит Всевышний своему Ученику когда-нибудь выйти из его немилости.

Он говорил тихо, но в словах его чувствовались угроза, обещание и провозглашение раскола. С этого мгновения Царству Мира предстояло вести войну с еретиками и врагами будущего.

Радетик чувствовал запах крови и дыма, доносившийся из грядущих лет. Он не мог понять, почему враги Эль-Мюрида не в силах осознать того, что они совершили. Будучи старым циником, он пристально наблюдал за Эль-Мюридом. Несмотря на неподдельный гнев юноши, видно было, что именно этого тот и ожидал. Заметил он и едва сдерживаемое веселье во взгляде Насефа.

Эль-Мюрид послушно покинул Аль-Ремиш, но Мерьем распространила слух, что ее дочь не будет носить никакого имени, пока не получит его перед самими Храмами Мразкима.

– Женщины пытаются угрожать? – рассмеялся Фуад, когда об этом услышал. – Скорее верблюды станут летать, чем она снова увидит Аль-Ремиш.

Юсиф не был в этом столь уверен. От постоянного ворчания Мегелина в голову лезли разные мысли, и Юсифу они не нравились.

Беспорядки начались еще до того, как осела пыль на дороге, по которой уехал Эль-Мюрид. Погибли более сотни паломников. Еще до конца Дишархуна сторонники Эль-Мюрида осквернили стены Храмов.

Юсиф и Фуад пребывали в недоумении.

– Началось, – сказал Мегелин Юсифу. – Вам следовало их убить. Тогда на этой неделе все бы закончилось, а через год о нем бы забыли.

Несмотря на свои прежние слова об излишней эмоциональности его народа, Юсифа, похоже, ошеломили действия последователей Ученика. Он не мог понять, как его могут ненавидеть те, кто вообще его не знал. Такова человеческая трагедия – люди ненавидят, не пытаясь понять и не в силах понять, почему ненавидят.

Позже на той же неделе Радетик предупредил его:

– За всем этим стоит некий план. Они предвидели твои действия. Ты заметил, что никто из них на самом деле не пытался защищаться? Особенно Насеф? За все время суда он не произнес ни слова. Думаю, ты создал парочку мучеников, и, полагаю, именно этого они и хотели.

– Слышишь, Гарун? – спросил валиг, не отпуская мальчика от себя. На улицах хватало желающих заполучить его в свои руки. – Насеф опасен.

– Беспорядки будут распространяться дальше, – предрек Радетик. – Бедные начнут выступать против богатых. Простонародье, ремесленники и торговцы – против священнослужителей и знати. – (Юсиф удивленно на него посмотрел.) – Может, я и не разбираюсь в вере, Юсиф. Но я разбираюсь в политике, интересах правящих кругов и обещаниях завтрашнего дня.

– Что они могут сделать? – бросил Фуад. – Горстка объявленных вне закона? Рассеянные повсюду приверженцы Маленького Дьявола? Мы можем выследить их всех, словно раненых шакалов.

– Боюсь, Мегелин прав, Фуад. Думаю, Абуд перестарался. Он лишил их гордости, а такого не стерпит ни один мужчина. Ему нужно каким-то образом сохранить лицо. Мы выгнали их прочь, словно побитых собак, и они обязательно будут огрызаться. По крайней мере, Насеф уж точно. Самолюбия ему не занимать. Подумай – что бы ты стал делать, если бы так же поступили с тобой?

– Понятно, – без долгих раздумий ответил Фуад.

– Думаю, мессии склонны пользоваться любой возможностью, – добавил Радетик. – Они воспринимают нанесенное им оскорбление как свидетельство своей правоты. Мне начинает казаться, что джихад, который проповедует Эль-Мюрид, – некая метафора, а не настоящие кровь и смерть. Не так, как это выглядит с точки зрения Насефа.

– И все же, – заметил Фуад, – нам достаточно их попросту убить, если они начнут что-то затевать.

– Что касается Насефа, в этом можно не сомневаться, – ответил Юсиф. – Нам нужно лишь оценить его силы и предвидеть действия. И естественно, попытаться его убить. Но я нутром чувую, что он нам этого не позволит. Сегодня вечером у меня аудиенция у Абуда. Пожалуй, стоит его припугнуть.

Король, к несчастью, разделял мнение Фуада. Для него вопрос об Эль-Мюриде был закрыт.

Юсиф и Радетик не таили беспокойства и все же оказались не менее ошеломлены, когда обрушился удар.

Даже они серьезно недооценивали Насефа.

3

Мелкая стычка в другом месте и в другое время

Двадцать три воина, на плечах которых оседал снег, брели сквозь метель. На усах застыл лед. Впереди возвышались сосны, но здесь их окружали древние дубы, подобно присевшим на корточки рогатым лесным великанам с шишковатой кожей, мечтающим о крови и огне. Снег укрывал жертвенный камень, где жрецы старых богов вырывали сердца у вопящих девственниц. Двое юношей, Браги и Хаакен, поспешно прошли мимо, втянув голову в плечи.

Путники в полной тишине сражались с глубоким и мягким свежим снегом. Арктический ветер пронизывал ледяными кинжалами даже самую толстую одежду.

У Браги и Хаакена только что начала расти редкая борода. Волосы некоторых их спутников уже побелели как снег. У Гаральда Половины не было руки, которая могла бы нести щит. Но голову каждого украшал рогатый шлем. Все они были воинами – и старые, и молодые.

У них имелась цель.

Стон ветра смешивался с горестным волчьим воем. Браги вздрогнул. Некоторым его товарищам предстояло вскоре стать мясом для волков.

Его отец Рагнар поднял руку, и все остановились.

– Дым, – сказал тот, кого во всей Тролледингии знали как Волка из Драукенбринга.

Слабый запах дыма доносился со стороны сосен. Главный дом тана Хьярлма был совсем рядом. Все тут же присели отдохнуть.

Шли минуты.

– Пора, – сказал Рагнар, которого также звали Бешеным Рагнаром, ибо он был безумным убийцей, известным на тысячи миль вокруг.

Мужчины в последний раз осмотрели щиты и оружие. Рагнар разделил этих людей на две группы, которым предстояло пойти направо и налево. С ним коротко посоветовались его сын Браги, приемный сын Хаакен и друг Бьерн. Юноши несли глиняные горшки с тщательно оберегаемыми тлеющими углями, и им было обидно, что отец приказал держаться подальше от драки.

– Хаакен, пойдешь с Бьерном и Свеном, – тихо проговорил Рагнар. – Браги, останешься со мной.

Последние полмили стали самыми медленными. Браги помнил и куда более дружественные визиты, а прошлым летом – горячие тайные объятия с Ингер, дочерью тана. Но теперь старый король умер, и шла борьба за его наследие. Хьярлм, чья сила повергала в благоговей-

ный ужас большую часть соседей, объявил себя претендентом. Лишь Рагнар, Бешеный Рагнар, сохранял верность старой династии.

Тролледингию раздирала на части гражданская война. Друг убивал друга. Даже отец Рагнара служил претенденту. С другой стороны, семьи, в течение многих поколений готовые вцепиться друг другу в глотку, теперь стояли плечом к плечу в боевых рядах.

С тех пор как Браги себя помнил, отец каждой весной отправлялся на разбой вместе с Хьярлмом. Плавая борт о борт, их драккары обрушивались, словно бич, на южные побережья. Они не раз спасали друг другу жизнь и праздновали совместную добычу. И точно так же они делили все невзгоды плена у итаскийского короля. А теперь они стремились убить друг друга, движимые горькой жаждой крови, какую может породить лишь политика.

С юга на крыльях слухов пришло известие, что претендент захватил Тондерхофн. Старая династия рушилась.

Мужчины Хьярлма наверняка сейчас праздновали. Но отряд двигался осторожно – у этих мужчин имелись жены, дети и рабы, остававшиеся трезвыми.

Преодолев траншеи и частоколы, они миновали внешние постройки. В пятидесяти футах от главного дома Браги повернулся спиной к ветру, бросил в горшок сухого мха и древесной коры и осторожно подул. Его отец и несколько других воинов поднесли к огню факелы. Другие неслышно плеснули на стены дома масло. У каждого окна должен был встать человек, а лучшие бойцы – у двери. В задачу их входило убить пьяных мятежников, когда те попытаются бежать. За час до полуночи здесь, на широких, покрытых льдом северных склонах Крачнодьянских гор, должно было вновь возродиться дело старой династии.

Таков был план Бешеного Рагнара – столь же смелый и жестокий, как и все прочие, которые когда-либо задумывал Волк.

План должен был сработать. Но Хьярлм их ждал.

В любом случае бойня была страшная. Хьярлма предупредили лишь за несколько секунд до того, как на него обрушился удар. Его люди все еще пребывали в замешательстве, пытаясь отряхнуться от пьяного угара и найти оружие.

Из выбитых топорами окон ударило пламя.

– Оставайся на месте! – прорычал Рагнар Браги. – Ко мне! – рывкнул он остальным.

– Хей! Это же Рагнар! – завопили люди Хьярлма.

Светловолосый гигант атаковал с мечом в одной руке и топором в другой. Не зря его прозвали Бешеным Рагнаром. Он впал в смертоносное безумие, превратившись в машину для убийства, которую невозможно было остановить. Ходили слухи, будто жена, ведьма Хельга, заколдовала его, сделав непобедимым.

Под ударами каждого воина Рагнара падали по трое, четверо и пятеро пьяных, но он все равно не мог победить – слишком неравны были силы. Огонь превратился в помеху – если бы людям Хьярлма не приходилось спасать семьи, они могли бы сдать.

Браги отправился на поиски Хаакена, и, похоже, их мысли совпали. Он уже успел обзавестись мечом – собственные им взять не позволили. Рагнару не хотелось, чтобы им в голову приходили опасные идеи.

– И что теперь? – спросил Хаакен.

– Отец не побежит. По крайней мере, пока.

– Откуда они узнали?

– От предателя. Хьярлм, видимо, подкупил кого-то из Драукенбринга. Смотри!

К ним полз выпотрошенный мятежник.

– Прикрой меня, пока я заберу его меч.

Они сделали то, что требовалось сделать, – и лишь потом вздрогнули от ужаса.

– Кто предал?

– Не знаю. И как – тоже. Но мы выясним.

Затем у них не осталось времени на разговоры – в их сторону ковыляли несколько мятежников, выбравшихся из окон, которые никто уже не удерживал. Главный дом был объят пламенем. Изнутри доносились крики женщин, детей и рабов. Воины Рагнара отступили под напором охватившей их паники.

В короткой стычке Браги и Хаакен зарубили из засады троих, четвертому удалось сбежать среди сосен. Тогда же они получили первые боевые ранения.

– Половина наших уже лежат, – заметил Браги, понаблюдав за боем. – Борс, Рафнир, Тор, Тригтва, оба Харальда. Где Бьерн?

Рагнар хохотал и ревел, стоя над схваткой, словно осажденный гончими псами пещерный медведь. Его окружала груда тел.

– Нужно помочь.

– Как? – Хаакен не принадлежал к числу мыслителей, предпочитая следовать примеру других.

Он был крепким, невозмутимым и стойким парнем, в отличие от Браги, который полностью унаследовал ум матери, но почти ничего от безумной отваги отца. Происходящее потрясло его до глубины души. Он не знал, что делать. Хотелось бежать, но вместо этого он бросился в атаку, подражая реву Рагнара. Судьба решила за него.

И тут стало ясно, где Бьерн. Помощник Рагнара бросился на него сзади.

Никакое предостережение не смогло бы достичь опьяненного кровью мозга Рагнара. Все, что мог Браги, – попытаться нагнать Бьерна. Обогнать он его не сумел, но помешал изменнику нанести роковой удар. Отбитый клинок Бьерна вонзился в спину Рагнара на уровне почек. Рагнар взвыл и развернулся. Яростный удар рукояткой топора отшвырнул Бьерна в снег.

А потом колени Волка подогнулись.

Радостно взыв, мятежники атаковали с новой яростью. У Браги и Хаакена не оставалось времени, чтобы отомстить за отца.

И тут двадцать мятежников завопили.

Рагнар поднялся, рыча, словно тролль с крачнодьянских вершин. Взгляды противников встретились, и наступила тишина.

– Сегодня мы потеряли здесь корону, – пробормотал Рагнар, с разума которого от боли спала пелена безумия. – Предательство всегда порождает еще большее предательство. Больше мы ничего не можем сделать. Соберите раненых.

Какое-то время мятежники зализывали раны и сражались с огнем. Но их противники, нагруженные ранеными, сумели отойти всего на несколько миль. Нильс Стромберг упал и не смог больше подняться. Сыновья, Торкель и Олаф, отказались его бросить. Рагнар зарычал на всех троих, но не смог их убедить. Они остались, глядя на пламя пылающего главного дома. Никто не вправе запретить другому выбрать свою смерть.

Следующим свалился тощий Ларс Грейхам, за ним – Таке Однорукий. В шести милях к югу от владений Хьярлма Андерс Миклассон поскользнулся и скатился с обледеневшего берега ручья, вдоль которого они шли. Он провалился под лед и утонул, прежде чем ему успели помочь. Впрочем, он все равно бы замерз: был страшный холод, и никто не осмелился бы остановиться, чтобы разжечь костер.

– Один за другим, – проворчал Рагнар, пока они складывали камни в грубую пирамиду. – Скоро нас останется слишком мало, чтобы отгонять волков.

Он имел в виду вовсе не людей Хьярлма – по их следу шла стая, добычей которой уже стал постоянно отстававший Ярл Кинсон.

Браги полностью вымотался. Ранения, хоть и небольшие, донимали его подобно мучениям от обдирочного ножа в руках опытного палача, но он молчал, не желая оказаться хуже отца, который был ранен куда серьезнее.

До рассвета дожили Браги, Хаакен, Рагнар и еще пятеро. Они сумели убежать от Хьярлма и отогнать волков. Опустившись без сил на землю в пещере, Рагнар послал Браги и Хаакена разведать близлежащий лес. Преследователи прошли мимо юношей, но даже не остановились. Браги посмотрел им вслед. Бьерн, сам тан и пятнадцать здоровых, разозленных воинов. На самом деле они никого не преследовали – они говорили о том, чтобы дождаться Рагнара в Драукенбринге.

– Хьярлм не дурак, – сказал Рагнар, узнав новости. – Зачем гоняться за Волком по всему лесу, если знаешь, что он рано или поздно вернется в логово?

– Но мама...

– Она справится. Хьярлм ее до смерти боится.

Браги пытался понять выражение отцовского лица, скрытого за густой бородой. Рагнар говорил тихо и напряженно, словно страдая от сильной боли.

– Война закончилась, – сказал он. – Ты должен это понять. Претендент победил. Старая династия закатилась. Больше нет никакого смысла сражаться. Лишь глупец бы так поступил.

Браги прекрасно понял слова отца – не стоило впустую тратить жизнь ради проигранного дела. Пятнадцать лет чтения мудрых мыслей в коротких замечаниях отца не прошли даром.

– Они покинут его столь же быстро, как к нему сбежались. Рано или поздно. Говорят... – Он вздрогнул всем телом. – Говорят, что на юге приветчают тролледингцев. За горами, за краем лучников. За прибрежными королевствами. Назревает война. Отважным умным парням может неплохо повезти, пока они будут ждать возвращения прежней власти.

Под краем лучников подразумевалась Итаския, а под прибрежными королевствами – ожерелье городов-государств, опоясывавшее побережье до самого Симбаллавейна. В течение нескольких поколений, когда сходил лед в Тондерхофне и Торсхофне, тролледингские драккары отправлялись сквозь Огненные Языки, чтобы совершить набег на восточное побережье.

– Под сосновой доской, возле верхней петли. На северо-западной стороне. Место отмечено старым разбитым каминным камнем. Там ты найдешь то, что тебе потребуется. Отдай медный амулет человеку по имени Ялмар в таверне «Красный олень» в городе Итаския.

– Но мама...

– Я же сказал – она сумеет о себе позаботиться. Вряд ли она будет счастлива, но справится. Я лишь жалею, что не смогу отправить ее домой.

Браги наконец понял – отец умирает. Рагнар давно уже это знал.

В глазах Браги выступили слезы. Но на него смотрели Хаакен и Сорен, и он должен был показать им, что держит себя в руках. Особенно Хаакену, на чье мнение он полагался больше, чем сам готов был признать.

– Подготовься как следует, – сказал Рагнар. – Переправа через ущелье в это время года будет тяжелой.

– Что насчет Бьерна? – спросил Хаакен. Внебрачный ребенок, которого Бешеный Рагнар нашел в лесу, брошенного на съедение волкам, не скрывал своих чувств. – Рагнар, ты всегда относился ко мне как к собственному сыну, даже в голодные годы, когда слишком мало оставалось для родных детей. Я всегда почитал тебя и слушался, как родного отца. И сейчас я тоже тебя послушаюсь – но лишь после того, как умрет предатель Бьерн. Пусть мои кости растащат волки, пусть душа моя будет вечно обречена бежать с Дикой Охотой, но я не уйду, пока предательство Бьерна останется безнаказанным.

То была гордая и отважная клятва. Все согласились с тем, что она достойна сына Волка. Рагнар и Браги не сводили с него взгляда. Сорен восхищенно кивнул. Для Хаакена, никогда не отличавшегося многословностью, столь длинная речь означала полное обнажение души. Он редко произносил столько слов за целый день.

– Я не забыл про Бьерна. Именно его притворная дружеская улыбка, в то время как он брал плату у Хьярлма, поддерживает во мне жизнь. Он умрет раньше меня, Хаакен. Он будет

нести факел, освещающий мой путь в преисподнюю. О, я уже вижу муку в его глазах. Я чувствую запах страха. Я слышу, как он просит Хьярлма поторопиться и подстроить ловушку в Драукенбринге. Волк жив. Он знает Волка. И его волчат. Он знает, что его преследует собственный рок. Мы уйдем утром, после того как похороним старого Свена.

Браги вздрогнул. Он думал, что старый воин просто спит.

– Печален твой конец, друг моего отца, – прошептал Рагнар, обращаясь к мертвецу.

Свен служил их семье, еще когда дед Браги был ребенком. Они дружили со стариком сорок лет. А потом расстались, ненавидя друг друга.

– Может, в Зале Героев они вновь помирятся, – пробормотал Браги.

Свен был крепким воином, который учил Рагнара владеть оружием и следовал за ним во время южных вылазок. Позже он стал учителем Браги и Хаакена. Все знали, что его будет не хватать, и его следовало оплакать, даже в тылу врага.

– Как Бьерн их предупредил? – спросил Хаакен.

– Выясним, – пообещал Рагнар. – Отдыхайте, ребята. Путь предстоит нелегкий, и некоторые не дойдут до конца.

До Драукенбринга добрались шестеро.

Рагнар обошел поместье далеко стороной, уведя всех в горы, а затем повел домой с юга, вниз с вершины, которую они называли Камер-Стротхейде. Путь был столь труден, что даже Хьярлму и Бьерну не пришлось бы в голову за ним наблюдать. Хьярлм ждал – с горы они видели его дозорных.

Браги взглянул вниз лишь затем, чтобы убедиться: Хьярлм не позволил ничего разрушить. Похоже, колдовство матери Браги внушало ужас всем в окрестностях. Сам он не понимал почему – мать была полна понимания, сочувствия и любви, как никакая другая женщина.

Соскальзывая по камням, они спустились в долину, где летом пасся скот жителей Драукенбринга, а затем двинулись через лес и ущелье к главному дому. Остановившись в роще в ста ярдах от ближайшего строения, они дождались темноты, дрожа от холода. Бездействие больше всего сказалось на Рагнаре, который почти весь оцепенел. Браги забеспокоился, видя, как побледнел отец. Отчаяние сменялось надеждой, а потом снова отчаянием. Рагнар считал, что умирает, но продолжал цепляться за жизнь чистым усилием воли.

Стемнело.

– Браги, коптильня, – сказал Рагнар. – Посреди пола, под опилками, – металлическое кольцо. Потяни за него. Туннель ведет в дом. Не теряй времени. Я пошлю следом Сорена.

Держа наготове меч, Браги побежал к коптильне и разворошил жирные опилки. Кольцо было ручкой люка в полу, из которого уходила вниз лестница в туннель. Браги покачал головой – он ничего об этом не знал. У Рагнара имелись секреты, которые он хранил даже от собственных детей. Ему следовало зваться Лисом, а не Волком.

В коптильню проскользнул Сорен, и Браги все ему объяснил. Затем появились Хаакен, Сигурд и Стурла. Но Рагнар не пришел – Стурла передал последние распоряжения Волка.

Туннель был низким и темным. Рука Браги наткнулась на что-то пушистое, оно, пискнув, умчалось прочь. Позже он вспоминал этот проход как худшую часть путешествия домой. Туннель заканчивался за стеной пивного погреба – выход из него маскировала большая бочка, которую пришлось откатить в сторону. Именно эту бочку Рагнар всегда отказывался открыть, заявляя, что бережет ее для особого случая.

Лестница из погреба вела в кладовую, где свисали с балок овощи и мясо, недостижимые для грызунов. Браги неслышно подобрался ближе. Кто-то, ругаясь, вошел в комнату над головой, Браги замер. Ругательство было адресовано матери, Хельге. Она не собиралась помогать людям Хьярлма и после всех тягот, которые им пришлось перенести в лесах, отказалась готовить еду.

Браги прислушался. В голосе матери не чувствовалось страха. Ничто не в состоянии было вывести ее из равновесия. Она всегда оставалась все той же спокойной, милосердной, а иногда властной женщиной – для посторонних. Даже по отношению к родным она редко проявляла иные чувства, кроме нежности и любви.

– Бандитизм тебе не к лицу, Снорри. Цивилизованный человек всегда ведет себя вежливо, даже в доме врага. Стал бы Рагнар грабить Хьярлма? – Теперь она стояла прямо над головой Браги.

Браги не смог сдержать улыбку. Само собой, Рагнар разграбил бы дом Хьярлма до последнего треснувшего чугунного котелка. Но Снорри лишь что-то проворчал и, топая, вышел.

Занавеска из оленьей кожи, закрывавшая вход в кладовую, еще покачивалась после ухода Снорри, когда крышка люка вдруг поднялась.

– Можешь выйти, – прошептала Хельга. – Поторопитесь, у тебя всего минута.

– Откуда ты знаешь?

– Тсс. Поспешите. Хьярлм, Бьерн и еще трое сидят у большого очага. Они пьют и ворчат, что твой отец так долго не возвращается. – Лицо ее помрачнело, когда Хаакен закрыл крышку люка. Браги видел, как с каждым поднимающимся в ее взгляде угасает надежда. – Еще трое спят наверху. Хьярлм послал остальных искать ваш лагерь. Он рассчитывает, что вы вернетесь перед самым рассветом.

Остальные приготовились к атаке. Хельга коснулась Браги, затем Хаакена:

– Будьте осторожны. Не лишайте меня всего.

Хельга была редкостью во многих отношениях – в числе прочего она родила только одного ребенка в краю, где женщины беременели постоянно.

Она на мгновение задержала Браги:

– Как он умер?

Браги терпеть не мог лгать:

– Его ударил в спину Бьерн.

Лицо ее на миг исказилось, и Браги вдруг увидел то, чего боялись другие. В глазах Хельги вспыхнул огонь.

– Иди! – приказала она.

С отчаянно бьющимся сердцем Браги бросился в атаку. Его отделяли от врагов пятнадцать футов. Троим мятежникам даже не представилось возможности защититься. Но Хьярлм был быстр, словно смерть, а Бьерн лишь на долю секунды медленнее его. Поднявшись, будто кит-убийца из морских глубин, тан опрокинул перед Браги стол и, бросившись туда, где висели боевые трофеи Рагнара, схватил топор.

Вскочив на ноги, Браги понял, что застать противника врасплох не удалось. Хьярлм и Бьерн были готовы к бою. Хаакен, Сигурд и Сорен уже умчались наверх. Лицом к лицу с самыми свирепыми бойцами Тролледингии остались только он и Стурла Ормссон, уже немолодой человек.

– Щенок такой же бешеный, как и его папаша, – заметил Хьярлм, с легкостью отбивая удар мечом. – Не дай себя убить, парень. Ингер никогда мне этого не простит.

То был мрачный комментарий по поводу человеческой натуры. Если бы не неожиданная смерть старого короля, Хьярлм стал бы тестем Браги. Обо всем договорились прошлым летом.

«Не думай, – убеждал себя Браги. – Не слушай. – Отец и старый Свен вбили в него этот урок тупыми мечами. – Не отвечай. Либо молчи, либо, как Рагнар, яростно рычи».

Хьярлму прекрасно был знаком стиль Рагнара – они много раз сражались бок о бок. И теперь он с легкостью замечал ту же технику у сына Волка. Браги не питал особых иллюзий – тан был крупнее, сильнее, ловчее и намного опытнее его. Единственной целью было остаться в живых, пока Хаакен не прикончит всех наверху.

Так же думал и Стурла, но Бьерн оказался для него чересчур проворен. Клинок предателя пробил его защиту, и он попятился. На Браги уставились две пары голубых, словно лед, глаз.

– Прикончи щенка! – прорычал Бьерн, в голосе которого отчетливо чувствовался страх.

Но тут, подобно величественной каравелле, что преследует драккары вдоль южного побережья, между ними скользнула Хельга.

– Отойди, ведьма!

Хельга взглянула тану в глаза, и губы ее беззвучно пошевелились. Хьярлм не отступил, но больше не атаковал. Она повернулась к Бьерну. Предатель побледнел, не в силах выдержать жуткого взгляда.

Сверху прыгнул Хаакен, хватая копье с дальней стены. По лестнице столь же быстро спустились Сорен и Сигурд.

– Время вышло, – лаконично заметил Хьярлм. – Нам пора. – Он подтолкнул Бьерна к двери. – Мне следовало ожидать, что они проскользнут мимо часовых. – Он взмахнул топором рядом с Хельгой, выбив меч из руки Браги и оцарапав щеку юноши. – Веди себя приличнее, когда я вернусь, мальчик. Или умрешь.

Браги вздохнул, поняв, что смерть отступила. Хьярлм не посмел ничего больше сделать – ради старой дружбы.

Все это время в глазах Бьерна плескался страх перед Рагнаром. Он постоянно озирался, словно ожидая, что Волк материализуется из дыма очага. Ему не терпелось бежать отсюда как можно дальше. Они с Хьярлмом скрылись в ночи, где снова падал снег.

Хельга начала смывать кровь с щеки Браги, ругая его за то, что не убил Бьерна.

– Бьерн пока что не избежал бури, – сказал Браги.

Хаакен, Сорен и Сигурд притаились у двери, слегка ее приоткрыв. Женщины, дети и старики, изо всех сил старавшиеся остаться невидимыми во время стычки, перевязывали раны Стурлы или тихо оплакивали тех, кто не вернулся.

В главном доме Рагнара не было радости – лишь оцепенение, которое обычно следует за катастрофой.

Годы Драукенбринга подходили к концу, но никто еще этого не осознавал. Уцелевших ждало истребление, изгнание и преследование со стороны приспешников претендента.

Падающий снег заглушал крики и лязг оружия, но не до конца.

– Слышишь? – сказал Браги матери.

Ночь разорвал дикий вой – боевой клич отца. Вскоре в дверь ввалился и сам Рагнар, весь в крови – по большей части его собственной. Живот его был вспорот ударом топора. Дико хохоча, он высоко поднял голову Бьерна, словно фонарь в ночи. На лице Бьерна застыл ужас.

Еле слышно повторив свой боевой клич, Рагнар рухнул на пол. Браги, Хаакен и Хельга тут же оказались рядом, но было поздно. Сила воли наконец его оставила.

Хельга провела пальцами по его лицу, выбирая лед из волос и бороды. По щеке ее скатилась слеза. Браги и Хаакен отошли назад. Несмотря на потерю, невеста-пленница с юга хранила собственную гордость, не в силах выдать всей глубины чувств.

Браги и Хаакен присели возле очага, делясь болью и тоской.

Похороны организовали в спешке, недостойной умершего, но приходилось торопиться, поскольку Хьярлм мог вернуться в любую минуту. Воину полагалось огненное погребение, за которым следовала неделя траурных обрядов. Но вместо этого Браги, Хаакен, Сигурд и Сорен отнесли Рагнара на Камер-Стротхейде, где уже не росли деревья и не таял снег, и засыпали камнями, усадив лицом в сторону как Драукенбринга, так и более далекого Тондерхофна.

– Однажды, – пообещал Браги, когда они с Хаакеном уложили последний камень, – мы вернемся и сделаем все как положено.

– Однажды, – согласился Хаакен.

Оба знали, что этого дня ждать придется долго.

Пролив в одиночестве слезы, они спустились с горы, чтобы начать новую жизнь.

– Вот как ему это удалось, – сказала Хельга, глядя, как сыновья рубят замерзшую землю возле расколотого очажного камня. В руке она держала золотой браслет, тонкий, но изящно украшенный. – Это один из пары. Другой был на руке Хьярлма. Каждый отзывался на близость другого. Когда подошел Бьерн, Хьярлм понял, что к ним идет Рагнар.

Браги что-то невнятно проворчал. Сейчас это уже не имело значения.

– Кажется, есть, – сказал Хаакен.

Браги начал копать руками и вскоре наткнулся на маленький сундучок. Появились Сигурд и Сорен с мешками за спиной. Четверо оставшихся в живых воинов намеревались двинуться на юг, как только разберутся с находкой. Сундучок оказался неглубоким и легким. Он не был заперт, и в нем лежало всего несколько вещей: мешочек с южными монетами, еще один с драгоценными камнями, кинжал с узорной рукояткой, маленький пергаментный свиток с поспешно нацарапанной грубой картой и медный амулет.

– Оставь ценности себе, – сказал Браги матери.

– Нет. У Рагнара имелись свои причины держать все это вместе. А сокровищ он мне оставил достаточно в другом месте.

Браги задумался. Отец был скрытным человеком, и в лесу вокруг Драукенбринга могла храниться кучка горшков с золотом.

– Ладно. – Он убрал вещи в мешок.

А затем наступил тот час, которого он так боялся, – пришла пора сделать первый шаг на юг. Он посмотрел на мать, и та посмотрела на него. Хаакен уставился в землю. Связь нелегко было разорвать, и впервые на памяти Браги Хельга проявила чувства на публике – хотя вовсе не расклеилась. Она привлекла к себе Хаакена и минуты две что-то ему шептала. Браги заметил блеснувшую на ее щеке слезу, которую она раздраженно смахнула, выпуская из объятий приемного сына. Браги в замешательстве отвернулся. Однако от слез было никуда не деться: Сигурд и Сорен тоже вновь расставались с семьями.

Мать заключила Браги в объятия, прижав к себе столь крепко, как он даже не мог себе представить, – она всегда казалась ему маленькой и хрупкой.

– Будь осторожен, – сказала она. Могли ли ее слова оказаться менее банальными? При подобном расставании, возможно навсегда, никаких слов не хватило бы, чтобы выразить истинные чувства. Язык был орудием торговли, а не любви. – И позаботься о Хаакене. Верни его домой. – Наверняка то же самое она говорила Хаакену. Отпрянув, она расстегнула цепочку медальона, который носила с тех пор, как Браги ее помнил, и повесила ему на шею. – Если у тебя не останется больше надежды – отнеси это в дом Бастаноса на улице Кукол в Хеллин-Даймиеле. Отдай привратнику, чтобы тот передал его хозяину дома, а тот передаст дальше. Выйдет его компаньон, чтобы тебя расспросить. Скажи ему: «Эльхабе ан дантис, эльхабе ан кавин. Ци хибде кларис, ельхзабе ан саван. Ци магден требиль, эльхабе дин бахель». Он поймет. – Она заставила Браги повторить эти строки, пока не убедилась, что он их запомнил. – Хорошо. Больше все равно ничего уже не сделать. Не доверяй никому из тех, кому не следует. И возвращайся домой, как только сможешь. Я буду ждать.

Она поцеловала его – при всех, чего не делала с тех пор, как он был малышом. Потом она поцеловала Хаакена, чего не делала вообще никогда. Прежде чем кто-то из них успел ответить, она приказала:

– А теперь идите, пока есть возможность. И пока мы не стали выглядеть еще глупее, чем сейчас.

Браги взвалил мешок на плечо и направился в сторону Камер-Стротхейде, вокруг подножия которой лежал их путь. Время от времени он бросал взгляд на каменную могилу Рагнара и лишь однажды оглянулся.

Женщины, дети и старики покидали селение, которое в течение многих поколений было их домом. Большинство искали убежища у живших в других местах родственников. Многим приходилось бросать родные дома в эти тяжелые времена. Оставалось надеяться, что они сумеют скрыться от злобы людей претендента.

Браги задумался, куда уйдет мать?..

После он постоянно жалел, что обернулся, в отличие от Хаакена. Иначе Драукенбринг остался бы в его воспоминаниях живым местом, последней надеждой и убежищем, ожидавшим его в северном краю.

4

Лязг сабель

Насеф оглянулся лишь раз. В дрожащем от жары воздухе Аль-Ремиш походил на палаточный лагерь, корчащийся под ногами пляшущих великанов. Со стороны долины доносился приглушенный рев.

– Карим, – улыбнувшись, тихо позвал он.

К нему подъехал крепко сложенный мужчина с изъеденным оспой лицом.

– Господин?

– Возвращайся туда и найди наших людей – тех, кто встретил нас, когда мы туда прибыли. Скажи им: пусть и дальше разжигают беспорядки. Скажи, что мне нужен отвлекающий маневр. И еще скажи, чтобы выбрали пять сотен воинов-добровольцев и послали следом за нами – небольшими группами, чтобы никто не заметил, как они уходят. Понял?

– Да, – улыбнулся Карим.

У него недоставало двух верхних зубов, и еще один был сломан наискось. Казалось, будто даже седину в бороде старый разбойник заработал в бою.

Насеф смотрел вслед Кариму, спускавшемуся по каменистому склону. Бывший бандит стал самым ценным его новообращенным. Насеф не сомневался, что ценность Карима возрастет, когда борьба распространится дальше, став еще ожесточеннее.

Развернув коня, он двинулся следом за сестрой и ее мужем. Свита Эль-Мюрида составляла почти полсотни человек – в основном телохранителей, одетых в белое Непобедимых, которым было гарантировано место в раю, если они отдадут жизнь за Эль-Мюрида. От них Насефу становилось не по себе – взгляд их был еще безумнее, чем у их пророка. Они были преданными фанатиками, и Эль-Мюриду пришлось приложить немало усилий, чтобы не дать им разгромить Королевский двор после суда.

Насеф поравнялся с Эль-Мюридом, расположившись по правую руку от него.

– Все вышло даже лучше, чем мы надеялись, – сказал он. – Этого мальчишку послал нам сам Господь.

– Воистину. Если честно, Насеф, мне не хотелось поступать по-твоему. Но лишь благодаря вмешательству Всевышнего все получилось так легко. Только он мог столь точно рассчитать время.

– Как твоя лодыжка? Сильно беспокоит?

– Жутко болит. Но я вытерплю. Ясиф дал мне снадобье от боли и наложил повязку. Если ее не напрягать, скоро буду как новенький.

– Во время того фарса, что назывался судом... мне на мгновение показалось, будто ты готов сдаться.

– Так и было. Я столь же подвержен соблазнам зла, как и любой другой. Но я нашел в себе силы им противостоять, а минута слабости сделала триумф еще слаще. Теперь понимаешь, как движет нами воля Всевышнего? Мы делаем его дело, даже когда думаем, будто повернулись к нему спиной.

Насеф долго смотрел на бесплодные холмы.

– Трудно признать поражение, надеясь, что когда-нибудь оно приведет к более великой победе, – наконец ответил он. – Мой друг, мой пророк – сегодня они подписали себе смертный приговор.

– Я не пророк, Насеф. Я всего лишь следую по пути Всевышнего. И я не хочу смертей, которых можно избежать. Даже король Абуд и верховные священнослужители могут когда-нибудь ступить на праведный путь.

– Конечно. Я выражался фигурально – в том смысле, что своими действиями они обрекли себя на поражение.

– Так часто бывает с приспешниками зла. Чем больше они сражаются, тем больший вклад вносят в дело Всевышнего. Что насчет погони? Ты уверен, что мы сумеем уйти?

– Я вернул Карима в Аль-Ремиш. Если наши люди сделают то, чего мы от них требуем, если будут поддерживать беспорядки и пришлют нам пять сотен воинов – сумеем. Никто не сможет нас остановить. Вся знать съехалась в Аль-Ремиш, чтобы увидеть наш позор. Беспорядки займут их до самого Машада. У нас неделя форы.

– Мне жаль лишь, что мы не смогли крестить дитя.

– Мне тоже. Мы еще вернемся, повелитель. В какой-нибудь Машад это обязательно случится, обещаю.

Впервые за долгое время в словах Насефа прозвучала искренняя убежденность.

Путь через пустыню был долгим, одиноким и медленным, особенно для того, кто отгородился от людей. Не было никого, кому Эль-Мюрид мог бы довериться, с кем мог бы помечтать, кроме Мерьем. Непобедимые слишком трепетали перед ним, чересчур ему поклонялись. Насеф и горстка его последователей были слишком заняты составлением планов на будущее. Всадники, которые нагоняли их, прибывая из Аль-Ремиша десятками и двадцатками, все были чужаками. Верные друзья, ставшие его первыми новообращенными, и другие, ушедшие с ним из Эль-Аквилы, обрели святость в смерти. Война, которую вел от его имени Насеф, собрала свою жатву.

Ученик ехал рядом с белым верблюдом, держа на руках ребенка.

– Она такая крошечная, такая спокойная, – проговорил он. – Настоящее чудо. Всевышний был добр к нам, Мерьем. – Он поморщился.

– Лодыжка?

– Да.

– Тогда лучше отдай малышку мне.

– Нет. Подобные мгновения и без того уже редки. И станут еще реже. – Он на минуту задумался. – Сколько еще пройдет времени, прежде чем я смогу отослать их всех прочь?

– Ты о чем?

– Как скоро мы добьемся успеха? Как скоро я смогу обосноваться на одном месте и вести обычную жизнь с тобой и с ней? Мы путешествуем по тайным тропам уже три года, и ощущение такое, будто прошло тридцать.

– Никогда, милый. Никогда. И мне, как жене, с трудом даются эти слова. Но когда с тобой заговорил ангел, ты стал Эль-Мюридом навеки. Пока Всевышнему угодно, чтобы ты оставался среди живых, тебе придется оставаться Учеником.

– Знаю, знаю. Во мне всего лишь говорит смертный, жалеющий о том, чему никогда не сбыться.

Какое-то время они ехали молча.

– Мерьем, – сказал Эль-Мюрид, – мне одиноко. У меня нет никого, кроме тебя.

– В твоём распоряжении половина пустыни. Кто приносит нам еду и воду из селений? Кто несёт истину в провинции, которых мы никогда не видели?

– Я имел в виду друга. Простого обычного друга. Кого-то, с кем я мог бы играть, как в детстве. Кого-то, с кем я мог бы поговорить. Кого-то, с кем я мог бы делить страхи и надежды, а не того, кто всецело охвачен мечтами Эль-Мюрида. Наверняка ты чувствовала себя так же после того, как умерла Фата.

– Да. Быть женщиной Эль-Мюрида тоже одиноко. – Она помолчала. – Но у тебя есть Насеф.

– Насеф – твой брат, и я никогда не скажу тебе о нём дурного слова. Да, я люблю его как собственного брата. Я прощаю его как брата. Но нам никогда не стать настоящими друзьями, Мерьем. Мы лишь союзники.

Мерьем не стала спорить. Она знала, что это правда. У Насефа тоже не было никого, кому он мог бы довериться. И никакая дружба не могла расцвести между её мужем и братом, пока они не до конца уверены друг в друге.

Путь был долгим и тяжёлым. Под конец Насеф начал ещё и подгонять спутников. Все основательно вымотались, кроме самого Насефа, которому, казалось, была неведома усталость.

– Вот он, – восхищенно прошептал Эль-Мюрид, забыв о боли в лодыжке. – Себиль-эль-Селиб.

Луна в третьей четверти освещала окружённую горами низину, занимавшую лишь второе место после Аль-Ремиша в душах сыновей Хаммад-аль-Накира, так же как когда-то она занимала второе место после Ильказара в душах имперских предков.

Над низиной возвышалась древняя крепость, внутри её скрывались храм и монастыри. Нигде не было видно ни огонька.

Имя Себиль-эль-Селиб означало «Крестный путь», и возникло оно благодаря событию, в память о котором возвели храм. Именно в этой низине в первый день первого года по общему летоисчислению родилась империя. Первый император укрепил свою власть, распяв там тысячу противников. Обречённые представители знати вынуждены были нести орудия собственной казни по извивавшейся вдоль ущелья тропе. А та продолжалась дальше, соединяя старые внутренние провинции с городами вдоль побережья моря Котсум. Старая крепость времен первых лет империи охраняла ущелье, а не храм и монастыри, над которыми нависала.

– Здесь обрела жизнь наша мечта, – сказал Насефу Эль-Мюрид. – Здесь родилась первая империя. Пусть и наша испустит свой первый крик на той же простыне.

Насеф молчал, благоговейно глядя на пропитанное историей место, казавшееся слишком простым и банальным для своей значимости. Точно такие чувства вызывал у него и Аль-Ремиш – его удивляло, что столь обычные места могут со временем так поражать человеческое воображение.

– Насеф!

– Да?

– Мы готовы?

– Да. Карим сперва пошлёт вниз Непобедимых. Они взберутся по стенам и откроют ворота остальным. Я пошлю отряды поменьше, чтобы захватить храм и монастыри.

– Насеф?

– Слушаю тебя.

– Я не воин и не генерал. Я всего лишь орудие Всевышнего. Но мне хотелось бы внести небольшую поправку в твой план. Мне хотелось бы, чтобы ты перекрыл дорогу к побережью и оставил мне один отряд. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сбежал. – (Насеф решил, что неправильно его понял. Эль-Мюрид ведь всегда убеждал его щадить и прощать врагов.) – По пути сюда я все обдумал. У Всевышнего здесь нет друзей. Они – солдаты короля и приверженцы ложного пути. Более того, нужно послать недвусмысленный намек тем, кто поддался соблазнам зла. Прошлой ночью я молился о наставлении, и на меня снизошло, что наша вторая империя должна также родиться в крови ее врагов, на том самом месте, где родилась первая империя.

Его слова удивили Насефа, но не повергли в ужас.

– Как скажешь, так и будет.

– Убей их всех, Насеф. Даже младенцев. Пусть никто отныне не считает, будто может избежать гнева Всевышнего.

– Как скажешь.

– Можешь начинать. – Но прежде чем Насеф сделал десяток шагов, Эль-Мюрид позвал его: – Насеф!

– Да?

– С этой минуты, прежде чем началось сражение, назначаю тебя моим военным капитаном. Объявляю тебя Бичом Господним. Носи этот титул с честью.

– Так и будет. Не бойся.

Атака состоялась с быстротой и точностью, которыми всегда отличались набеги Насефа на караваны. Многие гарнизоны крепости умерли, не успев проснуться.

Эль-Мюрид остановил коня на возвышенности, ожидая беглецов или новостей. В душе его зародилось черное семя страха. Если он потерпит поражение, если защитники крепости прогонят его прочь, его миссия никогда не достигнет цели. Ничто так не впечатляло жителей пустыни, как отвага и успех, и ничто не приводило их в такое уныние, как поражение.

Беглецы не появились, как, впрочем, и новости. Лишь когда рассвет окрасил небо над вершинами гор, подъехал Карим, человек Насефа.

– Мой повелитель Ученик, – сказал Карим, – твой капитан послал меня доложить, что крепость, храм и все монастыри – в наших руках. Наши враги собраны в низине. Он просит тебя прийти и принять их как дар его любви.

– Спасибо, Карим. Скажи ему, что я иду.

Насеф ждал его на холме, возвышавшемся над пленниками, которых было не менее двух тысяч. Многие были из крепости, но большинство – из монастырей, невинные паломники, пришедшие сюда праздновать Дишархун.

Гарнизон крепости был достаточно многочисленным. Единственный другой доступный путь через Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени лежал в сотнях миль к северу – потаенные не пропускали никого в других местах. Приходилось держать большой гарнизон, поскольку пошлина за проход была весьма важна для короны. Защитники крепости обитали здесь всю свою жизнь – некоторые их семьи уходили корнями во времена империи. Женщины и дети жили в замке вместе с мужчинами.

Эль-Мюрид взглянул на пленников, и те посмотрели на него. Мало кто его узнал, пока к нему не подъехала Мерьем – без вуали, на белом верблюде. Послышался возбужденный ропот. Офицер гарнизона что-то умоляюще крикнул, прося освободить его солдат. Эль-Мюрид не сводил с него взгляда, ища милосердия в своей душе, но не мог его найти. Он дал Насефу сигнал.

Всадники окружили пленников и принялись рубить их саблями. Пленники закричали, пытаясь бежать, но бежать было некуда, кроме как карабкаться друг на друга. Кто-то вырвался из смертельного круга, но тут же пал под ударами ждавших снаружи. Несколько воинов бросились на всадников, пытаясь умереть достойно.

Случилось так, что человеку по имени Белул удалось избежать резни.

Он был младшим офицером гарнизона, примерно того же возраста, что и Насеф, и происходил из семьи, корни которой уходили далеко в имперскую эпоху. Сражаясь подобно демону, Белул завладел лошадью и мечом, а затем прорвался сквозь заставы, сделав вид, будто собирается атаковать Эль-Мюрида. Непобедимые бросились защищать своего пророка, а Белул умчался галопом через ущелье в пустыню. Насеф послал за ним четверых, но никто из них не вернулся. Белул принес известие о случившемся в Эль-Асвад. Из замка валига тотчас же выехали гонцы.

– Это в самом деле необходимо? – спросила Мерьем, когда резня свершилась наполовину.

– Думаю, да. Полагаю, мои враги, враги Всевышнего, сочтут это поучительным уроком. – Времени потребовалось больше, чем он предполагал, и в конце концов Эль-Мюрид не выдержал и отвернулся, когда Непобедимые спешили, чтобы оттащить трупы матерей и добраться до детей, которых те прикрывали своими телами. – Давай взглянем на храм, – сказал он. – Я хочу увидеть мой трон.

Пока он стоял на коленях, молясь перед Малахитовым тронном, прибыл Насеф с докладом.

Древние мастера изваяли трон из каменного валуна, и на этом троне восседал первый император, наблюдая, как распинают его врагов. То был второй самый могущественный символ власти в Хаммад-аль-Накире. Лишь Павлиний трон, спасенный из руин Ильказара и доставленный в Аль-Ремиш, большее влиял на умы людей.

Насеф терпеливо ждал и заговорил, лишь когда Эль-Мюрид завершил молитвы.

– Все кончено. Я приказал людям отдохнуть. Через несколько часов начну похороны. Сегодня же ночью пошлю разведчиков в пустыню.

– Зачем? – нахмурился Эль-Мюрид.

– Мы во владениях валига Эль-Асвада. Говорят, что он решителен и умен. Он атакует нас, как только узнает о случившемся.

– Ты его знаешь?

– Я его видел, как и ты. Это его сын напал на тебя в Аль-Ремише. Именно Юсиф устроил над нами суд.

– Помню его. Худой, с жестким лицом. Глаза черные, как уголь, и твердые, как алмазы. Настоящий поборник зла.

– Мой повелитель Ученик, ты понимаешь, что мы сегодня совершили? – Голос Насефа внезапно преисполнился благоговейного трепета.

– Мы захватили Малахитовый трон.

– Не только. Намного, намного больше. Сегодня мы стали главной властью в Хаммад-аль-Накире – благодаря трону и его местоположению. Пока мы удерживаем Себиль-эль-Селиб, с нами придется считаться, принимая любое решение в Аль-Ремише. Пока мы удерживаем ущелье, мы, по сути, изолируем пустынные провинции от побережья моря Котсум. Мы лишили Абуда всех сил и богатств на побережье, в которых он нуждался, чтобы бросить вызов Всевышнему.

Насеф был прав. Морское побережье оставалось единственной частью империи, которая не пострадала во время Падения и не превратилась в пустыню. В нынешние времена его города оставались автономными, хотя имели общий язык и культурные корни с Хаммад-аль-Накиром. Они формально признавали короля Абуда и семейство Квесани, платя им дань в основном для того, чтобы дикие пустынные собратья оставили их в покое. Политически они мало что выигрывали, противостоя Эль-Мюриду, и наверняка многое бы потеряли, если бы его поддержали. Если бы он потерпел поражение, на них обрушилась бы ненависть правящего семейства Квесани. Если бы он добился успеха, им пришлось бы растратить свое богатство и людей на его священную войну против неверных государств, окружавших Хаммад-аль-Накир. Они могли

лишь рассчитывать на то, что какое-то время смогут оставаться в стороне. Насеф сделал лучший выбор из возможных, избрав Себиль-эль-Селиб первой целью. Помимо геополитики и экономики, захват Малахитового трона должен был уподобиться молнии среди ясного дня, подтолкнув тысячи людей к тому, чтобы встать на сторону Эль-Мюрида. И еще тысячи охладели бы к роялистам.

– У меня есть один вопрос, Насеф. Мы сможем сохранить то, что завоевали?

– Эти люди готовы умереть за тебя.

– Знаю. Но это не ответ на вопрос. Вон там целое поле тех, кто умер за Абуда. Они не смогли удержать ущелье.

– Нас никто не застигнет врасплох.

Насеф оказался прав лишь отчасти. Ответ валига Эль-Асвада пришел быстрее, чем он ожидал. Заставы едва успели выехать, когда вернулся всадник на взмыленном коне, сообщив, что его преследуют несколько сотен. Удар обрушился с северо-запада. Насеф, ожидавший атаки со стороны Эль-Асвада, распределил заставы и цепи стрелков с юго-западной стороны. Но Юсиф узнал про Себиль-эль-Селиб, возвращаясь домой из Аль-Ремиша, и решил немедленно ответить, призвав на помощь свиту.

Быстрый удар с последующим отходом – традиционный метод войны в пустыне, основанный на веках межплеменной вражды. Юсиф прибыл задолго до того, как заставы успели отозвать, и таким образом лишил Насефа четверти сил. В ущелье и низине разыгралось сражение. Солдаты Юсифа были опытными и дисциплинированными домашними войсками, посвятившими жизнь учениям и маневрам. Будучи мастером тактики легкой кавалерии, валиг вынудил более многочисленное войско Насефа отступить в крепость и монастыри.

Эль-Мюрид и его Непобедимые оказались изолированными в храме, обороняя Малахитовый трон. Как только Юсиф узнал, где Ученик, он сосредоточил все усилия на храме, желая заполучить голову змея.

– Мы умрем, прежде чем уступим хотя бы дюйм, слугитель ада! – крикнул Эль-Мюрид, глядя на валига, стоящего в двадцати футах от него на окровавленном полу. – Пусть даже твой хозяин пришлет всех дьяволов из огненной обители... Да что там, пусть он бросит против нас все легионы проклятых, нас не охватит страх. С нами Всевышний. На нашей стороне вера в правое дело, уверенность всех спасенных!

– Будь я проклят, Юсиф, – обратился к валигу рослый мускулистый мужчина. – Он в самом деле верит в эту чушь.

– Конечно верит, Фуад. Именно вера в себя делает маньяка опасным.

Эль-Мюрид был озадачен – неужели они сомневаются в его искренности? Истина была истиной. Они могли принять ее или отвергнуть, но никогда – заклеить как ложь.

– Убить их! – приказал он Непобедимым, хотя те и были в несомненном меньшинстве.

Что ж, Всевышний их поддержит.

Его фанатики бросились в атаку, словно изголодавшиеся волки. Воины Юсифа падали, будто колосья под серпом. Сам валиг рухнул на колени, получив жестокую рану. Его войска дрогнули, но Фуад подбадривал их боевым кличем. Его ятаган мерцал подобно миражу – столь быстро он колот и рубил.

Непобедимые выполнили приказ Эль-Мюрида – они удерживали каждый захваченный ими дюйм. Они не отступали, но умирали.

Осторожно, все еще веря в поддержку Всевышнего, Эль-Мюрид сошел с Малахитового трона и подобрал упавший клинок. Теперь уже Непобедимые падали, словно колосья под серпом. Эль-Мюрид засомневался на миг... но нет! Если ему предстоит стать мучеником, значит такова воля Всевышнего. Он сожалел лишь об одном: что может покинуть земные пределы, не увидев Мерьем и дочь. Те оказались в ловушке в крепости вместе с Насефом...

Но Насеф уже вырвался из ловушки. Атака Юсифа на храм дала ему время перестроить силы, и он перешел в нападение, рассеяв войско Юсифа по низине. Вместе с Каримом и парой десятков лучших солдат он ворвался в храм. Перевес сил изменился.

– Господь милостив! – прогремел Эль-Мюрид, осмелившись скрестить клинки с кем-то из солдат.

Враг выбил оружие из его руки, но Насеф в то же мгновение оказался рядом, отразив атаку. Фуад отшвырнул солдата в сторону и повернулся к Насефу:

– Посмотрим, какого цвета твои потроха, бандит.

Насеф атаковал с едва заметной жестокой улыбкой. Их клинки плясали смертельный мавританский танец. Никто не мог преодолеть защиту другого. Казалось, каждый ошеломлен искусством противника.

– Фуад, Фуад, – выдохнул Юсиф, которого поддерживали воины, – успокойся.

Фуад отступил на шаг, утирая пот с лица:

– Дай мне его прикончить.

– Нам нужно уходить, пока еще есть силы спасти раненых.

– Юсиф...

– Послушай, Фуад, они нас победили. Все, что мы можем, – умереть, а в том нет никакого смысла. Идем.

– До следующего раза, бандит! – прорычал Фуад. – Я заметил слабое место в твоём стиле. – Он плюнул Насефу в лицо.

Жители пустыни могли быть весьма убедительны, особенно когда дело касалось ненависти и войны.

– Ты до этого не доживешь, сын шакала. – Когда гнев Насефа достигал высшей отметки, на него накатывало ледяное спокойствие, как случилось и сейчас. – Карим, – сказал он, желая, чтобы его услышали все, – пошли в Эль-Асвад наемного убийцу, и пусть его целью станет эта куча верблюжьего навоза. Я про тебя, служитель ада Фуад. Подумай о том, когда он – или она – нанесет удар. – Он изогнул губы в жестокой усмешке. – Карим, они желают уйти. Пусть бегут, словно побитые псы, каковыми и являются. Позабавимся, глядя, как они убегают, поджав хвосты.

Едва враг ушел, Эль-Мюрид вздохнул и с трудом поднялся на Малахитовый трон.

– Еще немного, и нам бы пришел конец, Насеф.

– Да, почти. Почему ты не воспользовался амулетом? Ты мог уничтожить самого заклятого твоего врага.

Эль-Мюрид поднял руку, уставившись на сверкающий драгоценный камень, к могуществу которого он не обращался с тех пор, как продемонстрировал его в Эль-Аквиле. Эль-хабибы все еще говорили о том дне, когда он возродил высохший оазис.

– Мне это не пришло в голову. В самом деле не пришло. Полагаю, Всевышний коснулся меня, сообщив, что ты идешь. Я никогда не сомневался в нашей победе.

– Как ты и говоришь, все получилось. А пока ты не будешь пользоваться амулетом, никто им о нем не напомнит. Они не станут искать способ ему противостоять.

– Почему ты велел Кариму их отпустить?

– Мы слишком многих потеряли. Нет никакого смысла тратить впустую лишние жизни после победы. Они вернутся, будучи сильнее, и тогда нам потребуется каждый человек.

– А что насчет наемного убийцы?

– Просто игра. Пусть боятся показать друг другу спину. Пусть опасаются каждой тени. Пусть страх ослабит их силу и волю.

– Воистину. Но, Насеф, порой мне кажется, будто ты надо мной насмехаешься. Даже когда спасаешь мне жизнь.

Насеф уставился в пол:

– Прости меня, мой повелитель Ученик. Такова уж моя манера выражаться. Это мое проклятие. Когда я был маленьким, я не мог дразнить других детей, не мог пошутить. Меня всегда воспринимали всерьез. А когда я был серьезен, все думали, будто я насмехаюсь.

– Что будем делать дальше, Насеф? Малахитовый трон в наших руках, как и Себиль-эль-Селиб. И теперь на нас обрушатся все враги Всевышнего.

– Мы можем защитить себя и довериться Всевышнему. Я пошлю гонцов к нашим сторонникам с просьбой о воинах и оружии. Я усилю оборону. Мы возведем здесь еще одну крепость. Трон тоже нужно защищать.

– Ты прав. Насеф, я боюсь, что мы пробудем тут еще долго. Себиль-эль-Селиб – своего рода ловушка. Он подарил нам две впечатляющие победы, но, чтобы выжить, мы должны держаться за то, что у нас уже есть. Боюсь, нас здесь втиснут в бутылочное горлышко.

– Могут попытаться. Но полностью это им никогда не удастся. Против них будет работать их собственная система. Пока они призывают новобранцев из племен лишь на сорок пять дней в году, а все остальное время мы можем делать что угодно. Если на то будет твое благословение, я планирую создать из добровольцев-новообращенных партизанские отряды, которые станут наносить удары исподтишка. Регулярная армия будет занята в других местах, и у нас появится возможность здесь обосноваться.

Эль-Мюрид задумчиво посмотрел на него.

– Похоже, ты все тщательно продумал, – заметил он.

– Все эти три года я часто лежал без сна одинокими ночами, мой повелитель.

– Не сомневаюсь. Когда ты собираешься взять жену, Насеф?

Насефа вопрос застиг врасплох.

– Я об этом даже не думал. Может, после того, как мы построим Царство Мира.

Эль-Мюрид снова пристально на него взглянул:

– Насеф, я устал. Сегодня и завтра мы отдыхаем. Послезавтра мы снова беремся за дело. Ты занимаешься войной, а я – подготовкой к основанию Царства. Мне нужно, чтобы ты нашел писцов и архитекторов. Я хочу создать кодекс законов, и мне нужен особый дворец для Малахитового трона. И еще я хочу возвести в низине стелу, на которой напишу имена правоверных, павших во имя Всевышнего, чтобы обессмертить их как здесь, так и в раю.

– Как скажешь. Мне нравится твоя идея насчет стелы. Наверное, отведешь ее верхушку для Непобедимых?

– Да. Пусть останутся в памяти имена всех, кто здесь погиб. Их выбьют первыми.

Позже, прежде чем отойти ко сну, Эль-Мюрид отвел Мерьем и отнес дочь на самый высокий бастион старой крепости.

– Любимые мои, – сказал он, – крошечная частичка моей мечты воплотилась в жизнь. Царство Мира уже существует, хотя границы его не простираются дальше моего взгляда. Когда-нибудь вся земля признает Всевышнего.

Держа младенца на левой руке, он обнял правой Мерьем. Она прижалась к нему, дрожа на холодном горном ветру.

– Идем, – проговорила она какое-то время спустя. – Позволь мне напомнить, что ты еще и мужчина.

Она улыбнулась. Избалованная девчонка из клана эль-хабиб выросла, став женщиной, которая любила его как мужчину.

В ту ночь они зачали дитя – мальчика.

5

Крепость в тени

Мегелин Радетик шагал по каменистым склонам под старыми стенами Эль-Асвада, Восточной крепости. За ним неотступно следовал Гарун, постоянно отвлекаясь на новые впечатления, но держась единственного взрослого, у которого нашлось на него время. Их сопровождал покрытый шрамами старый ветеран, не выпуская из руки меча.

Гарун уже много дней молчал, полностью уйдя в себя. Но сейчас, когда Радетик остановился, чтобы взглянуть на иссохшую негостеприимную землю, он вдруг спросил:

- Мегелин, отец умрет?
- Не думаю. Врачи надеются на лучшее.
- Мегелин?
- Что? – Он присел рядом с мальчиком.
- Почему он их убил? Паломников в храме?

Радетик двинулся дальше.

- Не знаю. Может, приказ отдал не Эль-Мюрид, а кто-то другой – полагаю, со злости.

Они обогнули гору и на восточном ее склоне встретили брата Гаруна. Али сидел на валуне и смотрел на Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени, словно пытаясь силой мысли вызвать потаенных из тайных цитаделей. Радетик проследил за его взглядом, размышляя о том, что думают чародеи гор о недавних событиях. Вероятно, они последовали традиции, проигнорировав соседей. Они пребывали здесь с незапамятных времен и не беспокоили никого, кто не доставлял им хлопот. Даже могущественная империя не трогала их, и они остались в стороне от ее предсмертных судорог.

- Мегелин, я боюсь, – прошептал Гарун.

Али собрался было бросить язвительную реплику.

– Он прав, Али. Пришло время страха. Мы вынуждены опасаться Насефа из-за его меча и Эль-Мюрида из-за его слова. Вместе они – смертельная смесь. И нам приходится также бояться, что меч может возобладать над словом, а не наоборот. И этот смерч уже не укротишь.

Али нахмурился. Старый Радетик вновь пребывал в сомнениях. Али пошел скорее в дядю, чем в брата или отца, и к числу мыслителей отнюдь не принадлежал. Но Гарун ясно понял Радетика.

Юсиф добрался до Эль-Асвада всего через несколько часов после вернувшегося семейного каравана. Его войско понесло немалые потери, а сам он оказался на волосок от смерти.

Караван тоже пострадал – Юсиф не оставил охраны, и банды Насефа попытались его ограбить. Даже Мегелину Радетику пришлось взять в руки оружие и вступить в бой.

Он потрогал левый бицепс, на котором остался легкий порез от сабли. Рана до сих пор болела. Улыбнувшись, он вспомнил, как удивил нападавшего контратакой.

Фуад все еще не мог примириться с тем, что домашний интеллектual его брата знал, с какой стороны хвататься за меч. Не знал он и как относиться к тому, что учитель сумел взять на себя ответственность за стариков, мальчиков, женщин и погонщиков верблюдов, всыпав как следует крепким молодым воинам. Радетика же недоверие Фуада лишь забавляло.

– В Ребсамене мы изучаем не только цветочки, – сказал он в свое время, припомнив удивление Фуада, когда тот обнаружил, что Мегелин составляет каталог цветных рисунков пустынных цветов.

Али слез с валуна:

– Мегелин?

– Да?

– Мне тоже страшно.

– Нам всем страшно, Али.

Али яростно уставился на Гаруна:

– Если кому-нибудь расскажешь, я тебя поколочу.

Гарун схватил камень с зазубренными краями:

– Ну, давай попробуй, Али.

– Мальчики, оставьте свою злость для Эль-Мюрида.

– Он сам напросился, – ответил Гарун.

– Ах ты, маленький сопляк...

– Я сказал – хватит. Гарун, идем. Али пришел сюда раньше.

Али высунул язык.

Радетик зашагал дальше, гадая, чего мог бояться Гарун. Люди его нисколько не пугали.

– Давай вернемся в замок, Гарун. Пора немного позаниматься.

Название местности Эль-Асвад относилось также к ее главной крепости. Имперские строители изначально квадратной, лишенной каких-либо черт цитадели называли ее «Восточной крепостью». Во времена империи здесь находился главный штаб военного командования.

Замок теперь стал больше, хотя и утратил свое назначение. Каждое поколение делало его все более неприступным. К изначальным стенам добавились круглые башни. С северной стороны появилась дополнительная оборонительная стена и вспомогательные башни, окружив вершину горы. Еще дальше на север расположился массивный квадратный форт, соединенный с главным замком укрепленным переходом и охранявший самый пологий склон.

Остальные три склона были голыми, каменистыми и во многих местах обрывистыми. Каменная поверхность размягчилась и осыпалась под воздействием многовековой эрозии, которую можно было наблюдать по извилистым слоям осадочных пород. Дети придворных и солдат Юсифа обожали рыскать по склонам в поисках ископаемых, за что Радетик платил им сластями.

Радетик обнаружил, что жизнь в замке не слишком легка: в нем либо стоял холод и сквозняки, либо было жарко и душно. Во время редких дождей крыши и стены протекали. Удобства были примитивны, мебели почти не наблюдалось. Во всем замке не было ни единой ванной комнаты, в отличие от Хеллин-Даймиеля, известного своими общественными банями. Единственная закрывавшаяся дверь преграждала доступ в жилище женщин.

Он часто тосковал по уюту крошечной квартирki в университете.

Несмотря на все недостатки, замок вполне выполнял основную функцию. Его зернохранилища, резервуары для воды и арсеналы могли поддерживать гарнизон в течение неограни-

ченного времени. Замок властвовал над огромной территорией, и ни одна осада или штурм не могли его завоевать.

Остановившись у ворот, Радетик окинул взглядом каменистую землю, простиравшуюся на мили вокруг крепости.

– Гарун, знаешь, что я хотел бы увидеть? Хотя бы однажды? Дерево.

Шли недели. Фуад объявил призыв в ополчение из племен. Утром, когда должны были собраться новобранцы, Гарун разбудил учителя.

– Чего тебе? – проворчал Радетик, щурясь на бьющие в окно лучи рассветного солнца. – Давай лучше по-хорошему. Ни один нормальный человек не должен быть в такое время на ногах.

– Дядя Фуад собирается встретиться с ополченцами. Я подумал, может, ты тоже захочешь прийти.

Радетик застонал, спуская ноги с постели.

– Хочу ли я? Нет. Если ты видел одну толпу феллахов³ – значит ты видел их всех. Но, пожалуй, лучше все же схожу, хотя бы затем, чтобы не позволить твоему дяде совершить что-нибудь, о чем он потом пожалеет. Сколько их там собралось?

Он сомневался, что призыв Фуада получит такой же отклик, как и призыв валига. Гарун разочарованно взглянул на него:

– Не так уж много. Но кто-то все равно приходит. Может, некоторые просто задержались.

– Гм? Плохо дело, говоришь? Поддай-ка мне сандалии.

Ополченцы собирались на склоне, ведущем к главным воротам Эль-Асвада. Как и сказал Гарун, прибыли не все. И судя по скромным облакам пыли на дороге, Фуад вряд останется доволен ответом на призыв.

– Меньше трети от того, что он вправе ожидать, – заметил Мегелин.

– Некоторые пожиратели верблюжьего навоза перешли на сторону бандитов. – Фуад хмуро взглянул на собравшихся. – Трусость распространяется, подобно оспе.

– Не думал, что они настолько ненадежны, – ответил Радетик.

– Именно таковы они и есть, писака. А те, кто не дезертировал, прячутся по своим палаткам, словно старухи, боясь занять чью-то сторону. Перед моим братом они будут оправдываться тем, что он не объявил призыв сам. Мне следовало бы поехать и примерно их наказать. Проклятые ведьмы.

– Может, стоит несколько дней подождать? – предложил Радетик. – Послать еще гонцов, и пусть поговорят с ними как следует.

– Что толку? Если им хочется прятаться за юбками женщин – пусть. Я посмеюсь над ними, когда вернусь с головой Эль-Мюрида на копье. Белул! Собери шейхов.

Капитан Белул поклонился и спустился по склону, проехав среди собравшихся. Вожди поднимались по двое и по трое. Фуад не стал никого приветствовать, хотя знал всех и в течение многих лет ездил с ними бок о бок. Его мрачный взгляд заставлял всех держать язык за зубами и сохранять дистанцию.

Когда прибыл последний, заняв место в кругу Фуада, Радетика, Гаруна и офицеров Фуада, тот медленно повернулся:

– И это все? Только у вас хватило смелости противостоять мальчишкам-бандитам? Таха, Рифаа, Кабус и остальные – обещаю, мой брат этого не забудет. Так же как он не забудет лица тех, кого мы не увидели сегодня.

– Может, стоит дать им больше времени? – предложил кто-то.

³ Феллах – крестьянин (араб.).

– Больше времени, Ферас? Даст ли Ученик больше времени нам? Нет! Мы нанесем удар. Никаких игр и нежностей. Мы обрушимся на них словно молот. И мы принесем их головы, чтобы украсить наши стены. Всех, кого прокляли собственные матери.

– Что-то сегодня утром мы чересчур жестоки, – пробормотал Радетик.

Фуад бросил на него презрительный взгляд:

– Ты еще узнаешь, что такое жестокость, учитель. Можешь болтать дальше сколько влезет. Белул, выстрой колонну в соответствии с планом. Просто пропусти места тех трусов, что не явились.

– Фуад, – прошептал Радетик, – тебе в самом деле стоит еще раз подумать.

– Мы выступаем, как только сформируем колонну, – ответил Фуад. – Больше никаких дискуссий. Мы победим или потерпим поражение. Не хотелось бы мне оказаться на месте тех трусов, если мы проиграем, а я останусь в живых. Убирайся, учитель. Тебе больше нечего сказать.

Несколько часов спустя Мегелин смотрел, как колонна скрывается из виду.

– Я сделал все, что мог, Гарун. Но он дьявольски упрям, чтобы услышать голос разума.

– Ты сомневаешься, что он победит?

Радетик пожал плечами:

– Все возможно. Может, ему повезет.

Два дня спустя после ухода Фуада Мегелина нашел в его классе гонца.

– Господин Юсиф очнулся. Он просит тебя прийти.

Радетик был недоволен, что его прервали, но проигнорировать просьбу не мог:

– Али, оставляю тебя за главного, пока увижусь с твоим отцом. Продолжай урок.

– Строгого же наставника ты для них выбрал, – усмехнулся гонец, когда Радетик вышел на улицу.

– Знаю. Это единственный способ заставить его хоть что-то выучить. Он ни за что не захочет, чтобы ученики решили, будто они умнее его.

– Жаль, что у меня не было такой возможности в юности.

Радетик лишь едва заметно улыбнулся. Уловка Юсифа имела успех. Прежде чем учить чему-то детей, требовалось убедить родителей, что в образовании есть хоть какой-то смысл.

– Как он?

– Вполне неплохо, учитывая все прочее. Но он достаточно крепок, как и вся его семья. Пустыня никогда не отличалась добротой.

– Это я понимаю. – Мегелин слышал подобное замечание столько раз – даже там, где пустыня была вполне дружелюбна к людям, – что воспринимал его как поговорку.

Юсиф сидел в постели, споря с женщиной-врачом, которая хотела, чтобы тот лег.

– А, Мегелин. Наконец-то. Избавь меня от милостей этой старухи.

– Эта старуха знает, что нужно твоему телу, куда больше, чем ты сам, валиг.

– Вы что, все сговорились? Ладно, не важно. Иди сюда и возьми подушку. Всеми мне все равно не воспользоваться.

Радетик сел, не в силах скрыть, что ему неудобно, – он был уже слишком стар, чтобы приспособиться к пустынному обычаю сидеть на подушках скрестив ноги. Юсиф не обратил на это ни малейшего внимания.

– Слишком долго я отсутствовал в этом мире. В таком положении приходится верить другим. Понимаешь, о чем я?

– Думаю, да, валиг.

– Первая моя задача в этой второй жизни – сделать так, чтобы ты перестал вести себя словно слуга. Нам есть о чем поговорить, Мегелин. Думаю, в первую очередь – о дружбе.

– Валиг?

– Ты привел мой караван.

– Ерунда.

– Я говорил с Муамаром, так что не будем спорить. Я тебе благодарен. Мне не приходило в голову, что враг может притаиться за спиной.

– Моя жизнь тоже была в опасности.

– Можно считать и так. Но в любом случае мои жены и дети прибыли в целости и сохранности. Я считаю твой поступок проявлением дружбы. Я отношусь к другим так, как они относятся ко мне, Мегелин.

Радетик не смог сдержать кривую улыбку:

– Спасибо. – Благодарность принцев славилась недолговечностью.

– Мегелин, ты продемонстрировал свой опыт во множестве областей. Я ценю того, кто обладает умениями сверх тех, которые требует его профессия.

– Очередное очко в пользу образования.

– Воистину. Расскажи мне – что ты думаешь об экспедиции Фуада?

– Я не видел местность, лишь те куриные следы, которые вы называете картами. У него тысяча человек. Возможно, ему повезет.

– Он превосходит их втрое или вчетверо.

– Возможно, численности хватит, чтобы удар его молота оказался убедительнее изящества Насефа. Твой брат не мыслитель.

– Еще бы мне не знать. Скажи, почему тебя столь впечатлил Насеф?

– В нем есть искра гения. В понимании Запада его угроза послать наемного убийцу в Эль-Асвад была бы гениальным ходом. Но здесь это лишь впустую растраченное вдохновение.

– Мне этого не понять. Обычная болтовня того, кому плюнули в лицо.

– В этом и есть его слабое место.

– Что?

– Здесь никому не хватит ума понять последствия подобной угрозы. Убийца уже здесь или нет? Если нет, то как он сюда проникнет? И так далее.

– Вы, люди Запада, предпочитаете кружные пути. Мы намного прямее.

– Я заметил. Но Насеф и Эль-Мюрид действуют на ином уровне. Их поведение выдает тщательный расчет. Они захватили Себиль-эль-Селиб, зная о вашей силе и вероятном ответе.

– В смысле?

– В смысле – они уверены, что смогут его удержать. Зачем захватывать то, что не сможешь сохранить? По крайней мере, на данном этапе.

– Ты слишком их переоцениваешь.

– Это ты их недооцениваешь. Несмотря на все то, что говорил мне в Аль-Ремише, ты на самом деле вовсе не уверен, что эти люди – не более чем бандиты во главе с сумасшедшим. Помнишь свои слова? О том, что Эль-Мюрид продает фальшивое лекарство всем, кто хочет его купить? Я подумал над этим, и мне кажется, это еще в большей степени правда, чем сознаешь ты сам.

– И что ты мне предлагаешь?

– Возможностей достаточно. – Радетик предложил несколько вариантов, но Юсиф отверг их все как непрактичные или неосуществимые. – Тогда действуй прямо. Убей Эль-Мюрида. Люди поднимут вой, но достаточно скоро обо всем забудут. А Насеф не выживет без него. Не сейчас.

– У меня есть такие планы – на случай, если у Фуада ничего не выйдет. Так что ничего нового ты мне не сказал.

– Я знаю, что не придаю значения финансовым и политическим проблемам. Ты спрашивал о возможных вариантах, и я их тебе изложил. Проклятье, есть даже небольшая вероятность, что, если мы не станем обращать на них внимания, они попросту вымрут от безразличия к их персонам.

– Мегелин, мое выздоровление не столь неожиданно, как может показаться. Я лежал два дня, страдая скорее душой, нежели телом. Я все продумал. И единственный возможный вариант – сражаться и надеяться, что нам повезет. Если не повезет – тогда попытаемся сдерживать их любой ценой.

– Печально такое слышать. Мы убеждаем себя заранее признать поражение.

– Тогда не будем больше об этом. Мегелин?

– Да?

– Ты можешь сделать кое-что, чтобы моя жизнь стала светлее.

– Да, валиг?

– Оставайся, когда истечет твой контракт. Прежде чем все закончится, мне может крайне потребоваться взгляд со стороны.

Радетика удивили его слова – впервые за все время Юсиф отнесся к нему с уважением.

– Я подумаю, валиг. А сейчас я лучше пойду. Я оставил Али за главного в классе.

– Да уж, лучше иди, – усмехнулся Юсиф.

– Я занимаюсь политической историей, Гарун, – объяснил Мегелин. – Именно потому и намерен остаться. Разве я могу уйти, лишившись возможности наблюдать за величайшей бурей столетия? – Мальчик, похоже, был слегка разочарован. Радетик понимал его чувства, но ему не хотелось выкладывать всю правду о своих мотивах. Собственно, он и сам не до конца их осознавал. – Понимаешь, я единственный, кто оказался в самом центре событий. Те, кто пишет историю, всегда предвзяты, и обычно это победители. У меня есть уникальная возможность узнать правду.

Гарун искоса взглянул на него и весело улыбнулся. Мгновение спустя усмехнулся и Мегелин:

– Ах ты, дьяволенок. Да ты, похоже, меня насквозь видишь.

Впрочем, у него имелось оправдание, вполне подходящее, чтобы остаться здесь и дальше, пока мрачные недели складывались в месяцы и годы.

Гарун ворвался в комнату Мегелина, едва не растянувшись на пороге и не опрокинув столик, за которым сидел ученый, составляя послание другу в Хеллин-Даймиель.

– Что случилось, малыш?

– Дядя Фуад вернулся!

Вместо очередного вопроса Радетик лишь поднял бровь. Гарун понял:

– Нет.

Вздыхнув, Радетик отодвинул бумаги:

– Так я и думал. Иначе уже явились бы гонцы, неся полные хвастовства известия. Пойдем к воротам.

Когда они добрались до ворот, в замок уже входили, волоча ноги, войска. Мегелин нашел среди них Фуада. Брат валига был вымотан и измучен, и от его обычного упрямства ничего не осталось. Он отрешенно и честно отвечал на вопросы, не волнуясь о впечатлении, которое производили ответы.

– Просто запиши все как было, учитель, – пробормотал он. – Просто запиши. Нам не хватило всего одного отряда. Одного вонючего отряда. Будь у нас в резерве всего один свежий отряд – и мы бы с ними разделились. – Он направился к жилищу брата. – Всего один отряд от тех сукиных шейхов, которые не явились на общий сбор. Похоже, в Эль-Асваде пора поменять кое-каких вождей.

Три месяца спустя Юсиф объявил собственный призыв, застав Мегелина врасплох.

– Зачем? – спросил он. – И почему ты мне ничего не сказал?

Его всерьез обидело, что валиг с ним не посоветался.

– Потому что, – злорадно усмехнулся Юсиф, – мне хотелось выслушать твои протесты только один раз, а не слушать их до бесконечности.

– Зачем нужен этот призыв? Вопрос серьезный, – спросил Радетик, которого несколько не успокоили слова Юсифа.

– Затем, что мне нужно утвердить свое верховенство над племенами. Им следует показать, что я все еще силен и остаюсь у власти. Мы, дети пустыни, во многом похожи на ваших лесных волков, Мегелин. Я – вожак стаи. Если я оступлюсь, если проявлю слабость, если поколеблюсь – мне конец. У меня нет никакого желания нападать на Эль-Мюрида. Сейчас не время для этого, как ты наверняка бы мне твердил, знай об этом раньше. Но взгляды сотни вождей устремлены на Эль-Асвад, и они ждут ответа на мое ранение и поражение Фуада. Не говоря уже о новобранцах для его войска.

Мегелин вспомнил, что в последние недели постоянно приезжали и уезжали какие-то люди, чему он тогда не придавал значения. Естественно, это были гонцы, но среди них он заметил и нескольких самых преданных капитанов Юсифа, ведущих в пустыню достаточно многочисленные патрули. Никто из них пока не вернулся.

– Полагаю, твои представители будут на месте, когда призыв достигнет ушей некоторых шейхов, чья преданность под вопросом.

– Довольно-таки мягко сказано, учитель, – усмехнулся Юсиф. – Но верно.

– В таком случае, думаю, мне разумнее всего держать язык за зубами. Как гласит древний трюизм – то, что логично и практично, не всегда оправдано политически. И наоборот.

– В здешних краях это еще большая истина, чем где-либо, Мегелин. Еще большая. Как успехи у моего сына?

Он не стал уточнять, у какого именно сына, – оба друг друга прекрасно поняли. Радетик поискал подходящие слова и в конце концов решил, что, если ответит прямо, хуже не будет. Свидетелей не было, а наедине валиг относился к его мнению вполне терпимо.

– Если честно – мне жаль, что он родился не в цивилизованной стране. Он умен, валиг. Более чем умен. Увы, на него уже наложило отпечаток это дикое королевство. Он мог бы стать великим человеком – или великим злодеем. В нем это уже заложено, и наша задача – направить его в сторону величия.

Юсиф что-то пробурчал, глядя вдаль, и наконец ответил:

– Если бы не нынешнее положение, я бы подумал о том, чтобы отправить его в ваш Ребсамен. Возможно, позже так и удастся сделать – после того, как мы прикончим этого злобного Маленького Дьявола.

Радетик искоса взглянул на Юсифа. Валига словно окружал некий ореол судьбы, некая аура или запах, и Юсиф сам это чувствовал. Вся его поза говорила о том, что будущее, которое он видит для сына, не имеет ничего общего с тем, что он описывал.

Экспедиция Юсифа против узурпаторов Себиль-эль-Селиба, хотя и более многочисленная, чем у Фуада, разделила ее судьбу. Вновь оказалось, что роялистам не хватило всего лишь одного свежего отряда, чтобы вернуть Малахитовый трон. Полный решимости сохранить образ сильного и жесткого вождя, Юсиф продолжал атаку намного дольше разумного, даже когда стало ясно, что он проиграет.

Яростное сражение ожесточило как роялистов, так и мятежников. Исход его повлек последствия, лишь повредившие положению роялистов. По мере того как новости распространялись по пустыне, все больше сторонников Эль-Мюрида собиралось под его знамена. Насеф объявил призыв, и к нему рекой потекли новобранцы, которых он обучал своему дьявольскому стилю ведения войны.

Юсиф избрал обратную тактику, блокируя ведущие из Себиль-эль-Селиба пути и используя свое домашнее войско для преследования вражеских банд. Шпионы присылали тревожные донесения о новых укреплениях.

– Мы можем оставить всякую надежду, что нам когда-нибудь удастся истребить их под корень, – предрек Радетик через три года после потери ущелья.

Разведка только что донесла о быстром разрастании крепости-дворца, охранявшего Малахитовый трон. В донесении также говорилось, что у Эль-Мюрида теперь постоянная свита из тысячи воинов, половину которых составляли фанатики-Непобедимые. Насеф и его приспешник Карим совершали все более смелые вылазки, давая советы грабившим пустыню от имени Эль-Мюрида мародерам, а иногда и прямо их направляя.

– Они словно призраки, – пробормотал как-то раз Фуад. – Юсиф, тебе стоило позволить мне убить Насефа, когда была возможность. Он одновременно и повсюду и нигде, и мне не вызвать его на бой.

– Что за приступ меланхолии во время партизанской войны? – спросил Радетик. – Естественно, Насеф не будет оставаться на месте – иначе ему всыпали бы по первое число. Дай ему цель, против которой он не сможет устоять. Приготовь для него сюрприз.

– Шпионы предупредят его за два дня до того, как мы на это решимся, – ответил Юсиф.

– Знаю. Единственная надежда – что вам удастся вонзить ему или Эль-Мюриду нож в спину.

– Мы пытались, – проворчал Фуад.

– Пытайтесь дальше. С каждым днем мы понемногу отступаем. Они нас изматывают. Пока Абуд воспринимает происходящее как некую стычку между Юсифом и Эль-Мюридом, не понимая, что война может затопить все королевство, нам ничего не остается, кроме как держаться. И – молиться, что они совершат какую-нибудь роковую глупость раньше нас.

– Как идут дела с твоей монографией, Мегелин? – спросил Юсиф.

Именно незаконченная монография стала для Радетика поводом остаться. Покраснев и сжав плечо Гаруна, он ответил:

– Дьявольски медленно. Война постоянно мешает. Едва остается время преподавать, не говоря уже о том, чтобы писать.

Со временем Радетик стал кем-то намного большим, чем просто наставником. В каком-то смысле он занял властное положение за спиной валига. Юсиф все чаще обращался к нему за советами и все чаще им следовал.

Эль-Мюрид признал новую значимость Радетика в недавней проповеди, назвав его одним из тринадцати баронов ада на земле, приспешников зла, которых оно послало, чтобы надругаться над правоверными. Мегелин удивился, узнав о своем знатном титуле, – он думал, что его больше заслуживает Юсиф.

Радетик воплощал в жизнь политику Юсифа без особой спешки, давая валигу набраться сил и выиграть время. Он надеялся, что к Абуду наконец вернется здравомыслие или что Насеф собственными поступками сам обрежет себя на поражение.

Он писал бесчисленные предостерегающие письма с печатью Юсифа всем, кто был близок к Абуду. Ему удалось найти нескольких сочувствующих, но кронпринц Фарид был единственным, кто мог хоть как-то повлиять на политику короля.

Юный Гарун вырослел, хотя скорее умственно, чем физически. Его отец начал опасаться, что он станет самым мелким в семье. Мегелин утешал его, замечая, что к некоторым порам расцвета приходит поздно. Он перестал делать вид, будто обучает кого-то еще, – у него больше не оставалось времени убеждать и нянчить более упрямых сыновей и племянников Юсифа. Сосредоточившись на одном Гаруне, он не приобрел новых друзей – ни когда отвлекал мальчика от регулярных шагунских занятий и прочих дел, беря его с собой в ботанические и геологические полевые вылазки, ни когда честно отвечал на вопросы о талантах других детей.

Кроме Юсифа и Гаруна, у Мегелина имелся в Эль-Асваде лишь один настоящий друг – его телохранитель Муамар, которому вылазки на природу и всевозможные исследования нравились даже больше, чем Гаруну. Для него это была словно игра – старый воин достиг того

возраста, когда легче справляться с вызовами для ума, чем для тела. И в решение всевозможных загадок он вкладывал куда больше души, чем молодежь.

На четвертый год мятежники совершили небольшую ошибку. Фуад вернулся с триумфом, поймав в ловушку и убив почти три сотни мародеров. Победа гарантировала передышку от проделок партизанских групп. Юсиф объявил празднество в честь брата. Женщин позвали из их жилищ, чтобы танцевали для гостей. Юсиф, Фуад и большинство капитанов привели любимых жен. Зал наполнился музыкой канунов, удов, дарбуки и цимбал. Радетику она показалась чересчур резкой, грубой и нестройной.

Повсюду слышался смех. Даже Радетик рискнул рассказать несколько анекдотов, но слушатели их не понимали, предпочитая длинные, полные подробностей истории о негодях, наставлявших рога напыщенным мужьям, и глупцах, веривших всему, что говорили их жены и дочери. Вина, которое могло бы приукрасить веселье, не было, но в воздухе чувствовался аромат дурманящего дыма, доносившийся из специальных жаровен.

Гарун сидел рядом с Радетиком. Он смотрел на праздник круглыми глазами, но взгляд его ничего не выражал. Радетик подумал, что мальчик все больше превращается в пассивного наблюдателя.

– Эй ты, Мегелин, старая баба! – крикнул Фуад. – Встань и спляши нам какой-нибудь танец неверных!

Радетик бесстрашно забрал у музыканта флейту и неуклюже сплясал фламенко под собственный чудовищный аккомпанемент. Закончив, он рассмеялся вместе со всеми:

– А теперь ты, Фуад. Возьми цимбалы и покажи женщинам свое искусство!

Фуад принял вызов, обойдясь без цимбал. Он исполнил дикий танец с саблями, встреченный ревом аплодисментов.

Зал был набит торжествующими воинами. Засмотревшись на танцующих женщин, а потом на выступления учителя и брата валига, никто не обращал внимания на что-либо еще. Никто не замечал, как трое медленно подбираются к хозяевам вечера.

Пока те не прыгнули – на Юсифа, Фуада и Радетика.

Каждый занес над головой серебряный кинжал. Фуад остановил нападавшего саблей, с которой танцевал. Юсиф избежал гибели, кинувшись в вопящую толпу. Муамар бросился навстречу третьему убийце. Серебряный кинжал убийцы, отчаянно пытавшегося добраться до Радетика, порезал ему щеку. Рана сильно кровоточила, но вряд ли после нее осталось бы нечто большее, чем едва заметный шрам. Но старый воин вдруг замер, глаза его полезли на лоб, и с губ сорвался булькающий хрип. А затем он рухнул замертво.

Убийца снова метнулся к Радетику, отбиваясь от пытавшихся схватить его рук и рассекающего воздух оружия. Его кинжал вспыхнул голубым светом.

– Колдовство! – крикнула какая-то женщина.

Поднялся еще больший шум. Гарун пнул убийцу в пах изо всех сил, на какие был способен десятилетний мальчик. А тот не обратил на него внимания. Ни он, ни его товарищи, казалось, не замечали сыпавшихся на них ударов. Погибли шестеро людей Юсифа, прежде чем убийца удалось остановить.

– Никогда не видел ничего подобного, – весь дрожа, выдохнул Радетик. – Что это вообще за люди?

– Назад! Проклятье, разойдитесь! – взревел Юсиф. – Гамел! Мустаф! Белул! – рывкнул он троим капитанам. – Очистите помещение. Проводите женщин в их жилища. Этих не трогать! – прорычал он кому-то, пытавшемуся перевернуть убийцу на спину.

Три серебряных кинжала лежали на темном каменном полу, испуская голубое свечение. Фуад наклонился над своим несостоявшимся убийцей. Руки его дрожали, лицо побледнело.

– Насеф говорил, что пришлет наемного убийцу.

– Долго же он ждал! – прорычал Юсиф.

– Это не в стиле Эль-Мюрида, – пробормотал Радетик. – Тут какое-то колдовство. Не прошло и полгода с тех пор, как он прочитал ту проповедь против чародейства.

– Насеф. Это наверняка дело рук Насефа, – настаивал Фуад.

Что-то привлекло внимание Радетика. Опустившись на колени, он раздвинул разорванную одежду убийцы и взглянул на его грудь:

– Идите-ка сюда. Посмотрите.

Над сердцем убийцы виднелась крошечная татуировка, не слишком четкая, но напоминавшая две переплетенные буквы пустынного алфавита. Через мгновение татуировка потускнела и исчезла.

– Что за дьявольщина? – рыкнул Фуад. Бросившись к другому убийце, он вспорол на нем одежду. – У этого ничего нет. – Он перешел к третьему. – Эй, этот еще жив. – Он снова разрезал ткань. – И у него такая же отметина.

– Гамел, пошли за врачом, – приказал Юсиф. – Возможно, сумеем не дать ему сдохнуть, пока не получим ответы.

Пока они разглядывали татуировку, Гарун подобрал кинжал. Вокруг его руки возник голубой нимб. Он поднес клинок к светильнику.

– Что ты делаешь? – требовательно спросил Юсиф. – Положи.

– Это не опасно, отец. Свечение – лишь след слабеющего заклятия.

– Что?

– На этот клинок наложили заклятие. В нем – имя дяди Фуада. Если позволишь, я попытаюсь прочитать остальное. Это сложно – заклятие улетучивается, к тому же оно на языке Иль-казара.

– Если тут еще и колдовство...

– Голубое свечение – это энергия распадающегося колдовства, отец. Оно распадается, потому что ножи порезали не тех людей. Теперь это просто кинжалы.

Слова Гаруна не убедили Юсифа.

– Положи эту проклятую штуку.

– Он только что умер, – сказал Фуад, глядя на третьего убийцу. – Ну вот... началось.

Татуировка на груди убийцы исчезла в течение полуминуты.

– Что все это значит? – спросил Юсиф в пустоту.

Пустота не ответила. Наставники, учившие Гаруна шагунскому искусству, подтвердили слова мальчика о кинжалах. На клинки наложили заклятия, делавшие смертельным даже самый слабый порез. Но насчет исчезающих татуировок они ничего объяснить не смогли, как и определить, откуда пришли убийцы.

Врач выяснил, что убийцы принимали наркотики. И все видели, что они туго перевязали руки, ноги и гениталии, сильно ограничив кровообращение. Атакуя, они не чувствовали ни страха, ни боли.

– Кто бы их ни послал, он обладает могущественным оружием, – заметил Радетик. – Юсиф, я бы посоветовал усилить охрану ворот.

Когда возбуждение прошло и ничто уже не могло помешать Мегелину, он опустился на колени возле Муамара и заплакал.

– Ты был настоящим другом, старый воин, – пробормотал он. – Спасибо тебе.

Фуад, от которого меньше всего стоило этого ожидать, положил руку ему на плечо:

– Он был хорошим человеком, Мегелин. Нам всем будет его не хватать. – (Подняв взгляд, учитель, к своему удивлению, увидел скатившуюся по щеке Фуада слезу.) – Он учил меня владеть оружием, когда я был в возрасте Гаруна. Как и его самого.

Похоже, подобного объяснения для Фуада было вполне достаточно.

Человек по имени Белул, который, казалось, вечность тому назад избежал гибели в Себиль-эль-Селибе, осмотрел мертвецов. Теперь он стал самым жестоким капитаном Юсифа. В свое время он также вернулся в Себиль-эль-Селиб как шпион валига.

– Это люди Эль-Мюрида, – сказал он. – Вот этот – Шехаб аль-Меди, капитан Непобедимых. Он был столь же безумен, как и Ученик.

– Что ж, – сказал Юсиф, – все становится еще загадочнее. Это особые силы Эль-Мюрида, которые не подчиняются никому, кроме него самого. И ведь прошло всего полгода с тех пор, как он объявил вне закона любое колдовство.

Ученик, по сути, вынес смертный приговор всем ведьмам, колдунам, шаманам, шагунам, прорицателям и прочим, кто хоть как-то занимался магией. Он поручил Насефу истреблять их, где бы бедолаг ни обнаружили его войска.

– Он сумасшедший, – заметил Белул. – Вряд ли стоит ждать логики в его поступках.

Радетик в свое время считал, что заявление Ученика несет в себе мрачный смысл. Царство Мира не сумело завоевать новообращенных среди магов. Те, кто владел Силой, всегда оказывались его врагами, при любой возможности помогая роялистам. Толку от них, правда, было мало, но это вполне соответствовало уровню чародеев Хаммад-аль-Накира. Всех талантливых истребили во время безумия, что наступило после Падения.

Радетик снова подумал о потаенных. Окажется ли Эль-Мюрид настолько глуп, чтобы попытаться изгнать их из Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени? Вряд ли стоило на это надеяться. Как и большинство сыновей Хаммад-аль-Накира, он, вероятно, не думал о них вообще.

Эль-Асвад похоронил мертвых и продолжил жить дальше, как и в течение многих лет до этого. Месяц спустя шпион принес известие, пролившее свет на покушение.

Эль-Мюрид приказал Непобедимым основать тайный орден среди его охраны. Известные подробности убедили Радетика, что это был тайный культ. Его последователей называли харишами, и всю их деятельность окружала крайняя секретность. Члены культа были организованы в виде пирамиды «братств», состоявших из троих человек, и лишь один знал кого-то, стоявшего выше в иерархии. Татуировка являлась личной печатью Эль-Мюрида. Она была образована из начальных букв слов «Возлюбленный Господа» и означала, что носящему ее гарантировано место в раю. Считалось, что татуировка исчезает, когда душа последователя культа возносится на небеса.

– Жуть какая-то, – заметил Фуад, готовый списать все на очередной пример безумия Эль-Мюрида.

– Да, – согласился Юсиф. – И если они все так же готовы умереть, как те трое, – они дьявольски опасны.

И это действительно было так. Заглянув в самые темные уголки собственного разума, Эль-Мюрид создал новое страшное орудие для продолжения своей миссии.

Девять недель спустя Радетик получил длинное письмо от старого школьного друга Тортина Пернтигана, который стал преподавателем теории коммерции, то есть прославленным учителем бухгалтерского дела.

Мегелин размышлял несколько дней, прежде чем пойти к Юсифу.

– У тебя странный вид, – сказал валиг. – Словно у человека, который только что увидел, как убили друг друга его лучший друг и заклятый враг.

– Может, и так. Я получил письмо из дома.

– Что-то срочное? Тебе ведь не придется уехать? – Похоже, Юсифа встревожила подобная мысль, и Мегелин невольно возгордился.

– Нет, я никуда не уезжаю. Письмо... тут нужно кое-что объяснить. – Мегелин быстро рассказал, что Пернтиган его давний друг и они поддерживают близкие отношения с тех пор, как поступили в Ребсамен почти тридцать лет назад. – Именно он столь дорого тебе обходится, когда я посылаю толстые пакеты с почтой. – (Юсиф был достаточно прижимист, как и все его

пустынные собратья, и постоянно возражал против расходов Мегелина на общение с далекими коллегами.) – Я посылал ему фрагменты моей монографии в процессе ее написания, вместе с природными наблюдениями, заметками, мыслями, рассуждениями и прочим. Чтобы ничего не пропало, если случится трагедия. Знания чересчур ценны.

– Кажется, я уже слышал подобный аргумент.

– Да. В общем, Пернтиган, старый сплетник, в ответ снабжает меня последними новостями из Хеллин-Даймиеля.

– Я крайне рад, что ты можешь поддерживать старые связи, – кисло заметил Юсиф. – Хотя меня это разоряет. И какую же дурацкую сплетню принесли мне ваши драгоценные ученые беседы?

– Как тебе известно, Хеллин-Даймиель – финансовый столп Запада, хотя его положение оспаривают италийские консорциумы...

– Ближе к делу, Мегелин. Дурные новости подобны дохлему верблюду – оттого что дольше лежат, они не становятся приятнее.

– Да, валиг. Пернтигана крайне интересует некий феномен, который банкиры начали называть «золотым швом Каср-Хелал». Каср-Хелал – это укрепленное даймиельское торговое поселение на краю Сахеля. То самое, где, как я понимаю, отец Ученика обменивал товары на соль...

– Мегелин! Хватит ходить вокруг да около!

– Ладно. В последнее время в Хеллин-Даймиель через Каср-эль-Хелал начали в больших количествах попадать новые монеты. Отсюда и название «золотой шов Каср-Хелал». По словам Пернтигана, дом Бастаноса – крупнейший даймиельский международный банк – принял вкладов на сумму в миллион даймиельских дукатов. И это только один банк. Пернтиган прислал длинный список вопросов о том, что происходит в Хаммад-аль-Накире, оправдываясь тем, что занимается исследованиями по теории финансов. Естественно, настоящий его мотив – что-то с этого поиметь.

– Нельзя ли в конце концов перейти к сути? К чему ты клонишь? К тому, что деньги поступают из пустыни?

– Именно. В том и корень загадки. У торговцев есть поговорка, что монеты в пустыне столь же редки, как лягушачий мех. В этих краях долги всегда оплачиваются услугами или натурой. Разве не так? Все серебро и золото, что тут есть, склонно оставаться без движения. – Радетик показал на кольца и браслеты Юсифа, составлявшие немалую часть личного состояния валига. Жители Хаммад-аль-Накира обычно носили на себе или прятали любые драгоценные металлы, которыми владели, и расставались с ними лишь в самом крайнем случае. – Перемещение ценностей из пустыни в таких масштабах, как описывает Пернтиган, – крупная финансовая аномалия. Банкиры тревожатся, хоть и получают с этого прибыль. Они предвидят гигантскую экономическую катастрофу.

Юсиф озадаченно взглянул на него. Половину сказанного Радетику приходилось формулировать на языке Хеллин-Даймиеля – в пустынном языке не доставало финансового словаря. И хотя Юсиф немного говорил на даймиельском, торговый жаргон был ему недоступен.

– Пернтиган общался со знакомыми в банковских кругах, – продолжал Мегелин. – Он составил список имен, связанных с подозрительными вкладами, а также еще один перечень вопросов. И если сопоставить все это воедино, появляется немало поводов для беспокойства.

– Как я понимаю, кто-то посылает за пределы королевства громадные богатства?

Радетик кивнул – пусть и с опозданием на пять минут:

– Именно. Главный вопрос в том, кто и зачем это делает.

Немного подумав, Юсиф уже собрался ответить, но его потянул за одежду Гарун:

– Отец? Можно мне?

– Конечно, – улыбнулся валиг. – Посмотрим, стоит ли этот старый пройдоха своего жалованья. Покажи нам, чему он тебя научил.

Радетик тоже улыбнулся. Похоже, мальчик начал преодолевать врожденную сдержанность.

– Есть только двое, у кого может быть столько денег. Король и Эль-Мюрид.

– На чем основаны твои выводы? – спросил Радетик.

– Король – потому что он принимает деньги вместо услуг. И еще он берет ренту и торговые пошлины. А Эль-Мюрид – потому что он уже несколько лет грабит народ.

Юсиф взглянул на Радетика:

– Ну? Вижу по твоему взгляду, что он не прав. Объясни.

– Не совсем. Он просто не сумел сделать всех выводов. Тортин указывает, что семейство Квесани внесло крупный вклад и приобрело собственность на Ауссурском побережье. Это полоска берега к северу от Дунно-Скуттари, своего рода кладбище слонов для низложенных принцев. Создается впечатление, будто кто-то в Аль-Ремише пытается гарантировать Квесани безопасность.

– Только не Абуд. Он не настолько прозорлив.

– Может, Фарид? Не важно. Это лишь небольшая часть денежного потока, и не она беспокоит Тортина. У причины его тревоги два других источника. Гарун упоминал о добыче от грабежей, но не сумел сообразить, что грабежом занимается вовсе не Эль-Мюрид. Вкладчики – Карим, эль-Кадер, эль-Надим и остальная их банда.

– Бандиты-генералы Насефа. Это хорошая новость, Мегелин. Мы сможем доставить Бичу Господнему немало хлопот, распространив эти сведения. Собственно, сами Непобедимые могут с ним разделаться, если узнают, что он что-то утаивает от Эль-Мюрида.

Радетика подобный вариант несколько не обрадовал.

– Наша сторона тоже может пострадать.

– Ты про деньги Абуда? Они принадлежат ему, и он может делать с ними все, что захочет. К тому же он не грабит королевство.

– Я не про Абуда, а про духовенство. Они посылают за пределы королевства столько же золотых слитков, сколько банда Насефа. А значит, они оскверняют святые места, переплавляя золото и серебро. Как поступят правоверные, если узнают, что их грабят собственные священники? Эль-Мюрид еще может как-то оправдать Насефа – солдаты грабят своих врагов. Но от священнослужителей нам никуда не деться. Многие уже проклинают Насефа, но не Эль-Мюрида. Насеф для них – некий компромисс, который Ученик вынужден был заключить с судьбой, и они полагают, что, когда Царство Мира Эль-Мюрида станет реальностью, Насеф просто исчезнет.

– Похоже, Насефа это тоже беспокоит. Он и его парни немного откладывают себе на старость.

– Тебе не кажется, что поведение духовенства приведет к появлению множества новых сторонников Эль-Мюрида?

– Безусловно. Я напишу Абуду.

– Который сидит под пятой священников и даст тебе тот же самый ответ, который дает с тех пор, как началась вся эта заварушка. Если вообще сочтет нужным ответить.

– Ты прав. Конечно. Нам лишь нужно припугнуть нескольких священников. И сохранить все в тайне. – Юсиф устало закрыл глаза. – Мегелин, что бы ты сделал, если бы твои союзники доставляли больше хлопот, чем враги?

– Не знаю, валиг. В самом деле не знаю. Глупость и некомпетентность приносят свои плоды. Все, что я предвижу, – все большее разложение, в основном моральное. Возможно, Хаммад-аль-Накир все же нуждается в очистительном пламени Эль-Мюрида.

Гарун схватил Радетика за локоть:

– Не сдавайся, Мегелин.

На лице мальчика застыла упрямая решимость, отчего он вдруг показался намного старше своих лет. Радетик с сожалением подумал, что этому ребенку предстоит расти в пламени столь хаотического костра.

6

В чужие королевства

Исхудавшие и продрогшие, Браги и Хаакен остановились на вершине последнего перевала.

– Там, внизу, уже весна, – заметил Браги, поддерживая брата. – Та зелень – вероятно, лиственный лес.

– Сколько еще? – прохрипел Хаакен.

– Три дня? Или пять? Недолго.

– Ха!

Бывали дни, когда им не удавалось пройти и мили – как, например, вчера. Похоронив в мерзлой земле Сорена, они сражались с заснеженным склоном, пока не рухнули от усталости.

Сигурд умер почти месяц назад. Переход занял два месяца.

– Я не смогу, – выдохнул Хаакен. – Иди дальше без меня.

Подобное он уже предлагал раньше.

– Все уже позади, Хаакен. Отсюда только вниз.

– Я устал, Браги. Мне нужно отдохнуть. Я догоню.

– Идем. Раз-два. Раз-два.

У подножия было куда теплее, чем в высокогорье. Юноши сделали привал на неделю, восстанавливая силы. Дичь встречалась редко. Они замечали следы местных племен, а однажды прошли мимо руин маленькой бревенчатой крепости, сгоревшей не более месяца назад.

– Похоже, мы недалеко от итаскийского герцогства Грейфеллс, – сказал Браги, обгладывая кроличью ногу. – Эта тропа должна вести к тракту, который отец называл Северной дорогой, – прямому пути к городу Итаския.

Королевство Итаския и его столица носили одно и то же имя, как и в нескольких других государствах, которые выросли вокруг сильного города, пережившего Падение.

– Я бы предпочел, чтобы ты не был столь дьявольским оптимистом, – проворчал Хаакен, вгрызаясь в кролика, словно изголодавшийся медведь. – Мы даже не знаем местного языка. И мы тролледингцы. Если нас не прикончат бандиты, это сделают итаскийцы.

– А я бы посоветовал тебе поменьше пессимизма. Будь я проклят, даже если мы найдем горшок с золотом, ты и тогда увидишь лишь повод заработать грыжу.

– Жизнь не проживешь, считая, что все всегда получится. Если ожидаешь худшего – ты готов ко всему.

– И что ты собираешься делать?

– Я перестал строить планы после того, как умер отец.

У Браги тоже не было никаких планов, кроме как следовать туманным советам отца. Что случится, когда они найдут этого Ялмара?

– Хаакен, я знаю лишь то, что говорил отец.

– В таком случае стоит этого и держаться, пока что-нибудь не произойдет.

И оно произошло – на следующее утро.

Хаакен остановился, чтобы отлить. Браги же ушел вперед, и на него из кустов выскочили жители гор. Копья скользнули по кольчуге, которую велел носить отец во время любых путешествий, но они повалили его на землю и вытащили ножи.

Появился Хаакен, размахивая топором, и успел прикончить двоих, прежде чем остальные его заметили. Браги отполз в сторону и, поднявшись, наконец схватился за меч. Оставшийся в живых попытался бежать, но его остановили меч и топор.

– Что за дьявольщина? – выдохнул Хаакен.

– Похоже, меня собирались ограбить, – весь дрожа, прохрипел Браги. – Еще бы немного – и конец.

– Я тебя предупреждал.

– Давай закопаем их, и убираемся отсюда.

– Слушай!

Послышался стук копыт.

– В кусты! – бросил Браги.

– На дерево, – возразил Хаакен. – Рагнар говорил, что люди никогда не смотрят вверх.

Минуту спустя они уже были высоко на старом дубе. Пока карабкались, их мешки казались почти невесомыми. Мертвецы все так же валялись на тропе.

Появились шестеро всадников: офицер, четверо солдат и один штатский.

– Итаскийцы, – прошептал Браги.

– Что за дьявольщина? – рявкнул офицер, сдерживая коня.

Юноши не понимали итаскийского, но о смысле догадались.

Солдаты вытащили мечи. Штатский спешился, оглядывая побоище:

– Это люди Майнерика. Подстерегли двух путников, не больше нескольких минут назад.

Путники сидят на черном дубе примерно в тридцати футах левее.

– Кто стал бы тут болтаться, когда здесь орудует Майнерик?

– Вот сам и спросишь. Доставайте луки. Вряд ли они откажутся от приглашения.

– Выполняй, сержант.

Солдаты обнажили клинки и взяли на изготовку луки. Браги и Хаакен переглянулись.

– Никто никогда не смотрит вверх, да? – буркнул Браги, глядя на нацеленные на него четыре стрелы.

Разведчик поманил их к себе.

Браги прыгнул на землю и обнаружил, что молочный брат уже стоит рядом – вызывая его и с топором в руке.

– Да это всего лишь щенки, – заметил сержант.

– Это те самые двое? – спросил офицер.

– Те самые, – ответил штатский. – Похожи на тролледингцев. Там их с детства учат убивать. – Лесной житель протянул раскрытые ладони. – Поговорим мирно, – произнес он на тролледингском с сильным акцентом.

– Что с нами будет? – спросил Браги, стыдясь собственной дрожи.

– Зависит от вас. Что тут произошло? Что привело вас на юг?

Браги все рассказал. Разведчик перевел.

Итаскийцы о чем-то коротко посоветовались, затем переводчик сказал:

– Сэр Клив готов проявить щедрость. Из-за этих. – Он показал на мертвецов. – Мы преследуем их банду уже несколько недель. Отвезем их головы герцогу и на какое-то время отдохнем от патрулей. Но он ничего не знает про вашего претендента. И он хочет заглянуть в ваши мешки.

Хаакен негромко зарычал:

– Спокойно, сынок! Мы вас не ограбим.

– Делай, что он говорит, Хаакен.

– Хорошо, – последовал ответ минуту спустя. – Теперь отойдите на пять шагов.

Предводитель изучил их вещи, и фамильные ценности Браги тут же вызвали у него вопросы.

– Их дал нам отец перед смертью. Он сказал, чтобы мы отнесли их одному человеку в городе.

– Какому человеку?

– Кому-то по имени Ялмар.

– Думаешь, он говорит правду? – спросил офицер.

– Он слишком напуган, чтобы врать. Вероятно, этот Ялмар скупает краденое у разбойников с побережья. Похоже, их отец предвидел кризис с престолонаследием и обо всем заранее договорился.

– И что нам с ними делать?

– У нас к ним никаких претензий, сэр. К тому же они оказали нам услугу.

– Они тролледингцы, – заметил сержант. – Следовало бы их повесить в назидание тем, кто придет после.

– Разумно, – согласился офицер. – Но мне на это не хватило бы духу. Они же еще дети.

– Эти дети убили четверых людей, сэр.

– Людей Майнерика.

– Что вообще происходит? – нервно спросил Браги.

– Сержант Уэзеркинд хочет вас повесить, – усмехнулся разведчик. – Сэр Клив, с другой стороны, готов вас отпустить. При условии, что вы разрешите ему забрать тела.

– Нас это вполне устроит.

– Не спускай глаз с сержанта, – сказал Хаакен. – Из-за него нас еще вполне могут убить. Солдат о чем-то спорил с командиром.

– Он хочет, чтобы сэр Клив конфисковал ваши мешки.

– Весьма дружелюбно с его стороны, ничего не скажешь.

– Он из Западного Вейпентейка, где первым делом наносят удар разбойники каждой весной.

– Осторожно! – Хаакен нырнул в ноги Браги, но стрела сержанта предназначалась не брату.

Дальше по тропе послышался вой, и из леса выбежали двадцать горцев. Юноши и разведчик приготовились к атаке, которая, к восхищению Браги, быстро захлебнулась под итаскийскими стрелами. То был урок, которого он так и не смог забыть.

У некоторых горцев были украденные кольчуги, щиты и оружие. Один такой первым добрался до Браги, замахнувшись клинком, но Хаакен спас брата – его топор со свистом опустился на противника, зарубив перед этим еще одного, вооруженного копьем.

Пока сэр Клив и его солдаты перестраивались, юноши и лесной житель завалили еще троих горцев. Остальные разбежались перед всадниками, которые погнались за ними в лес.

– Добейте раненых, пока не сбежали! – крикнул через плечо сэр Клив.

– Неплохая работа, – заметил разведчик, когда они покончили с неприятной задачей. – Четверть людей Майнерика погибли в течение часа. Вполне стоит той недели, что мы за ними гонялись.

– Почему? – спросил Браги.

– Что? А... сейчас в горах наступили тяжелые времена. Майнерик повел разбойников на грабеж в долину. Они пытаются заботиться о своих семьях – за счет наших. Мы поймали их недалеко от Мендалайи и убили десяток, после чего они разбежались. Мы начали за ними охоту. Этот набег должен дорого им обойтись.

Вернулись солдаты с переброшенными через седла телами и пленниками на привязи. Сэр Клив что-то сказал.

– Он благодарит за помощь. Некоторые из нас погибли бы, если бы не вы.

Даже сержант, похоже, пребывал в добром расположении духа.

– Самое время попросить его, о чем хотите. Он сейчас счастлив, что сможет снискать расположение герцога, когда тот обо всем узнает.

– Не мог бы он дать нам что-то вроде подорожной грамоты, чтобы мы смогли попасть в город?

– Хорошая мысль, парень. Посмотрим.

Получив бумагу, они двинулись дальше. Чуть позже, когда у Браги перестали дрожать губы, он начал насвистывать. Но Хаакен постоянно оглядывался. Он все еще опасался, что итакийцы могут передумать, когда братья наконец добрались до столицы.

Таверна «Красный олень» напоминала трущобу – большая, построенная без какого-либо плана, шумная и, казалось, готовая в любой миг обрушиться. Вечерние тени скрывали углы, в которых творилось нечто подозрительное.

Когда вошли Браги и Хаакен, наступила тишина. На них уставились взгляды пятидесяти пар глаз – любопытные, настороженные, вызывающие, но ни одного дружеского.

– Не похоже, что нас здесь ждут, – прошептал Хаакен.

– Спокойно, – предостерег Браги, скрывая волнение. – Ялмар?

Ответа не последовало. Он попробовал снова:

– Есть здесь человек по имени Ялмар? Я от Рагнара из Драукенбринга.

Итакийцы начали перешептываться.

– Иди сюда, – поманил его кто-то из тени в дальней части зала.

Ропот усилился. Браги избегал устремленных на него взглядов – этих людей им с Хаакеном лучше было не обижать.

– Сюда.

Перед ним стоял худой сутулый рыжий мужчина лет тридцати пяти. Он хромал, но выглядел столь же крепким, как и остальные.

– Я Ялмар. Говоришь, Рагнар из Драукенбринга? Ты про Волка?

– Да.

– И что?

– Он послал нас к тебе.

– Зачем?

– Откуда нам знать, что ты в самом деле Ялмар?

– Откуда мне знать, что вы в самом деле от Рагнара?

– Он прислал доказательство.

– Карту? Кинжал и амулет Ильказара?

– Да.

Ялмар улыбнулся, показав удивительно хорошие зубы:

– Ладно. И как там дела у бешеного зверюги? Мы с ним провернули кое-какие выгодные сделки. Я выбирал корабли, а он их захватывал, и я скупал товар.

Хаакен что-то угрюмо пробурчал.

– Что с ним?

– Рагнар умер. Он был нашим отцом.

– Печально известные Браги и Хаакен... Вы понятия не имеете, как он меня утомлял, постоянно вас расхваливая. Значит, умер? Жаль. И вовсе не из-за того, что я лишился выгодного партнера. Он был моим другом.

Юноши молчали. Браги не сводил взгляда с Ялмара. И это честный хозяин таверны? Насколько можно ему доверять?

Похоже, от их молчания Ялмару стало несколько не по себе.

– Ладно. Чего вы хотите? Или будете молчать как рыбы?

– Не знаю, – ответил Браги. – Отец умирал. Он сказал, чтобы мы нашли тебя и что ты перед ним в долгу. Мы пришли.

– Я заметил. Тогда лучше рассказывайте с самого начала. Может, сумею сообразить, что он имел в виду.

Браги все рассказал – теперь ему уже не было столь больно.

– Понятно, – кивнул Ялмар, когда Браги закончил. Почесав нос, трактирщик потянул себя за золотистую щетину на подбородке и нахмурился. – Чему-нибудь обучены? Плотницкому делу? Строительному? Кузнечному?

Браги покачал головой.

– Так я и думал. Все, что вы умеете, – драться. Не самый безопасный способ зарабатывать на жизнь. А тут у вас выбор небольшой – мы уже пятнадцать лет живем в мире. В моем деле от вас мало толку – слишком вы заметны. Телохранителей из вас тоже не выйдет – слишком мало опыта. Вот что, дайте мне подумать пару дней, а вы пока поселитесь наверху. Постарайтесь особо не попадаться на глаза. Я поставлю всех в известность, что вы под моей защитой, но это не помешает какому-нибудь пьянице вас прирезать или полиции – вломиться сюда с вопросом, почему я даю кров тролледингцам.

Браги и Хаакен согласились – все равно им ничего больше не оставалось.

Они провели в «Красном олене» неделю. Ялмар рассказывал им про Рагнара то, чего они никогда не слышали дома. Итаскиец оказался вполне приятным в общении, хотя и вел себя как истинный тиран, когда заставлял их учить его язык.

Ночами Ялмара посещали странные крепкие люди, хотя он упрямо отрицал это. В конце концов до Браги дошло, что Ялмар тоже им полностью не доверяет.

– Что насчет тех амулета, карты и кинжала? – спросил Браги однажды ночью.

Ялмар приложил палец к губам и проверил, закрыты ли все окна и двери.

– Именно из-за них я и в долгу перед вашим отцом. Если бы мне пришлось бежать, я точно знал, что он снабдит меня необходимыми средствами. А теперь забудь об этом. Братство может быть недовольно. Во Внутреннем кругу есть своя честь. И они боятся дружбы. А мы с твоим отцом были друзьями.

По прошествии нескольких дней он сказал обоим:

– Мне очень жаль, но для вас тут ничего не найдется. Я бы посоветовал отправиться на юг. Попытайтесь вступить в Гильдию наемников. Высокий Утес набирает новобранцев.

– Мне надоело бездельничать, Браги, – проворчал Хаакен на следующий день. – Что будем делать?

Браги дотронулся до медальона матери:

– Остается еще Хеллин-Даймиель. Я поговорю с Ялмаром.

– У меня есть для вас работа – охранять караван, который уходит завтра, – объявил на следующее утро Ялмар. – Заодно можете и оказать мне услугу. С караваном будет путешествовать человек по имени Магноло, который кое-что перевозит для меня. Я ему не доверяю. Последите за ним. – Он добавил некоторые подробности. – Если он попытается передать посылку кому-то, кроме Ставроса, – убейте его.

Браги мрачно кивнул.

– Браги? – спросил Хаакен.

– Гм? – Браги пошевелил угли в костре.

– Все-таки жаль, что мы прикончили этого самого Магноло.

Человек, следить за которым послал их Ялмар, доставил посылку из Итаскии в дом в самом роскошном квартале Хеллин-Даймиеля. Движимые стремлением исполнить данное им поручение, юноши не только разделались с Магноло, но также ранили господина, к которому тот явился, и убили телохранителя. Ошеломленные и охваченные паникой, они бежали из города.

– Есть хочу, – пожаловался Хаакен.

– Похоже, эти края не особо изобилуют дичью.

Они разбили лагерь на каменистом холме в восьми милях к северо-востоку от Хеллин-Даймиеля. Хеллин-Даймиель был старым городом, и земля в его окрестностях возделывалась в течение многих веков. Мелкую дичь, особенно сельских вредителей, давно истребили. Юношам уже три дня приходилось питаться одной рыбой, да и ее не так-то легко было добыть в оросительных каналах.

– Что будем делать? – Голос Хаакена звучал слегка испуганно, но Браги ничего не сказал брату – ему самому было страшно.

Они оказались предоставлены самим себе в чужой, безразличной стране.

– Не знаю. Правда не знаю.

– У нас не такой уж большой выбор.

– Знаю.

– Мы не можем тут больше оставаться – не только потому, что умрем с голоду, но и потому, что мы тролледингцы.

– Угу, знаю.

Им уже пришлось пережить несколько стычек – тролледингцы не пользовались популярностью нигде у побережья.

– Можем попробовать записаться в Гильдию наемников.

– Что-то мне это не по душе – постоянно маршировать и говорить: «Да, сэр, нет, сэр, с вашего позволения, сэр». Вряд ли я выдержу. Рано или поздно врежу кому-нибудь по сопатке, и меня повесят.

– А на мой взгляд – не так уж плохо. Можно попытаться. Говорят, если там не понравится, всегда можно уйти. Не то что вступить в регулярную армию.

– Может быть. Ладно... я все же предпочел бы что-нибудь другое.

Браги поднялся, подошел к большому валуну и оперся на него, глядя на окружающую Хеллин-Даймиель равнину. Даже ночью заметно было, насколько тщательно всё планируют здешние своеобразные люди. Огни деревень, где жили сельчане, светили, словно в ячейках сети ухоженных дорог и оросительных каналов, более отчетливо различимой днем. Сам город казался галактикой на их фоне.

Где-то внизу слышались жалобные стоны козодоя. Издали ему ответил другой. Легкий ветерок доносил запах посевов, которым оставалось несколько недель, чтобы созреть.

Огни гасли один за другим, пока Браги не оказался наедине с темнотой и звездами, образовавшими гигантский серебристый пояс над головой. Одна вдруг сорвалась и устремилась вниз, в сторону Хеллин-Даймиеля. Браги пожал плечами – предзнаменование есть предзнаменование. Вернувшись к тлеющим углям, он сел напротив брата, который, казалось, спал сидя.

– Интересно, где сейчас мама? – тихо проговорил тот.

Хаакен вдруг затрясся всем телом, и на мгновение Браги испугался, что с ним случилась беда. Хаакен был из тех, кто мог не сказать ни слова, даже если бы смертельно заболел. Но тревога оказалась недолгой – костер давал достаточно света, чтобы можно было увидеть стекающие по щекам Хаакена слезы.

Браги промолчал – он тоже тосковал по дому.

– Она дала мне этот медальон, – после некоторой паузы заметил он. – И сказала, что мы должны отнести его каким-то людям в Хеллин-Даймиеле. В дом Бастаноса.

– Это не люди. Это то, что называют банком. Где богатые одалживают деньги.

– Гм? – Браги на мгновение задумался. – Но ведь им кто-то заведует? Может, именно это она и имела в виду? В любом случае можно выяснить, прежде чем пробовать с Гильдией.

– Нет. Там, внизу, чересчур горячо. Нас повесят. К тому же вряд ли мама хотела, чтобы мы туда шли. Разве что если нам и впрямь некуда будет деваться.

– Там уже наверняка все успокоилось.

– Ты сам себя обманываешь, Браги. Я бы все же попробовал Гильдию.

– Тебя пугает Хеллин-Даймиель?

Браги самому было страшно. Город был слишком огромен, слишком чужд, слишком опасен.

– Да, и честно в том признаюсь. Он слишком... другой. Запросто можно ввязаться в какую-нибудь историю, не зная, что к чему. Потому я и выступаю за Гильдию.

Браги понял, что Хаакен прав. Гильдия могла обеспечить им безопасность на то время, пока они не узнают поближе обычаи южан.

Он дотронулся до подарка матери, подавив в душе тоску по дому, и, поколебавшись, объявил:

– Дождемся утра. А потом решим.

Спал он плохо.

7

Вади-эль-Куф

Эль-Мюрид расхаживал по Себиль-эль-Селибу, словно тигр в клетке. Неужели этому заточению не будет конца? Неужели злодей Юсиф так и не дрогнет? Если верить советникам, пустыня была на его стороне. Насеф заявлял, что ему достаточно топнуть ногой и тут же явятся двадцать тысяч воинов.

Тогда почему же Царство Мира все еще простирается не дальше его взгляда? Подобно самому Всевышнему, он терял терпение. Напряжение нарастало в течение многих месяцев. Эль-Мюрид становился все раздраженнее, и все больше росли подозрения в отношении Насефа и его банды самопровозглашенных генералов. Он никому об этом не говорил, даже Мерьем, но ему казалось, будто Насеф держит его здесь преднамеренно, отгораживая от народа. И он не мог понять, зачем это нужно Насефу.

Иногда он брал с собой на прогулку сына или дочь, объясняя им чудеса Господних творений. Вопреки возражениям Насефа, он велел привести нескольких ученых, чтобы те объясняли не столь очевидные тайны природы. И он также начал учиться читать и писать, чтобы провозглашать написанные собственной рукой законы.

Но обычно он бродил один, в сопровождении лишь Непобедимых. Без Непобедимых было не обойтись – приспешники зла уже десятки раз пытались его убить. Порой казалось, будто на стороне врагов больше людей, чем на его собственной.

Он приветствовал каждого солдата по имени, разглядывая растущий казарменный городок или расположившиеся на склонах холмов овощные грядки. Войско поглощало всю доступную часть равнины. Грядки не могли полностью обеспечить его провизией, но во многом помогали – каждый выращенный здесь овощ означал, что одним меньше придется покупать на побережье и доставлять через ущелье. А работа в поле не давала людям бездельничать, поддаваясь искушению зла.

В день, когда Эль-Мюрид решил покончить с заточением, лил дождь – не из тех приятных дождей, что приносят избавление от жары, но жестокий ливень, способный сломить душу с той же легкостью, как он ломал ветви деревьев и стебли травы. Дождь прошел, но оставил после себя хмурое серое небо и столь же хмурое настроение, грозившее перерасти в весьма дурное.

Он позвал к себе капитанов Непобедимых.

Его охрана теперь состояла из трех тысяч человек, превратившись в личное войско, независимое от того, которым командовал Насеф. Молчаливые и по большей части безымянные, они образовывали абсолютно преданное ему и полностью неподкупное братство. За прошед-

ший год они самостоятельно провели в пустыне несколько операций. В отличие от солдат Насефа, они не бросались атаковать и грабить роялистов. Они приходили на преимущественно дружественные территории и оставались там, беря на себя как административные, так и оборонительные задачи. Они говорили от имени Всевышнего, но сдерживали энтузиазм, обращая в свою веру собственным примером. Местных роялистов они не трогали, пока те вели себя мирно и занимались своими делами. Занятые ими территории в основном не омрачались раздорами. Несколько раз у них даже случались стычки с людьми Насефа, поскольку они никому не позволяли нарушать царящее на их землях спокойствие.

– Вернулся ли мой брат, Бич Господень? – спросил Эль-Мюрид, когда собрались все командиры.

– Прошлой ночью, Ученик.

– Он не пришел увидеться со мной. Приведите его.

Через полминуты после того, как посланник ушел, Ученик насмешливо добавил:

– Я был бы крайне признателен, если бы кто-нибудь одолжил мне кинжал-убийцу харишей. – Хотя Эль-Мюрид знал главных членов культа и некоторые стояли сейчас перед ним, он позволял им хранить свои тайны. Для него эти люди были крайне полезны. – Оставим его здесь как напоминание о том, в чьих руках в конечном счете находится власть.

Зал для аудиенций Эль-Мюрида, где стоял Малахитовый трон, подавлял размерами. Просители вынуждены были подниматься на некое подобие трибун и ждать своей очереди, прежде чем им дозволялось высказать просьбу вместе с аргументами в ее пользу. К двадцати двум годам, пройдя через личный ад нерешительности и сомнений, Эль-Мюрид стал жестким волевым диктатором, не терпевшим любого неповиновения. Мужчины и женщины Себиль-эль-Селиба жили в соответствии с буквой его законов.

Меньше чем через две минуты Непобедимый положил кинжал-убийцу на полку рядом с главной трибуной для просителей. Одобрительно улыбнувшись, Эль-Мюрид посоветовал чуть подвинуть клинок, чтобы его не было видно с Малихитового трона.

Они ждали.

В зал угрюмо вошел Насеф, плотно сжав бледные губы. Его сопровождал Непобедимый с надменной усмешкой на устах. Эль-Мюрид догадался, что они поспорили и Насеф был вынужден уступить.

Насеф приблизился к главной трибуне. Он был настолько зол, что даже не огляделся вокруг. Эль-Мюрид, словно наяву, видел собиравшиеся в его голове тучи. А потом Насеф заметил неподвижно стоявших в тени Непобедимых, и часть его гнева и высокомерия тут же улетучилась.

– Твой генерал к твоим услугам, мой повелитель Ученик.

Уверенность в себе еще больше оставила Насефа, когда он увидел кинжал-убийцу. Кажется, тот нес в себе некое личное послание от культа харишей, неизвестное даже самому Эль-Мюриду.

Между Насефом и Непобедимыми шла тихая борьба за власть. Эль-Мюрид, вовсе не будучи столь невежественным, как полагали некоторые его последователи, знал о ней и надеялся использовать ее, чтобы подавить стремление Насефа к независимости. Порой ему казалось, что шурин пытается создать собственную империю. Больше же всего Эль-Мюриду хотелось найти рычаг воздействия на Насефа, который позволил бы ему вырваться за пределы Себиль-эль-Селиба. Жизни в заточении он больше выносить не мог.

Однако он не стал упоминать о настоящих поводах для недовольства, которые давал ему военный генерал.

– Бич Господень, ты хвастался, будто можешь одним лишь словом собрать двадцать тысяч воинов?

– Именно так, о Просвещенный.

Эль-Мюрид с трудом подавил усмешку. Насеф преувеличивал, и ему предстояло за это поплатиться.

– Скажи свое слово, генерал. Собери своих воинов. Я решил двинуть войска на Аль-Ремиш.

Насеф помедлил, глядя на Непобедимых, но не нашел в их взгляде ни капли сочувствия. Это были преданные псы Эль-Мюрида, готовые исполнить любой его приказ. Он посмотрел на кинжал, затем на Эль-Мюрида:

– Как прикажешь, мой повелитель Ученик. Я сейчас же разошлю известие о призыве. – Он прикусил губу.

Эль-Мюрид слегка удивился – он не ожидал, что Насеф столь легко согласится.

– Тогда иди. Уверен, у тебя будет много работы. Я хочу начать как можно раньше.

– Воистину, о Просвещенный. Прежде чем двинуть войска на Аль-Ремиш, нужно основательно подготовиться. Пустыня недружелюбна к солдатам.

– Она – творение зла и, естественно, служит ему. Но ее можно победить, так же как и само зло.

Насеф молча поклонился и вышел.

Эль-Мюрид не упускал его из виду. Не все Непобедимые носили белые одежды и служили в отрядах. Некоторые оставались тайными членами братства, исполняя роль шпионов для командиров.

Насеф сдержал слово. Он послал гонцов и собрал капитанов, которые тут же занялись решением проблем, связанных с переходом большого войска через пустыню. Удовлетворенный, Эль-Мюрид почти о нем забыл.

Затем ему удалось провести редкий вечер в кругу семьи.

Личная жизнь Ученика потрясла бы консервативных Непобедимых. Но Эль-Мюрида многому научила попытка убедить Мерьем свидетельствовать в его пользу на суде. Их союз был союзом равных, но они скрывали его за закрытыми дверями. Он обустроил себе роскошные покои в Новом замке. В них даже имелся большой бассейн для отдыха и купания, хотя во время осады он должен был играть роль резервуара для воды.

Мерьем встретила его с радостной улыбкой, столь многое для него значившей.

– Я боялась, что тебя задержат.

– Только не сегодня. Сегодня ты нужна мне куда больше, чем я им. – Он закрыл дверь и поцеловал жену. – Ты терпеливая женщина. Просто чудо. Ты так изменилась после Эль-Аквилы...

– Нас меняют мужчины, – улыбнулась она. – Идем. Сегодня не будет никого, кроме нашей семьи. Я даже сама готовлю ужин, чтобы обойтись без посторонних.

Он прошел за ней в следующую комнату – и замер.

С их сыном Сиди и все еще безымянной девочкой сидел Насеф, рассказывая им пугающую пустынную историю. Эль-Мюрид недовольно поджал губы, но, не говоря ни слова, расположился на подушке. Насеф был братом Мерьем, и дети его любили, особенно девочка. Иногда она выбиралась из дому и следовала за дядей по всей долине, не в силах поверить, что через нее до отца могут добраться враги.

– Придется немного подождать, – сказала Мерьем. – Почему бы тебе не расслабиться в бассейне? У тебя всю неделю не было такой возможности.

– Я тоже хочу! – крикнул Сиди.

– У тебя отрастет чешуя, как у рыбы, если будешь столько времени проводить в воде, – рассмеялся Эль-Мюрид. – Ладно, идем. Насеф, когда доберемся до моря, сделаем Сиди нашим адмиралом. Его не оттащить от воды.

Насеф встал:

– Пойду тоже с вами. Моя старая шкура грязна уже два месяца. Сиди, у меня для тебя есть дело – научи меня плавать. Возможно, мне это понадобится, раз уж твой отец собрался взять нас на море.

– А я? – требовательно спросила девочка.

Она терпеть не могла воду, но ей не хотелось терять из виду дядю. Отцу она напоминала собственную мать в детстве.

– Ты девочка, – сказал Сиди таким тоном, будто это было достаточным поводом, чтобы заковать ее в колодки, не говоря уже о том, чтобы запретить купание.

– Можешь растаять, сахарок, – улыбнулся отец. – Идемте, мужчины.

Лежа в прохладной воде, он наслаждался так, как не получалось даже в объятиях Мерьем. Он расслаблялся целых полчаса, пока Сиди и Насеф визжали, плескались, смеялись и топили друг друга.

– Ладно, Насеф, – наконец сказал Эль-Мюрид. – Пора.

Шурин не стал делать вид, будто не понял. Он подтолкнул Сиди к краю бассейна:

– Пора вылезать. Обсушись, оденься и иди помоги маме.

– Почему меня каждый раз гонят, когда кто-то хочет поговорить?

– Слушай его, сын, – сказал Эль-Мюрид. – И вытрись как следует, прежде чем одеваться.

– Я начинаю жалеть, что так и не женился, – вздохнул Насеф, когда Сиди ушел. – Мне не хватает своих детей.

– Ты не так уж стар.

– Да. Но у меня неподходящая работа. Взять жену – значит слишком искушать судьбу. Фуад захватил бы меня в плен в первом же сражении.

– Может, ты и прав. Возможно, солдату не следует жениться. Слишком тяжело для всей семьи.

– Мы одни, – помолчав, сказал Насеф. – Никто нас не услышит, и мы никого не оскорбим своими словами. Можем мы поговорить как братья? Как те двое, что вместе выехали из Эль-Аквила и сражались бок о бок в пустыне? Просто как Насеф и Мика, у которых слишком много общего, чтобы ссориться?

– Сегодня мы в кругу семьи. Постарайся не касаться других тем.

– Хорошо. Ты женился на моей сестре, единственном моем друге в этом мире. Я твой брат. И меня мучает тревога. Мы беремся за предприятие, заранее обреченное на провал. Брат мой, говорю из любви к тебе, и никак иначе: мы не можем захватить Аль-Ремиш. Пока не можем.

Эль-Мюрид подавил гнев. Насеф следовал своим принципам, и ему следовало поступать так же.

– Не понимаю – почему? Я смотрю и слушаю. Я вижу проходящие через Себиль-эль-Селиб войска. Я слышу, что мы можем призвать под наши знамена орду. Мне говорят, что большая часть пустыни на нашей стороне.

– Совершенно верно. Хотя я не могу утверждать, какая часть пустыни на нашей стороне. Думаю, больше, чем на стороне врага. Но пустыня велика, и большинству людей попросту все равно. Все, чего они на самом деле хотят, – чтобы и мы, и роялисты оставили их в покое.

– Тогда почему ты настаиваешь на том, чтобы я не спешил? Ведь именно об этом ты хотел поговорить? И напомню твои собственные слова: мы одни. Можешь быть со мной сколько угодно откровенным.

– Ладно. Попросту говоря, двадцать тысяч воинов еще не становятся армией, собравшись в одном месте. Мои войска лишь начинают образовывать единое целое. Мои люди не привыкли действовать большими группами, как и Непобедимые. А жители тех территорий, которые давно уже под нашей властью, утратили боевой дух. Более того, среди нас нет никого, включая меня, с опытом командования большим войском.

– Ты утверждаешь, что мы потерпим поражение?

– Нет. Я лишь хочу сказать, что мы рискуем его потерпеть и что с каждым днем, пока мы не вступаем в бой на условиях противника, риск этот становится все меньше. И ничего другого нам не остается. Противник в любом случае будет знать о нашем приближении – у них есть свои шпионы. И у них есть те, кто умеет командовать армией.

Эль-Мюрид молчал минуту, пытаясь оценить искренность Насефа, в которой вряд ли мог усомниться. Не мог он и оспорить аргументы шурина. Но и заточения в Себиль-эль-Селибе он вынести тоже не мог и не желал терпеть ни минуты больше, чем потребуются, чтобы собрать войско.

– Моя душа убеждает меня атаковать.

– Таково твое решение? Окончательное?

– Да.

Насеф вздохнул:

– В таком случае сделаю все, что смогу. Может, нам все же повезет. Но у меня есть одно предложение: когда придет время, возьми командование на себя.

Эль-Мюрид, прищурившись, взглянул на шурина.

– Не потому, что я хочу избежать ответственности за любое поражение, но потому, что воины будут яростнее сражаться за Ученика, чем за Бича Господня. И одно лишь это может решить вопрос о победе или поражении.

И снова у Эль-Мюрида возникло ощущение, что Насеф говорит искренне.

– Что ж, пусть будет так. Пойдем посмотрим, готов ли у Мерьем ужин.

Семейный ужин прошел в молчании. В душе Эль-Мюрида боролись противоречивые чувства в отношении Насефа. Как всегда, Насефа сложно было поймать на слове. Насеф возражал ему не больше, чем мог бы любой человек с чистой совестью. Неужели Эль-Мюрид неверно оценил шурина и доходившие до него сведения исказились в восприятии Непобедимых?

По мере того как дни сменялись неделями, его раздражение росло все больше. Численность войска увеличивалась, но крайне медленно. Советники часто напоминали, что его последователям приходилось проделывать немалый путь, часто подвергаясь преследованиям со стороны роялистов. А приближаясь к Себиль-эль-Селибу, они вынуждены были вступать в сражения с патрулями Юсифа.

Но в конце концов наступило утро, когда он смог поцеловать Мерьем на прощание и сказать, что в следующий раз они встретятся в Святейших храмах Мразкима.

На призыв Насефа откликнулись больше двадцати тысяч человек. Их палатки стояли повсюду. Себиль-эль-Селиб напоминал Эль-Мюриду Аль-Ремиш во время Дишархуна.

Люди Юсифа никак себя не проявляли в течение девяти дней, прекратив препятствовать приходу воинов. Насеф говорил всем, кто готов был слушать, что ему это не нравится и наверняка у валига что-то припрятано в рукаве. А потом пришло известие, что Юсиф собрал всех, кого мог, около пяти тысяч человек, и расположился в оазисе возле Вади-эль-Куфа. Соседи одолжили ему еще две тысячи бойцов.

– Придется сражаться с ним там, – сказал Насеф Эль-Мюриду. – Выбора у нас нет. Нам не добраться до Аль-Ремиша, не запасшись водой в оазисе. Именно этого он ждал все годы – возможности втянуть нас в обычную битву. Похоже, ему настолько этого хочется, что его даже не волнует численное превосходство противника.

– Что ж, пусть получает то, чего хочет. Избавимся от него раз и навсегда.

Насеф часто оказывался прав, но он совершил ошибку, призвав всех сторонников Эль-Мюрида и тем самым лишившись разведчиков в пустыне. Они с Эль-Мюридом не могли узнать истинного положения дел у Юсифа, пока не стало слишком поздно.

Насеф отобрал двадцать тысяч человек. Эль-Мюрид взял две с половиной тысячи Непобедимых. Они оставили достаточно войска для обороны ущелья в их отсутствие.

Было утро, много дней спустя после того, как они отправились в путь. Солнце висело низко над горизонтом. Войско двигалось в сторону оазиса возле Вади-эль-Куфа – широкой долины в полутора милях к востоку от оазиса, заполненной причудливыми природными образованиями. То была самая дикая и бесплодная земля во всем Хаммад-аль-Накире.

Насеф и Эль-Мюрид поставили знамя Всевышнего на невысоком холме в миле к югу от оазиса и на таком же расстоянии от вади, глядя на противника, который ждал, сидя на лошадях.

– Похоже, их не особо впечатляет наша численность, – заметил Насеф.

– Что ты предлагаешь?

– По-моему, очевидно. Оставим Непобедимых здесь, в резерве, и пошлем остальных, чтобы сокрушить врага единой волной.

– Странные тут края, Насеф. Слишком уж тихо.

Тишина действительно казалась сверхъестественной. Тридцать тысяч человек и почти столько же животных стояли лицом к лицу, но даже мухи молчали.

Эль-Мюрид бросил взгляд на вади – тенистый лес гротескных песчаниковых образований, походивших на башни, пилоны и поставленные вертикально гигантские гантели. При мысли о том, что это некая площадка для дьявольских игр, он вздрогнул.

– Мы готовы, – сказал Насеф.

– Начинаем.

Насеф повернулся к Кариму, эль-Кадеру и остальным:

– По моему сигналу.

Капитаны рысью направили коней к отрядам, которыми они командовали.

Насеф подал сигнал, и орда устремилась вперед.

Люди Юсифа ждали, не двигаясь с места и держа наготове стрелы на тетивах седельных луков.

– Что-то не так, – пробормотал Бич Господень. – Я чувствую.

– Насеф? – неуверенно спросил Эль-Мюрид. – Ты слышишь бой барабанов?

– Это стук копыт.

Но Эль-Мюрид действительно слышал барабаны.

– Насеф! – Он вскинул правую руку, словно копье.

Дьявольские сады Вади-эль-Куфа принялись извергать из себя демоническую орду.

– О господи! – простонал Насеф. – Господи, нет!

Король Абуд наконец прислушался к настойчивым увещаниям Юсифа и послал в Вади-эль-Куф принца Фарида с пятью тысячами лучших солдат пустыни. Многие были экипированы по образцу западных рыцарей. В качестве боевого командира Фарида сопровождал сэр Тури Хоквинд из Гильдии наемников, приведший тысячу собратьев, организованных по западному образцу в группы из тяжелого конника, оруженосца, двух легких и одного тяжелого пехотинца.

У Насефа еще имелось время подумать, как встретить гостей. Тяжелая конница не могла атаковать с головокружительной быстротой через милю пустыни и вверх по склону холма. А Хоквинд, несомненно, намеревался бросить в бой все силы.

– Что будем делать? – спросил Эль-Мюрид.

– Думаю, пришло время воспользоваться амулетом, – ответил Насеф. – Это единственное оружие, которое может теперь нам помочь.

Эль-Мюрид поднял руку, молча показав Насефу пустое запястье.

– Где он, дьявол тебя побери? – требовательно спросил Насеф.

– В Себиль-эль-Селибе, – тихо ответил Эль-Мюрид. – Я был настолько счастлив, что могу наконец двинуться дальше, что совсем про него забыл.

Он не носил амулет уже несколько лет, предпочитая хранить его в безопасном месте в храме.

Насеф вздохнул и устало покачал головой:

– Повелитель, выбери отряд Непобедимых и беги. Я постараюсь выиграть как можно больше времени.

– Бежать? Ты с ума сошел?

– Это сражение проиграно, повелитель. Все, что нам остается, – спасти то, что еще можно спасти. Если ты останешься, наше движение утратит всякий смысл к существованию.

– Я не вижу никакого поражения, – упрямо покачал головой Эль-Мюрид. – Лишь новые проблемы, которых мы изначально не ожидали. Мы все еще превосходим их в численности, Насеф. И в любом случае я не оставлю поле боя, пока за меня умирают другие. Они знают, что я – их командир. Что они подумают о моей отваге?

Насеф пожал плечами.

– В таком случае нам ничего не остается, кроме как умереть с честью. Предлагаю выстроить Непобедимых, чтобы встретить атаку. Интересно, что тут делает Хоквинд? – задумчиво пробормотал он, глядя на знамена противника.

– Доверься Всевышнему, Насеф. Он поддержит нас в бою. Нас больше, и он на нашей стороне. Чего нам еще нужно?

Насеф удержался от гневного ответа, помогая перестроить боевой порядок Непобедимых.

По крайней мере, в оазисе им показалось, что уверенность Эль-Мюрида имеет под собой основания. Войска Юсифа были окружены.

– Кто это – Хоквинд?

– Человек Гильдии. Возможно, лучший их генерал.

– Гильдии? – Познания Эль-Мюрида о мире за пределами Хаммад-эль-Накира были крайне скудны.

– Это братство воинов, вроде Непобедимых. Их называют Гильдией наемников. Они также в чем-то похожи на харишей, но совсем другие. Они никому не преданы, кроме как друг другу. Вероятно, они – самая могущественная военная сила на Западе после Итаскии. Но у них нет родины – лишь замок под названием Высокий Утес. Когда хмурятся их генералы, принцев пробирает дрожь. Порой хватает лишь одного их решения сражаться на чьей-то стороне, чтобы война прекратилась, не успев начаться.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я плачу другим, чтобы они узнавали для меня разные вещи. У меня шпионы по всему Западу.

– Зачем?

– Затем, что когда-нибудь тебе захочется отправиться и туда, и я готовлю путь. Но все это не будет иметь значения, если мы не выберемся отсюда живыми.

Войско Хоквинда уже было совсем близко и двигалось быстрее. Никто из Непобедимых не видел прежде рыцарей – они не понимали, с чем столкнулись, и в недостаточной степени его боялись. Когда повелитель дал сигнал, они бросились в атаку, веря во Всевышнего и собственное название.

Хоквинд двинулся еще быстрее.

Длинные копья и тяжелая конница обрушились на Непобедимых подобно каменной стене. Роялисты прокатились по ним, сокрушая, а десять минут спустя развернулись и перестроились для атаки на тылы осаждавшей Юсифа орды.

Ни Насеф, ни Эль-Мюрид не произнесли ни слова. Все оказалось даже хуже, чем ожидал Насеф. Валигу Эль-Асвада сперва было не позавидовать, но, как только пришла помощь, сражение превратилось в резню мятежников.

Хоквинд выстроил стену пехоты между собой и остатками Непобедимых и еще легкую конницу, между собой и оазисом, с развернутыми флангами. А затем он начал посылать в бой бронированных всадников. Атака. Схватка. Отступление. Перестроение. Атака.

Эль-Мюрид был слишком упрям, чтобы признать реальное положение дел. Войска Насефа, оказавшиеся в дьявольском котле, пребывали в полном замешательстве, не понимая, что происходит.

Хоквинд занялся их систематическим истреблением.

В какой-то миг Насеф разрыдался.

– Мой повелитель, – умоляюще проговорил он, – позволь, я пойду туда. Попробую проваться.

– Мы не можем проиграть, – пробормотал в ответ Эль-Мюрид, скорее самому себе, чем генералу. – Численность на нашей стороне. С нами Всевышний.

Насеф тихо выругался.

Солнце клонилось к западу. Хоквинд развернул фланги, замкнув окружение, на которое беспорядочно наталкивались воины Насефа, словно мухи на стенки бутылки. Круг все больше сжимался, бросая вызов Эль-Мюриду и потрепанным Непобедимым. Люди валига выходили из котла, становясь частью круга.

Некоторые солдаты Насефа пытались сдаться, но принц Фарид приказал не брать пленных.

– Они лишили нас последнего выбора, – простонал Насеф. – Придется бросить в бой эти жалкие несколько сотен, чтобы дать остальным возможность спастись.

– Насеф?

– Что? – В голосе Бича Господня слышались одновременно тоска и гнев.

– Извини. Я ошибся, выбрав неудачное время. Я слушал себя, а не глас Господа. Бери командование на себя и постарайся спасти все, что еще можно. О Всемогущий, прости мне мое высокомерие. Прости мне мое тщеславие.

– Нет.

– Что? Почему?

– Я скажу тебе, что делать, но командовать будешь ты. Не время проявлять слабость. Сохрани хоть немного уважения к себе, и мы всегда сможем сказать, что нас обманули, что зло ослепило нас.

– Насеф! Конечно же, ты прав. Что нам нужно делать?

Пятнадцать минут спустя оставшиеся в живых Непобедимые обрушились на круг Хоквинда. Но нанесли удар не в центр, но по касательной, стремясь проделать в нем как можно более широкую дыру, через которую устремились воины Насефа.

Эль-Мюрид и его шурины возглавили атаку. Эль-Мюрид беспорядочно размахивал мечом. Лязг оружия, ржание лошадей и крики людей сводили с ума. Пыль набивалась в горло и жгла глаза. На его коня налетела какая-то лошадь, едва не выбив из седла. Удар меча, частично отраженный Насефом, рассек его левую руку, оставив неглубокую кровоточащую рану. На мгновение он удивился, что не сразу почувствовал боль.

Насеф сражался, словно выпущенный из преисподней боевой джинн. Непобедимые прилагали отчаянные усилия, чтобы защитить своего пророка, но...

– Отдай приказ бежать! – крикнул Насеф. – В вади! Мы можем затеряться среди камней!

Большинство людей Насефа уже вырвались из круга, который теперь сжимался вокруг Эль-Мюрида и Бича Господня.

Эль-Мюрид поколебался.

С безоблачного неба обрушился беспорядочный град стрел, одна воткнулась в глаз его коня. Тот заржал и встал на дыбы, вышвырнув Эль-Мюрида из седла. Земля устремилась ему навстречу, ударив, подобно летящему валуну. Чья-то лошадь наступила на правую руку, и он услышал на фоне собственного крика треск ломающейся кости. Попытавшись встать, он встретился взглядом с пехотинцем Гильдии, который спокойно пробирался через царящий вокруг хаос, разбивая головы раненым Непобедимым боевым молотом.

– Мика! – закричал Насеф. – Вставай! Хватайся за мою ногу! – Эль-Мюрид нашел в себе волю и силы подняться. Насеф двинулся прочь от побоища. – Держись крепче!

Позади них еще одна сотня Непобедимых отдала жизни, чтобы дать ему уйти.

Добравшись до вади, Насеф прыгнул с коня и схватил Эль-Мюрида за руку:

– Идем! Нам нужно исчезнуть, пока они не перестроили ряды!

По мере того как они углублялись в гротескную дикую местность, звуки сражения становились все тише. Эль-Мюрид не знал, что тому виной – расстояние или окончательное поражение, – но опасался худшего. Они держались мест, где не могли пройти лошади. Противнику пришлось бы преследовать их пешком, поставь он себе такую цель.

Почти стемнело, когда Насеф обнаружил лисью нору. Там уже теснились двое тяжело раненных воинов, но и для них нашлось место. Насеф постарался избавиться от всех следов, которые могли остаться снаружи.

Вскоре появились первые охотники. Они спешили, преследуя убегающую дичь. В течение последующих часов их миновали еще несколько групп преследователей. По всему вади эхом отдавались крики и лязг металла.

Когда вновь наступала тишина, Насеф пытался помочь двоим воинам, хотя не рассчитывал, что кто-то из них выживет. В конце концов решив, что преследование закончилось, он занялся рукой Эль-Мюрида. Перелом оказался не столь опасным, как могло сперва показаться, – кость переломилась чисто, без обломков.

Была уже полночь, когда боль ослабла настолько, что Эль-Мюрид нашел в себе силы спросить:

– Что нам теперь делать, Насеф?

Голос его звучал слабо, голова кружилась от опиума, который дал ему шурин.

– Начнем сначала. Построим все заново, с нуля. Спешить не будем, – по крайней мере, нам теперь не нужно снова захватывать Себиль-эль-Селиб.

– А сможем?

– Конечно. Мы проиграли одно сражение, только и всего. Мы молоды, время и Господь на нашей стороне. Тихо!

Насеф лежал у самого входа в нору, закрывая остальных своим телом и темной одеждой. Среди камней мерцал свет факелов, за которым следовали люди.

– Я устал, – пожаловался один. – Сколько еще это будет продолжаться?

– Пока мы их не найдем, – ответил другой. – Они где-то тут, и я не намерен их упускать.

Насеф узнал голос второго – он принадлежал упрямому брату валига, Фуаду. И он был полон ненависти.

Один раненый выбрал как раз эту минуту, чтобы умереть. Его товарищ быстро заглушил предсмертный хрип краем одежды.

– Почему ты не взял с собой этот проклятый амулет? – раздраженно бросил Насеф, когда опасность миновала. – Все могло быть совсем иначе.

Из-за боли Ученик едва его слышал.

– Я оказался дураком, – проскрежетал он сквозь зубы. – Ангел дал мне его именно ради такого дня. Почему ты ничего не сказал, когда мы уходили? Ты же знал, что я храню его в храме.

– Просто не подумал. Да и с чего бы? Это же не моя вещь. Мы с тобой оказались парой полных идиотов, брат. И похоже, нам дорого придется заплатить за свой идиотизм.

Дьявол Фуад не сдавался еще четыре дня. Не проходило и минуты, чтобы в пределах слышимости от их норы не появлялся какой-нибудь охотник-роялист. Прежде чем их мучения закончились, Насефу и Эль-Мюриду пришлось пить собственную мочу в могиле, которую они делили с двумя разлагающимися трупами. Из-за ядов в моче им стало настолько плохо, что уже не осталось сомнений: они всего лишь променяли быструю смерть на медленную.

8

Непоколебимая твердыня

– В Себиль-эль-Селибе великое празднество! – прорычал покрытый толстым слоем дорожной пыли Фуад, направляясь к Юсифу, Радетику и капитанам валига. – Насеф и Ученик вернулись. Они выжили.

Жилы на шее Юсифа вздулись, лицо помрачнело. Медленно поднявшись, он неожиданно швырнул свое блюдо через всю комнату.

– Проклятье! – взревел он. – Будь проклят этот дурак Абуд! Когда они наконец захватят Аль-Ремиш и задушат его, надеюсь, я буду рядом, чтобы рассмеяться в его придурочное лицо.

Вади-эль-Куф являлся границей, до которой простиралась королевская помощь. Никакие слова и поступки Юсифа не убедили принца Фарида нарушить отданный ему приказ и двинуть войска дальше. Возможность вернуть Себиль-эль-Селиб имела, но Фарид лишь тешил себя мыслью, что Эль-Мюрид и Насеф наверняка мертвы, и этого было ему вполне достаточно.

Отец Фарида был стар, толст и не слишком умен. Он любил уют, не смотрел дальше завтрашнего дня и не желал, чтобы его сын впустую тратил деньги или чьи-то жизни. Когда-то Абуд был прославленным воином и капитаном, изгнавшим троенцев со спорных территорий вдоль северного края восточного побережья. Но это было давно. Время, старый предатель, лишает силы и прыти всех мужчин, делая их менее склонными к риску.

– Хвала Господу за Фарида, – вздохнул Юсиф, постепенно успокаиваясь. – Никто больше не мог оказать нам помощь, в которой мы так нуждались в Вади-эль-Куфе. Мегелин? Что дальше?

– Возвращаемся на несколько лет назад и продолжаем.

– То же самое?

– То же самое. И не рассчитывай, что они снова совершат ошибку. Они уже один раз ошиблись и сумели остаться в живых. Эль-Мюрид усвоит урок наизусть. Теперь он станет слушать Насефа.

Из Вади-эль-Куфа удалось уйти почти восьми тысячам людей Насефа. Теперь они вернулись в пустыню, ошеломленные, но готовые вновь выступить в бой.

– Нам следовало атаковать Себиль-эль-Селиб, пока они еще не восстановились, – проворчал Юсиф. – Наносить удар за ударом, пока они бы не сдались. Никого из их предводителей там не было.

– Нанести удар? Чем? – язвительно спросил Фуад. – Нам еще повезло, что они не стали нас преследовать.

Войска Юсифа были основательно потрепаны и измотаны. Возвращение домой обернулось для них самой сложной задачей.

– А они стали бы, если бы кто-то подсказал им, что делать, – добавил Фуад.

Гнев Юсифа полностью прошел – от правды было никуда не деться. Годы взяли свою дань, и Эль-Асвад приближался к своему пределу. Юсиф делал все, что мог, но этого было недостаточно. После Вади-эль-Куфа стало ясно, что все катится под уклон. Последней его надеждой была гибель Эль-Мюрида и его генералов, но Фуад принес известие о последних пропавших без вести предводителях – все они оказались живы. Ад Вади-эль-Куфа поглотил лишь тех, кто не был незаменим.

– Мегелин, – сказал Юсиф, – что бы ты стал делать на месте противника?

– Не знаю, валиг. Говорят, Насеф мстителен. Вряд ли нас оставят в покое. Что касается всего остального – с тем же успехом можно читать по овечьим потрохам.

Юсиф несколько минут молчал.

– Я намерен снова уступить инициативу, – наконец сказал он. – Будем и дальше посылать патрули и устраивать засады, но по большей части избегать столкновений. Сосредоточимся на том, чтобы выжить. Постараемся заманить их в изнурительную осаду Восточной крепости. Абуд стар и страдает подагрой. Он не может жить вечно. Я говорил с Фаридом – он на нашей стороне, и он не намерен вести столь сидячий образ жизни. Он понимает, что к чему, и даст нам все необходимое, если наденет корону.

Но ни судьба, ни Насеф не оказались благосклонными к желаниям Юсифа. В течение года после Вади-эль-Куфа люди Юсифа редко видели своих врагов. Их не удавалось даже специально выследить – Насеф, похоже, забыл о существовании Эль-Асвада. За исключением охраняемой зоны сразу перед входом в Себиль-эль-Селиб, в валигате царили мир и безопасность.

Подобное спокойствие сводило Юсифа и Фуада с ума, внушая им постоянную тревогу. Что оно могло означать?

Гарун и Радетик впервые за два года отправились в полевую экспедицию. Мегелину хотелось поискать редкие дикорастущие цветы. Поиски привели их в каньон, который, извиваясь, уходил далеко вглубь Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени. Гарун опасался потревожить потаенных и пытался скрыть тревогу за несвойственной ему разговорчивостью, пробуя убедить Радетика пролить свет на поведение врага.

– Я не знаю, Гарун, – в конце концов раздраженно проворчал Радетик. – В нынешнее время меч правит словом. А Насеф – сам по себе большая загадка. Я не могу предположить, какими мотивами он руководствуется, не говоря уже о том, чтобы предсказать его поступки. Сегодня он выглядит самым преданным последователем Эль-Мюрида, завтра – грабющим пустыню бандитом, а послезавтра – человеком, тайно строящим собственную империю. Все, что я могу сказать, – нам остается лишь ждать. Когда-нибудь все станет до боли ясно.

Спокойную зиму уже омрачила неприятная новость: Эль-Мюрид назначил Насефа командиром Непобедимых на пять лет. Шпионы сообщали, что Бич Господень тотчас же устроил среди них чистку, перестраивая личную охрану по своему разумению.

Судя по всему, меч теперь полностью властвовал над словом.

Планы кампании Насефа стали менее туманными, когда Гарун и Радетик вернулись в Эль-Асвад. Им даже не дали возможности отдохнуть после тягот пути – стражники сразу отправили их к валигу.

– Что ж, он наконец сделал ход, Мегелин, – объявил Юсиф. – Он выложил карты на стол. И подобного от него меньше всего стоило ожидать.

Радетик осторожно опустился на подушку:

– Что он сделал?

– Со всем тем войском, которое он собирал? Которое росло столь быстро, что наши шпионы предполагали, что этим летом он ударит по нам? Он повел его в атаку на Восток.

– На Восток? Но...

– Сук-эль-Арба уже пала. Сейчас он осаждает Эс-Суанну. Его всадники добрались до Рас-аль-Джана. Сук-эль-Арба не сопротивлялась – они послали ему навстречу приветственную делегацию. Как сообщают шпионы, наши собратья на побережье сбивают друг друга с ног, страстно желая к нему присоединиться. Он обещает всем добычу из Аль-Ремиша и внутренних провинций.

– Иными словами, Восток решил связать свое будущее с Эль-Мюридом?

– У него было достаточно времени, чтобы проповедовать среди тамошних жителей и договариваться с ними. Абуд мало что сделал, чтобы сохранить их лояльность. Собственно, я лишь жду, когда Троес полностью нас отвержет.

Единственным путем, связывавшим Аль-Ремиш с его сторонниками на Востоке, было то же самое узкое северное ущелье, по которому пустынные торговцы попадали в Троес. И по расе, и по языку троенцы были родственны сыновьям Хаммад-аль-Накира, но не признавали ничьей власти извне со времен Падения. Их город был основан еще во времена Ильказара как морской и торговый порт. Им не приходилось сражаться уже много лет, но город продолжал заявлять права на северные территории восточного побережья. После Себиль-эль-Селиба Троес по кусочку отбирал земли, которые в молодости отвоевал Абуд. Все королевские пути теперь вели через края, патрулируемые недружественными войсками.

– Полагаю, они полностью займут проход, как только узнают, что случилось, – согласился Радетик. – Насколько сильный гарнизон оставил Насеф? Эль-Мюрид ушел с ним?

– Фуад сейчас это выясняет.

Фуад не только выяснял – он вел первую за многие годы атаку Эль-Асвада на ущелье. Доклады о его продвижении поступали каждое утро.

Гарун в очередной раз вытащил Радетика из постели:

– Идем, Мегелин! Дядя Фуад застиг их врасплох. Вставай! Отец хочет тебя видеть.

– Фуад... что? – Радетик сонно потер глаза и начал облачаться в пустынную одежду – последний его западный костюм превратился в лохмотья несколько лет назад. – Никогда не привыкну к этому женскому платью, – пробормотал он. – Может, стоило бы попросить прислать мне одежду. Хотя... тогда убийцам будет слишком легко найти свою цель.

– Идем! – торопил его Гарун. – Он застиг их врасплох. Проник через заставы и вырезал их, никто и не знал о его приближении. А потом вырезал целую кучу народу, работавшего в поле. Идем. Отец хочет знать, что, по твоему мнению, нам следует делать.

Гарун болтал не переставая, выложив большую часть новостей, прежде чем они с Радетиком нашли валига на парапете башни на северной стене. Юсиф смотрел на север, в сторону Себиль-эль-Селиба.

Отчасти благодаря везению, отчасти – планированию, а отчасти – хитрости Фуад обошел патрули Эль-Мюрида и вторгся в Себиль-эль-Селиб. Он убил или взял в плен сотни людей, прежде чем уцелевшие сумели запереться в двух крепостях, после чего убил и взял в плен еще сотни, поскольку охваченные паникой стражи закрыли перед ними ворота. Фуад и оставшиеся в живых смотрели друг на друга через стены замков, на штурм которых у него не было сил. Ожидая совета из дома, он уничтожал все, что мог: полагая, что Насеф скоро пришлет помощь, он не хотел ничего оставлять врагу при отступлении.

– Что, по-твоему, нам следует делать? – спросил Юсиф.

– Послать за помощью. Особенно к принцу Фариду. Объяснить положение. Сказать, что, если он поспешит, у нас появится возможность отрезать противника на побережье. Возможно, это ничем не хуже, чем убить их на месте.

– Я уже это сделал. Меня интересует, что мы можем сделать сами, пока будем ждать Фарида и Насефа?

Радетик задумался:

– Мне нужно лично взглянуть на те крепости. Возможно, я заметил бы слабое место, которое ты упустил.

Западный стиль ведения войны в значительно большей степени основывался на замках и осадах, чем стиль Хаммад-аль-Накира. Жители пустыни, оказавшись в меньшинстве, предпочитали бежать, а не прятаться в крепости. Большинство существующих укреплений относилось ко временам империи и стояли давно заброшенные.

– В таком случае можешь ко мне присоединиться. Я выступаю через час, вместе со всеми, кто способен сидеть в седле.

– Отец?

Юсиф взглянул на сына. Он знал, чего хочет мальчик, но все же спросил:

– Что, Гарун?

– Можно мне с тобой? Если Мегелин тоже пойдет?

Валиг бросил взгляд на Радетика.

– Если ты не против – я тоже, – ответил тот.

– Иди собирайся, сын.

Гарун вихрем умчался.

– Пора бы ему начать реально воспринимать мир, – заметил Радетик.

– Потому я ему и разрешил. Сегодня утром он обвинял меня, что все удовольствие достается Али. Пусть сам увидит, насколько тот рад.

– Сколько еще солдат ты можешь дать Фуаду?

– Не много. Может, сотни три.

– Вряд ли этого хватит.

– Тогда остается надеяться, что моим гонцам повезет.

Два дня спустя Мегелин впервые в жизни увидел Себиль-эль-Селиб и немало удивился. Он слышал о Себиль-эль-Селибе уже восемь лет, но сложившийся у него образ лишь отдаленно походил на реальность.

– Насколько же легко его разрушить, – сказал он Гаруну. – Понимаешь, что сделал твой дядя? За несколько дней он уничтожил труды многих лет.

Поля были изрыты, террасы на склонах холмов обрушились. Люди Фуада заставляли пленных продолжать разрушения, не давая запертым в двух крепостях им помешать. Обширный казарменный городок к востоку от новой крепости Фуад пощадил, чтобы поджечь его к возвращению Насефа.

Несколько часов Радетик изучал общую картину, после чего отыскал Фуада и спросил:

– Эль-Мюрид здесь?

– Ушел вместе с Насефом проповедовать новообращенным. Хотя семью он оставил. Они в Новом замке.

Радетик взглянул на громадную крепость:

– Его нам не захватить, в отличие от старой цитадели. Но немного обстрелять можем – если найдем дерево для постройки осадных машин.

Фуад нашел дерево в казармах. Радетик собрал офицеров валига.

– Вряд ли у нас будет много времени до возвращения Насефа, – сказал он. – Но мы ничего не добьемся, если не попытаемся. – (Эти люди столь давно посвящали себя войне, что любой иной образ жизни казался им чуждым.) – Валиг хочет, чтобы мы штурмовали эти укрепления, но без особого риска. Вряд ли нам повезет с Новым замком – он более современный и хорошо укреплен, в отличие от Старого замка, который и станет нашей основной целью. Мы построим несколько осадных машин, начиная с катапульт и баллист. Прямо сейчас начнем собирать подходящие камни, дерево и прочее. Будем обстреливать стену Старого замка в нескольких ярдах левее от навесной башни – ее добавили недавно, при строительстве ослабив стену. Хотелось бы, чтобы несколько вещей происходило одновременно, особенно столь очевидных, как стро-

ительство лестниц, черепаш, таранов и осадных башен. Черепаш соорудим сию же минуту и поставим их на лугу как можно ближе к Старому замку. Используем их, чтобы скрыть подкоп, который пророем под ослабленной частью стены. Землю вынесем ночью.

Осадная стратегия Радетика требовала всех доступных рук, включая пленников Фуада. Но когда он об этом сказал, лица офицеров Юсифа помрачнели – он требовал от воинов рабского труда, что было выше их достоинства.

– Гарун, – прошептал он, глядя на недружелюбные лица, – сбегай за отцом.

Валиг их убедил.

Юсиф пришел к Мегелину три дня спустя, когда тот надзирал над исполнением своего проекта.

– Скоро ты обрушишь стену, Мегелин? У нас мало времени. Насеф наверняка уже в пути. Голос его звучал слабо, словно у смертельно уставшего человека.

– У меня проблемы – мягкая земля идет не до самого фундамента. Я веду подкоп и к Новому замку, но ни на что особо не рассчитываю. Эти стены строили жители Запада, что можно понять по выступу у основания.

– Что?

– По тому, как они отклоняются вниз, вместо того чтобы идти прямо. Это увеличивает толщину и прочность стены, усложняя подкоп.

– И все же, Мегелин...

– Да, валиг. Мы сделаем все, что можем. Есть новости из Аль-Ремиша?

Морщинистое орлиное лицо Юсифа помрачнело еще больше.

– Гонец вернулся час назад.

Радетик смотрел, как его поспешно сооруженные катапульты обрушивают шквал снарядов на Старый замок. Одна машина закрипела и развалилась. Стена содрогалась от ударов камней. Зубец стены рухнул вниз, в ней появились трещины.

– Возможно, этих машин вполне хватит, если они будут работать и дальше. Что, дурные известия?

– Абуд говорит, мы должны прогнать Насефа с побережья. На этот счет он высказался вполне определенно.

– У него есть какие-нибудь предложения? Сколько помощи он собирается прислать?

– Нисколько. И никаких мыслей у него тоже нет. Только прямой приказ исполнить. – Радетик уставился на Юсифа. Лицо валига посерело от отчаяния. – Это начало конца, Мегелин. Если только ты не в состоянии совершить чудо. Нас бросили на произвол судьбы.

Радетику показалось, что он нашел выход.

– Можно сделать вид, будто ты не получал никакого письма. В конце концов, ты не самоубийца.

– Мегелин, я не могу. Я человек чести. Вряд ли я сумею объяснить это уроженцу Запада, даже тебе, столь долго прожившему здесь. Видишь тех моих людей? Они знают, что моя битва обречена на поражение, но год за годом остаются со мной. Они не видят иного выбора, как и я. Все мы принесли клятву чести, и приказ Абуда не оставляет мне пространства для маневра. Я вынужден попытаться победить Насефа, даже зная, что не могу этого сделать.

– Гарун? Ты слушаешь?

– Да, Мегелин.

Юноша, как всегда, следовал за Радетиком словно тень, с любопытством глядя вокруг круглыми глазами и записывая каждую подробность осады в свою феноменальную память.

– Запомни это. Слушай отца. Он говорит о том, какова цена понятия долга и чести. Никогда никого не загоняй в тот угол, в котором оказался отец, и не позволяй загнать себя. Юсиф, должен же быть способ избежать гибели из-за глупости Абуда?

– Таков наш обычай, Мегелин. Мой. Я должен сделать хоть что-то.

– А это разве не что-то? – Радетик обвел рукой все происходящее в Себиль-эль-Селибе. – Разве этого недостаточно? Мы полностью обескровлены. У нас больше нет сил. Юсиф?

Валиг слегка попятился, пораженный его напором:

– Что?

– Мне кажется, ты думаешь о том, как пройти через ущелье. Встретиться с Насефом и принести себя в мученическую жертву в последней большой битве. Не делай этого. Не трать впустую свою жизнь.

– Мегелин...

– По крайней мере, спланируй так, чтобы сперва закончить все дела здесь. Это ведь не нарушит дух приказа Абуда? Лишь глупец оставляет позади врага, который позже захлопнет вокруг него ловушку.

– Ты прав, конечно, – задумчиво проговорил Юсиф. – Как всегда. Сегодня у меня плохо работает голова. Я настолько устал от сражений и безразличия Абуда, что отчасти мне даже хочется приблизить собственный конец.

– Ты обследовал ущелье? Есть там узкий проход, где можно было бы устроить засаду на Насефа? Где ты мог бы сбросить сверху на него камни? Это наш последний боевой клич, Юсиф. Почему бы нам не остаться в памяти, не превращаясь в мучеников?

– Ладно.

Валиг ушел – похоже, уже не столь подавленный.

Радетик смотрел, как расчеты у катапульт вновь приводят рычаги машин в исходное положение. Все их движения были неуклюжи и медлительны.

– Проклятье! – пробормотал он. – Все бы отдал за отряд наемников из Гильдии.

Рядом с ним словно ниоткуда возник Фуад:

– Не знаю, что ты сказал Юсифу, но спасибо тебе. Он был готов броситься на меч.

– Собственно, ничего особенного.

– Он рассказал тебе новости?

– Что Абуд не собирается нам помогать? Да. Проклятый глупец. Я думал, Фарид убедит его прислать хоть что-нибудь.

– Кронпринц больше никого ни в чем не убедит. Юсиф тебе не говорил? Фарид мертв.

Осторожно, словно старый кот, ищущий место для лежбища, Радетик огляделся и выбрал камень, чтобы сесть.

– Мертв? Фарид?

Фуад кивнул.

– Ему кто-то помог? Хариши наконец до него добрались?

Последователи культа пытались истребить всю семью Квесани. Чаще всего им не удавалось добиться успеха, но одними своими попытками они нагоняли на семейство немало страха. Фарид стал их любимой целью, избежав опасности трижды.

– Не в этот раз. На этот раз Насеф послал собственного умельца, которому удалось тайно провести Карима и пару сотен Непобедимых в пустошь к северу от Аль-Ремиша. На прошлой неделе они подстерегли Фарида, когда тот охотился на льва. То была большая охота.

– Печально, ничего не скажешь. Порой мне кажется, что Господь действительно есть и он на стороне Эль-Мюрида.

– Ты даже сам не знаешь, насколько это печально. Они не просто убили Фарида – как я говорил, то была большая охота. Они прикончили большую часть его братьев, его свиту, несколько офицеров и министров Абуда, а также валига Эс-Софалы и множество его людей.

– Силы небесные. Настоящая катастрофа.

– С точки зрения Насефа – дьявольская победа. Он вырезал сердце Квесани. Знаешь, кто остался? Кто теперь наш любимый кронпринц? Ахмед.

– Ахмед? Я даже не знаю, кто это.

– Логично. Он никто. Я бы тоже предпочел его не знать. Если спросишь меня – он просто баба. Не удивлюсь, если он предпочитает мальчиков.

– Неудивительно, что Юсиф был столь мрачен.

– Мегелин? – вмешался Гарун. – Значит, все кончилось? Дядя Фуад? Мы что, проиграли войну, сами того не зная?

– Хорошая мысль, Гарун, – грустно рассмеялся Фуад. – Удачно ты выразился. Да.

– Нет, – возразил Радетик. – Ничего не кончилось, пока ты не сдался. В душе.

Фуад снова рассмеялся:

– Смело сказано, учитель. Красивые речи. Но реальности это не меняет.

Радетик пожал плечами:

– Гарун, пойдем посмотрим, готова ли катапульта.

Расчет заряжал машину для пробного выстрела. На глазах Радетика они подожгли охапку травы, уложили ее в ложку и зашвырнули пылающий снаряд через стену Нового замка.

– Она устроит пожар, Мегелин?

– Вряд ли. Но понервничать их заставит.

– Тогда зачем это?

– Сражения можно выигрывать в человеческих умах, Гарун. Именно это я имел в виду, когда говорил твоему дяде, что ничего еще не кончилось, пока в душе ты не сдался. Меч – не единственное оружие, которое может сокрушить врага.

– Гм... – Лицо Гаруна стало таким, как всегда, когда он хотел запомнить что-нибудь навеки.

Прошло два дня, но Насеф не появлялся. Мегелин кожей чувствовал исходящее от победителя презрение – Насеф не считал их опасными.

Ему предстояло узнать, насколько он ошибался.

Мегелин послал за Юсифом, который явился с радостной улыбкой. Похоже, валиг вновь обрел душевное спокойствие.

– Сейчас я ее обрушу, – сказал Радетик, давая сигнал. – Фуад, приготовь людей. Так, как мы репетировали.

Пробормотав что-то нелестное, Фуад ушел. В долине началась лихорадочная деятельность – воины Юсифа готовились к штурму. Катапульты перестали обстреливать Старый замок, стена которого держалась, но едва-едва. Расчеты разворачивали машины в сторону Нового замка. Прошел час. Юсиф начал терять терпение.

– Когда наконец что-то начнется? – спросил он.

Радетик показал на дым, идущий из трещин у основания стены:

– Когда делаешь подкоп под стеной, приходится укреплять его бревнами. Когда ты готов его обрушить, заполняешь пространство травой и поджигаешь. Бревнам требуется некоторое время, чтобы прогореть. Ага, есть.

Воздух содрогнулся от громоподобного скрежета. Трещины увеличились, от стены отвалились куски камня. И наконец часть стены шириной в двадцать футов обрушилась, по сути исчезнув в земле.

– Отлично! – радостно воскликнул Радетик. – Просто отлично. Фуад, в атаку! – Он повернулся к Юсифу. – Не забывай следить за возможной вылазкой из Нового замка.

На то, чтобы выпотрошить старую крепость, потребовалось около четырех часов. Исход их даже разочаровал – защитников оказалось недостаточно, чтобы замедлить атаку.

Радетик тотчас же переключил внимание на Новый замок Эль-Мюрида. Захват старого едва завершился, когда пришло известие о вражеской колонне в ущелье. Юсиф рывкнул, отдавая приказ захлопнуть ловушку, которую предложил Радетик.

Задержка и усталость колонны подкрепления лишь подчеркивали презрение Насефа к Эль-Асваду. Он не пришел сам, послав эль-Надима и две тысячи зеленых новобранцев с побережья, которых Юсиф вырезал подчистую.

Четыре дня спустя явился сам Насеф, приведя двадцать тысяч человек, жизней которых пцадить не стал. Ему потребовалось всего восемь дней, чтобы окружить Эль-Асвад, поменяв стороны ролями.

Осада Восточной крепости продолжалась тридцать месяцев и четыре дня, оказавшись столь жестокой для врага, как и рассчитывал Юсиф. Эль-Кадер, командовавший осаждавшими, хотя и был так же опытен, как сам Насеф, попросту не справился с Юсифом, его окружением и свирепствовавшими в лагере болезнями. Самое могущественное оружие эль-Кадера, голод, так и осталось неиспытанным – Насеф не мог больше тратить силы на осаду.

Сам Насеф остался на побережье. После успехов в Эс-Суанне и Сук-эль-Арбе он обнаружил, что продвигаться дальше стало труднее. Узкая, богатая и густонаселенная береговая зона тянулась на четыреста миль, вдоль которых располагались города и селения, не питавшие симпатий к Эль-Мюриду и его учению.

И еще был Троес. Эль-Мюрид был вынужден вести войну на чужой земле до того, как завоевал сердца собственного народа. Но когда до этого дошло, оказалось, что троенские земли слишком обширны, а народ слишком дерзок, чтобы их можно было удержать силой. Любовь троенцев к своей земле, которую только обострили его действия, в конце концов вынудила его отступить.

Поскольку Насефу требовались солдаты на этом фронте, ему пришлось отозвать осаждающих из Эль-Асвада. Он оставил в провинции лишь тысячу человек под командованием Карима, которые должны были отвлечь Юсифа от Себиль-эль-Селиба.

Как только окружение было разорвано, Юсиф начал переписываться с соседями и роялистами, мысли которых сходились с его собственными. Возродился «золотой шов Каср-Хелал». Доверенные друзья и знакомые Мегелина Радетика заключали тайные договоренности на Западе.

В какой-то степени защитники Восточной крепости в душе уже сдались.

Юсиф стоял на продуваемом всеми ветрами парапете, глядя на пламя пылающего в двадцати милях от Эль-Асвада огромного пожара: Фуад загонял батальон Карима в смертельную ловушку. Гарун, получивший наконец возможность заняться шагунской практикой, был со своим дядей. После окончания осады юноша оказался невероятно полезен и всегда теперь сопровождал Фуада. Наставники, учившие его искусству шагуна, говорили, что у него громадный потенциал. Обучая его, они уже дошли до предела своих возможностей, но не исчерпали его собственных.

Валиг увидел приближающегося с северо-запада всадника. Еще одно плаксивое сообщение от Абуда? Спускаться и выяснять это он не собирался. Его родственник-король превращался в королевскую обузу – все его вспышки гнева, несбыточные желания и тщетные указы не меняли положение ни на йоту.

Через несколько минут к Юсифу присоединился Радетик. Вид у него был мрачный. По мере того как положение Эль-Асвада расшатывалось, ухудшалось и настроение Мегелина.

– Очередной приказ одержать победу? – спросил Юсиф.

– На этот раз, скорее, просьба. Но, похоже, до него начинает доходить, что происходит, пусть даже столько времени спустя. Речь о том, что Насеф – далеко не обычный бандит, если способен вести войну с Троесом. Ведь так?

– Гм? – Юсиф повернулся к нему. – Хочешь сказать, Абуд наконец намерен воспринять нас всерьез? Когда уже слишком поздно?

- Чуть-чуть. Чуть слишком поздно. Он снова нанял Хоквинда и посылает его к нам.
- Хоквинда? Наемника? Почему?

– Он не объяснил. Может, потому, что никто другой бы не пошел. По словам гонца, переговоры тянулись со дня смерти принца Фарида. Три года! Хоквинд не проявлял особого желания, но Абуд в конце концов сумел достаточно убедительно выступить перед генералами Гильдии и заплатил приличный аванс. А также объявил крупную награду за головы Эль-Мюрида, Насефа, Карима и прочих. Хоквинд уже в пути.

Юсиф прошелся туда-сюда по парапету:

- Сколько у него людей?
- Не знаю. Как мне сказали – прилично.
- Хватит, чтобы хоть что-то изменить?
- Сомневаюсь. Мы оба знаем, что побед, подобных Вади-эль-Куфу, больше не будет.
- Но почему Абуд не послал королевские войска?

– Думаю, в лагере короля дела обстоят не лучшим образом. Похоже, некоторые валиги отказываются посылать людей в этот дьявольский котел, предпочитая сидеть на месте, пока Эль-Мюрид сам к ним не придет. Если Абуд и собирался кого-то послать, то именно наемников. В данных обстоятельствах он сделал все, что мог.

– Но этого недостаточно. – Юсиф ударил по покрытому мхом камню парапета. – Никак недостаточно.

Радетик взглянул на дым пожара:

- Гарун там?
- Да. Фуад говорит, он неплохо справляется. Есть еще новости? У тебя был мрачный вид, когда ты пришел.

Радетик несколько минут молчал, о чем-то размышляя.

- Принц Хефни убит, – наконец сказал он.
- Жаль. Снова хариши?
- Да.

Хефни был последним сыном Абуда, не считая кронпринца Ахмеда. Во многом он был похож на своего брата Фарида. Ходили слухи, будто Абуд хотел сделать Хефни кронпринцем вместо Ахмеда, заставив того отречься в пользу брата.

- Похоже, род Квесани вымрет.
- Валиг...

Юсиф медленно повернулся:

– Только не говори мне больше дурных вестей, Мегелин. Вряд ли я вынесу то, что, как мне кажется, ты собираешься сообщить.

- Мне не хочется. Но рано или поздно придется.

Юсиф уставился на огонь.

– Тогда выкладывай, – буркнул он. – Лучше уж сейчас, чем потом расклеиться на глазах у всех.

– Твои сыновья, Рафи и Юсиф... они погибли во время нападения на Хефни. И они прекрасно себя показали.

Оба уже несколько лет служили королю в Аль-Ремише. Посылать сыновей ко двору было обычным делом для местной знати.

– Вот как... Теперь у меня остались только Али и Гарун. – Он снова посмотрел на пожар, и на миг показалось, будто ответом на его мрачный взгляд стало очередное облако дыма. – Отвернись, учитель.

Радетик повернулся спиной. Человек имел право уединиться, чтобы пролить слезы.

– Абуд наверняка совершит какую-нибудь глупость, – по прошествии некоторого времени заметил Юсиф.

Казалось, будто он говорит вовсе не об Абуде, а умоляет о помощи.

Радетик пожал плечами:

– Поступки других от меня никак не зависят. Увы.

– Пойду, пожалуй, скажу их матери. Задача не из приятных.

Мегелин нервно переступил с ноги на ногу и наконец решился:

– Может, сперва взглянешь на это?

Он протянул Юсифу схему, на которую были нанесены имена и титулы, соединенные ровными линиями, – своего рода описание, кто есть кто в Хаммад-аль-Накире.

– Схема престолонаследия?

В течение десяти лет Юсиф научился читать в достаточной степени, чтобы разбирать простые тексты. Имена он хорошо понимал.

– Да.

– И что?

Подобная схема имела у любого представителя знати и становилась «решающим голосом» при определении старшинства и соответствующего протокола.

– Позволь мне. – Радетик положил схему на зубец стены и достал рисовальный уголь. – Давай вычеркнем тех, кого с нами больше нет.

Его рука быстро задвигалась, словно наносящая удары десница смерти.

– Так много? – уныло спросил Юсиф. – Я даже не знал. Похоже, и впрямь плохо дело.

– Видишь какую-нибудь закономерность?

– Вырезают самых лучших.

– Да. Но я не это хотел тебе показать.

Юсиф наклонился ближе и тут же снова выпрямился. У него слабело зрение.

– Понятно, – проговорил он еще печальнее. – Внезапно я оказался третьим. Если что-нибудь случится с Ахмедом...

– Некоторые наши самые преданные союзники могут ускорить его встречу с ангелами.

Кронпринц обладал всеми недостатками отца, но ни одним из достоинств, благодаря которым в свое время пользовался уважением король Абуд. Ахмеда никто не любил, а некоторые враги даже обвиняли в том, что он тайно поддерживает Эль-Мюрида. Жизни его предстояло лишиться всяческой ценности, как только у Абуда ухудшится здоровье. Тайные марионетеры в Аль-Ремише позаботились бы об отречении с помощью кинжала.

– И, – добавил Радетик, – в соответствии с принятым у вас порядком, Али четвертый в очереди, Гарун – пятый, Фуад – шестой, а дальше идут его сыновья.

– Мегелин, я знаю, о чем ты думаешь. Тут и без того вдвойне запутанная загадка, а ты клонишь к чему-то еще. Не стоит – я сейчас не в настроении разгадывать загадки.

– Ладно. Если по какому-то стечению обстоятельств погибнет вся твоя семья – скажем, во время успешной осады, – право на престол перейдет к западным родственникам Квесани. Если конкретнее – к некоему Мустафу эль-Хабибу, который сейчас уже должен быть достаточно стар.

– И что?

– Данный господин – отец мятежника по имени Насеф.

Схватив схему, Юсиф уставился на нее:

– Будь я проклят! Ты прав. Как вышло, что никто не замечал этого раньше?

– Потому что на самом деле это не столь очевидно. Мустаф эль-Хабиб – весьма дальний родственник короля, а Насеф столь же хитер, как и зло Эль-Мюрида. Все его поступки полностью объяснимы с точки зрения его службы Ученику. С чего кому-то ожидать угрозы с этой стороны? Ты готов поспорить, что Эль-Мюрид не имеет ни малейшего понятия о том, что Бич Господень может стать королем?

– Нет. Проклятье, нет. Мегелин, его нужно убить. Он еще опаснее, чем Эль-Мюрид.

– Возможно. Он весьма сообразителен. До Вади-эль-Куфа Эль-Мюрид был готов натравить на него харишей. Полгода спустя он стал командиром Непобедимых.

– Что ж, у меня есть сюрприз для обоих. Это настолько их озадачит, что им потребуется полгода, чтобы понять, что к чему. Насеф даже может настолько испугаться, что откажется от восточных войн. – Юсиф рассмеялся, и в его смехе послышались безумные нотки. – Как скоро прибудет Хоквинд?

– Не могу даже предположить. Путь от Высокого Утеса неблизкий.

– Надеюсь, он скоро появится. Очень надеюсь.

9

Возмужание солдат

Высокий Утес, древнее и открытое всем ветрам каменное сооружение, возвышался над мысом, на который постоянно обрушивались шторма и волны.

– Врата преисподней, – выдохнул Браги, пока его учебный отряд быстрым шагом поднимался по склону к крепости.

Уже три месяца они с братом жили под пятой безжалостных ветеранов, и им редко доводилось побыть наедине.

Они нашли нового друга – единственного, кроме них, тролледингца в итаскийском отряде, называвшего себя Рескирд Драконобой.

– Это был совсем небольшой дракон, – любил говорить он. – С ним связана целая история.

Однако, хотя Рескирд почти не закрывал рта, историю эту так и не рассказал. Он был родом из Яндрифира, селения на тролледингском побережье напротив Огненных Языков, и столь же отличался разговорчивостью, как Хаакен – немногословием.

– Нет, – ответил Драконобой на замечание Браги. – Преисподняя по сравнению с этим не так уж плоха.

– Хватит болтать! – рявкнул сержант Сангвинет. – Раз уж у вас, варваров, остались силы – пошлю вас еще раз прогуляться туда-сюда.

Драконобой пришел на юг прошлым летом с разбойничьей флотилией – одной из немногих, отправившихся в плавание во время борьбы за престолонаследие. В окрестностях Либии аннина их таранил итаскийский военный корабль, и Рескирду единственному удалось доплыть до берега. Нужда заставила его быстро научиться южным обычаям.

– Ну и сброд у тебя, Торк, – крикнул страж у ворот, когда они трусцой вбежали в цитадель Гильдии.

– Я еще не выполол все сорняки, Энди.

Они уже три месяца подвергались подобной «прополке», изматывавшей тело и душу.

– Вичард, похоже, все, – пробормотал Рескирд, когда итаскиец впереди него споткнулся.

Браги лишь неразборчиво буркнул в ответ. Они с Хаакеном неплохо переносили муштру – их подготовила Тролледингия. Хаакен, казалось, чувствовал себя как дома – упорядоченная военная жизнь вполне его устраивала. Браги было не столь уютно – ему попросту не нравились бесчисленные «Да, сэр», «Нет, сэр», «Есть, сэр».

– Ничего, мы ему поможем. Он парень крепкий, – прошептал Браги.

Несмотря на имевшиеся к нему претензии, его сделали рекрутом-капралом и поставили во главе отделения. Он подозревал, что подобное назначение – лишь повод помучить Сангвинета, хотя, по мнению сержанта, Браги получил свой пост за то, что умел орать громче всех.

Помывшись и побрившись, они направились в столовую для новобранцев – одно из немногих мест, где можно было отдохнуть и поговорить. Хаакен оказался необычно словоохотлив:

- Хочешь уйти, Браги?
- Уйти? Откуда?
- Из Гильдии.

Новобранец мог поступить так в любую минуту, решив, что подобная жизнь не для него. Гильдию мог покинуть каждый. Но мало кто из переживших обучение и муштру оставлял братство. Предварительная прополка велась весьма тщательно: Цитадели не нужны слабые – как физически, так и морально.

– Нет, дьявол тебя побери. Когда осталось всего шесть дней? Я доведу дело до конца, даже если мне придется ходить на руках.

Название «Гильдия», хотя и употреблялось повсеместно, не отвечало действительности. Данная организация гильдией вовсе не являлась. Это было братство воинов, которых связывали друг с другом честь, дисциплина и непомерное количество военных кодексов. В чем-то оно напоминало монастырь, хотя не кланялось ни богу, ни принцу. Их королевство охватывало десятки королевств, их подданные были жителями бесчисленных стран, но отказались от преданности кому-либо, кроме братьев по оружию.

Правящий совет состоял из девяти генералов, все они когда-то вступили в Гильдию новобранцами и справедливо заслужили свои посты. Одним из культурных водоразделов, отделявших Гильдию от остального мира, было полное презрение к чьему-либо происхождению. В рядах воинов Цитадели бок о бок шагали как принцы, так и крестьянские сыновья.

Гильдия держала в руках феноменальные рычаги влияния. Порой от решения Высокого Утеса принять или отвергнуть предложение работы зависели судьбы княжеств. Орден обладал огромным богатством – его услуги обходились недешево. Плата часто принималась землями и людьми. У Гильдии повсюду имелась собственность, приносящая доход. Если девять стариков в Цитадели были чем-то недовольны, принцы спешили выяснить, чем их обидели. Элитарная и могущественная, Гильдия не знала себе равных. Она привлекала юношей, искавших цель в жизни, место, где они могли бы найти себе достойное применение. Одна лишь принадлежность к Гильдии ставила человека чуть выше его современников, причисляя к лучшим.

Братство также являлось тайным культом с несколькими кругами посвящения. Чтобы получить должность определенного уровня, требовалось сперва войти в более ближний круг. Девять генералов относились к числу истинно просвещенных. Столь могущественная и тайная организация, естественно, не обходилась без очернителей, заявлявших, что истинная натура и цели братства известны лишь старым генералам в Цитадели. Подобные обвинения отчасти были правдой, но недостаточной, чтобы орден внушал ужас или ненависть.

Браги, Хаакена и Рескирда не особо интересовало, что думают о Гильдии другие. Для них она стала предметом гордости с той самой минуты, как они вошли в ворота Высокого Утеса.

Через шесть дней они должны были стать ее полноправными членами.

- Как думаете, куда нас пошлют? – спросил Рескирд.

Сразу после ужина всех отправили в казармы. Их товарищи шумно обсуждали беспрецедентный случай, пользуясь свободным временем, чтобы начистить медь и сапоги. Сержант Сангвинет был помешан на блеске.

– Все, чего мне хочется, – выбраться из этого болота, – проворчал Хаакен. – Ставлю пенни против фунта, что именно так выглядит преисподняя.

– Думаешь, нам повезет? – настаивал Рескирд, приглаживая непокорные рыжие волосы. – В какое-нибудь знаменитое подразделение? Мы не так уж плохо себя показали. – Драконой не был похож на троллединга – высокий, но худой, с утонченными чертами и женственными руками, свойственными, скорее, итаскийцу. – Хоквинд? Лаудер? Белый отряд? – продолжал болтать он.

Браги пожал плечами:

– У Вичарда есть возможность попасть в Белый отряд – если мы ему поможем. Когда он стреляет из лука, на него смотреть страшно.

– Вряд ли нам что-то светит, кроме обычных частей, – буркнул Хаакен. – Лаудер и Хоквинд не берут зеленых новичков.

– Думаю, отряд в Симбаллавейне, – сказал Браги. – Именно там сейчас назревает война.

– Это дальше на юг, – пожаловался Хаакен. – А сейчас еще лето.

– Что касается меня, – заявил Рескирд, – думаю, нам стоило бы поцеловать Сангвинета в зад, чтобы он рекомендовал нас в Октилию.

Сардиго, принц Октии, держал личную охрану из Гильдии, состоявшую исключительно из тролледингов.

В казарму ввалилось демонического вида существо, казавшееся на вид девяти футов ростом и семи в плечах.

– Можешь целовать что хочешь, парень. Все-таки я избавлюсь от тебя до того, как ты получишь щит.

– Смир-рно! – крикнул застигнутый врасплох Рагнарсон.

– А если у меня не выйдет, Драконой, – отправлю тебя в наряд выносить горшки для всего замка.

Рескирд даже не дрогнул. Для сержанта подобные слова были лишь легкой шуткой.

Сангвинет прошелся по тесному помещению, которое занимало отделение Браги, сунул пальцы в щели и ударяя кулаком по койкам, но не нашел ничего, к чему можно было бы придраться.

– Рагнарсон!

– Сэр?

– Издеваешься надо мной, парень?

– Сэр? Не понимаю, сэр.

– Ты, несомненно, ведешь какую-то игру. Слишком уж тут все в порядке. У твоего отделения всегда все в порядке. – Он злое ухмыльнулся. – Так что, пожалуй, поменяю правила.

В дверь заглянул капрал Трубачик:

– Сержант, старик хочет тебя видеть. Говорит, срочно.

– Что там еще?

– Прибыл очередной гонец. Похоже, спешит. Ждет известий из Цитадели.

– Будь оно все проклято! Слухи, похоже, оправдались. А у нас тут одни салаги!

Демон вышел следом за подмастерьем.

– Что это все значит? – удивленно проговорил Браги.

Хаакен и Рескирд пожали плечами.

– Нужно дать ему что-нибудь, во что он мог бы вцепиться, Браги, – сказал Драконой. – Он исходит пеной изо рта, поскольку ничего от тебя не получил.

– И не получит. Мне не нравятся его игры. Но пока я здесь, я намерен его переиграть. В любом случае весь этот его рык – лишь показуха. Мой отец вел себя так же. Могу поспорить, как только мы получим щиты, от его крутости и половины не останется.

Хаакен лишь фыркнул в ответ.

За завтраком, подобно испуганным голубям, разлетелись слухи, будто старики в Цитадели приняли крупный заказ. Сержанты не отрицали, что в нем будет участвовать и отряд

новобранцев. Младшие офицеры этого не отрицали и не подтверждали. Ждать можно было чего угодно. Сангвинет и Трубачик, похоже, знали правду, но ничего не говорили. Сержант был бледен и рычал сильнее обычного, добавив в программу тренировок больше практики с оружием и изучение боевых сигналов.

– Похоже, нас отправляют в бой, – предположил Браги, ощущая тяжесть в желудке. – И от нас ждут реальных действий. Враг не из тех, кто сразу же сдастся, лишь о нас услышав.

Хаакен что-то пробурчал в знак согласия.

– Сержанту страшно, – заметил Рескирд.

– Дьявол, вряд ли стоит его винить, – проворчал Браги. – От нас зависит его жизнь. А мы никогда не были в бою.

– Ему стоило бы больше в нас верить – он же сам нас тренировал.

– А ты стал бы верить на его месте?

– Нет, – пожал плечами Рескирд. – Никогда не знаешь, как кто-то поступит в настоящем бою. Мы – единственные, кто когда-либо сражался по-настоящему.

Официальных объявлений не последовало вплоть до вечернего построения, когда полковник из Цитадели обратился к собравшимся войскам – как ветеранам, так и новобранцам. Он подтвердил, что заказ принят и в его выполнении будет участвовать тысяча человек под командованием генерала Хоквинда. О подробностях он распространяться не стал, вероятно из соображений безопасности, и попросил всех, кто не участвует в операции, помолиться о войске Хоквинда.

– Хоквинд! – радостно заявил Рескирд. – Вот это новость! Первый раз идем в бой, и под командованием такого гроссмейстера! Слышали, что он совершил в прошлом году под Балевайном? Разбил все войско Кистена с пятью сотнями солдат!

– С пятью сотнями ветеранов и Белым отрядом, – буркнул Браги.

– Да ты ничем не лучше Хаакена. А что насчет Вади-эль-Куфа? Пятнадцать тысяч убитых со стороны противника! Он ни одной битвы не проиграл.

– Всегда бывает первый раз, – проворчал Хаакен.

– Ни за что не поверю. Как думаешь, скоро отправимся?

Тем же вечером в казармах сообщили, что отряд новобранцев завершит тренировки. Оставалось еще пять дней ада.

– Вот тебе и поход на войну, Рескирд, – прошептал Браги, когда погас свет. – Еще успеешь. А пока наслаждайся полосой препятствий.

Два дня спустя выступил в путь регулярный отряд, намеревавшийся встретиться с Хоквиндом где-то на юге. Вскоре стало известно, что отряд новобранцев должен будет нагнать его в пути. Многие помрачнели – идти предстояло быстро. Конец муштры не предвещал передышки.

– Вы же все молодые парни, – весело заметил капрал Трубачик. – Как я слышал – в превосходной форме. Да вы даже задом наперед сумеете.

В последующие несколько дней Браги почти все время молчал, тупо исполняя упражнения и приказы сержанта.

– С тобой все в порядке? – в конце концов спросил Хаакен. – Ты точно не хочешь все бросить?

– Я начал, и я закончу. Мне просто тяжело смириться с мыслью, что я могу погибнуть неизвестно где.

Им не сказали, куда они идут.

Браги не мог постичь всю суть братства Гильдии. Естественно, он ощущал солидарность со своим отделением и отрядом – к этому, в том числе, и сводилось их обучение. Их группа прошла через ад и научилась полагаться друг на друга. Но он так и не сумел заразиться чувством принадлежности к чему-то большему, составлявшему Гильдию как таковую. Понятия

чести и благородства так и не стали для него осязаемыми, и это его тревожило, поскольку они были важны как для начальства, так и для товарищей. Именно на них держалась Гильдия. Он изо всех сил пытался завоевать авторитет, но все его попытки проваливались.

Казалось, День Щита не наступит никогда, но наконец он настал. Из Цитадели пришли все великие старцы, знаменитые генералы, чтобы провести смотр новобранцев и выступить с речами. К счастью, их замечания были весьма кратки. Кастелян, старший член нынешнего ордена, принес извинения за то, что новобранцы не получают традиционный отпуск по окончании обучения.

Затем последовала завершающая церемония, во время которой каждому новому члену Гильдии вручили щит пехотинца. Каждый должен был выйти перед строем и принять щит. Те, кто добился выдающихся успехов в обучении, получили вдобавок к щитам почетные ленты – в том числе Браги как командир лучшего отделения.

Награда повергла его в страшное замешательство, и он поспешил вернуться в строй. Его товарищи по-волчьи скалили зубы. Зная, что вряд ли сможет скоро об этом забыть, он посмотрел на щит и ленту, чувствуя, как к горлу подкатывает комок, а душа переполняется гордостью.

– Проклятье, – пробормотал он. – Все-таки они меня заметили.

– Подъем, парни, – взревел капрал Трубачик. – Подъем. Настал очередной день нашей славы. – Он сорвал одеяла с новоиспеченных солдат. – Встаем, встаем. Порядок все знают. Построение отряда через полчаса.

Он вышел, поярче подкрутив огонь в лампе.

– Вот дьявольщина, – буркнул Рескирд. – Ничего не изменилось. Я надеялся, нам хоть дадут выспаться.

Молча взяв мыло и бритву, Браги поковылял в уборную. Голова была словно ватой набита, настроение – отвратным. Он помылся и побрился, не отвечая на шутки о его ленте.

– Всем строиться! – рявкнул Трубачик на весь плац. – Командирам взводов – доложить о присутствующих!

Сержанты-взводные вышли вперед и, повернувшись, потребовали доклады от отделений. Браги, не проверяя, доложил, что все на месте, – еще ни разу не бывало, чтобы кого-то не оказывалось на проверке. Куда больше его интересовали несколько человек, стоявших позади Сангвинета в небрежных позах. Что они тут делали? Что им было нужно?

Несколько минут спустя он упал духом, – оказалось, это ветераны, назначенные командирами отделений. Хотя он и знал, что надежды напрасны, но все же втайне рассчитывал сохранить данный статус за собой.

Каждое отделение отправлялось в путь, как только получало нового капрала. В отделении Браги таковым оказался жилистый маленький итаскиец по имени Бердсонг, который повел их к интендантам. Сперва он молчал, лишь наблюдал, как интенданты меняют изношенное или поврежденное на тренировках снаряжение. Каждый новобранец получил дополнительную пару сапог.

– Не нравится мне это, – проворчал Рескирд. – Похоже, кто-то решил, что нам придется сносить кучу обуви.

Браги взглянул на Бердсонга. Маленький капрал улыбнулся, и его усы пошевелились, словно коричневая гусеница.

После интендантов пришла очередь оружейников – они заменили учебное оружие на боевое и выдали нагрудники. Браги и Хаакен вступили в спор с оружейником, который хотел забрать у них тролледингские мечи. В конце концов вмешался Бердсонг, понимавший всю важность фамильных клинков.

– Но они же нестандартные! – возразил оружейник.

– Зато сэкономишь, – сказал Бердсонг.

На этом спор закончился.

Последовали еще две остановки: на кухне, где им выдали пайки и Рескирд застонал, увидев их размер, а затем у казначея, где, как ни удивительно, никаких протестов со стороны Рескирда не последовало.

Рядовые члены Гильдии не получали особо высокого жалования по сравнению с другими войсками – наградой для них являлась сама к ней принадлежность. Но сейчас старики в Цитадели выплатили им солидную компенсацию за отпуск, которого лишились новобранцы после повышения. Каждый также получил месячный аванс, как обычно бывало перед выступлением в бой.

Потом пришло время вновь собраться во внутреннем дворе – ту же процедуру предстояло пройти другим отделениям. Бердсонг воспользовался возможностью познакомиться с солдатами. Он оказался слегка напыщенным, но весьма застенчивым и даже неуверенным в себе – что, впрочем, было обычным делом для человека в новой для себя роли.

– Думаю, он мне понравится, – сказал Браги Хаакену.

Хаакен безразлично пожал плечами. Рескирд, однако, пригрозил выдрать капралу ноги из задницы, поскольку считал, что Браги должен был сохранить должность командира отделения.

– Только попробуй, и я тебе шею сверну, – заявил Браги.

На плац вернулся Сангвинет верхом на коне, в сопровождении Трубачика и других младших офицеров, командовавших отрядом во время обучения. Судя по новым поясам и нашивкам, их повысили в звании. Сангвинет стал лейтенантом.

– Строиться! – рявкнул сержант Трубачик. – Выступаем!

Через пять минут, когда солнце еще висело над самым горизонтом, начался их марш.

Марш оказался куда более изматывающим, чем во время тренировок. Они шли от рассвета до заката, преодолевая от сорока до пятидесяти миль в день, питаясь вяленным мясом, сушеными фруктами и жареным зерном, запивая все это водой. И лишь время от времени получалось разнообразить еду тем, что удавалось купить у придорожных крестьян. Воровать что-либо было строго запрещено – членов Гильдии учили благородству, не имевшему ничего общего с дикостью регулярных солдат. Драконобойю это не нравилось – на севере обычаи были полностью противоположные.

День следовал за днем, миля за милей. Они шли все дальше на юг, во все более теплые края, постепенно нагоняя отряд ветеранов, хотя казалось, будто это никогда им не удастся. К юго-востоку от Хеллин-Даймиеля к ним присоединился эскадрон конницы, поднимая пыль, которая жгла легкие и горло, оседая коркой на сухих потрескавшихся губах.

– Не нравится мне это, – проворчал Хаакен, когда они достигли развилки и повернули на восток. – Там дальше ничего нет.

– А мне не нравится, что нам не дали отпуска, – буркнул в ответ Драконобой. – У меня были планы.

– Ты это уже сто раз говорил. Если не можешь завести новую песню, лучше вообще молчи.

– Мы всё навестаем, – пообещал Браги. – После победы, когда станем героями. – Он невесело рассмеялся.

Этим утром Сангвинет назначил отделение Бердсонга на передовую.

– Вы отлично справляетесь, парни, – весело объяснил он. – Но стоит тяжело потрудиться, чтобы завоевать награду.

Так Браги понял главное: чем больше человек что-то делает и чем лучше он это делает, тем большего от него ждут. Награды и почести приходят либо намного позже, либо остаются морковкой, заставляющей старого мула идти вперед.

Браги не был трусом. Мало что могло его напугать. Но он не унаследовал боевого пыла отца, и ему вовсе не хотелось оставаться в первых рядах, принимавших на себя главный удар.

– Всегда есть и положительные стороны, – заметил Рескирд. – Сможем прохладиться в карауле, пока остальные будут рыть траншеи и разбивать лагерь.

– Ха! Хотя какой-то луч надежды. – Несмотря на всю свою лень, Браги не считал, что возможность избежать тяжелой работы компенсирует пребывание на передовой.

Бердсонг оглянулся, шевеля усами. Браги оскалился и зарычал. Бердсонг рассмеялся:

– Знаешь поговорку? Солдат, который жалуется, – счастливый солдат.

– В таком случае Рескирд – самый счастливый дурак на свете, – проворчал Хаакен. – Словно свинья по уши в помоях.

– Из каждого правила есть исключения, – усмехнулся Бердсонг.

– Куда мы идем, капрал? – спросил Браги.

– Мне пока не сообщили. Но мы направляемся на восток. К востоку отсюда ничего нет, кроме пограничных фортов на краю Сахеля.

– Сахеля? Что это?

– Внешняя граница Хаммад-аль-Накира. Что означает «Пустыня Смерти».

– Просто здорово.

– Вам понравится. Самая богом забытая земля из всех, что вы когда-либо видели.

Взгляд его затуманился.

– Ты там был?

– Я был в Вади-эль-Куфе с генералом. Тогда мы шли тем же путем.

Браги переглянулся с братом.

– Ха! – вдруг воскликнул Рескирд и начал радостно болтать о победе Хоквинда.

Браги и Хаакен слышали рассказы других ветеранов той битвы. И это была вовсе не веселая прогулка, как считал Рескирд. Так что Хаакен посоветовал Драконобою отправиться в пешее эротическое путешествие.

За день ходьбы до места сбора, укрепленного селения под названием Каср-эль-Хелал, они наконец нагнали другой отряд пехоты. Во время ночного привала ветераны то и дело ухмылялись – они специально сделали все для того, чтобы их непросто было догнать.

Хоквинд и его полк ждали в Каср-эль-Хелале. Готовы в путь были также несколько караванов, надеявшихся проскользнуть в Хаммад-аль-Накир под защитой полка, и две сотни воинов-роялистов, направленных в качестве проводников для Гильдии. Жители пустыни показались Браги и Хаакену невероятно странными.

Хоквинд позволил всем день отдохнуть в Каср-эль-Хелале, после чего изматывающий марш возобновился. Браги вскоре понял, зачем им выдали дополнительную пару сапог. По слухам, им предстояло пройти восемьсот миль до некоего места под названием Восточная крепость. На самом деле расстояние составляло, скорее, пятьсот миль, но все равно было достаточно велико.

Сперва они двигались довольно медленно, преодолевая дикие бесплодные холмы Сахеля. Пустынные всадники ушли далеко вперед. Колонна шла в полной боевой готовности – местные дикари были фанатичными сторонниками врага, некоего Эль-Мюрида. Однако солдаты Гильдии их так и не увидели – они вообще почти не встречали местных в первые двадцать семь дней пути через пустыню.

Во время марша Хоквинд постоянно тренировал солдат. Тяжелый обоз, которым они обзавелись в Каср-эль-Хелале, серьезно замедлял темп, но профессиональные повара и рабочие в значительной степени облегчали тяготы военной жизни. Хоквинд, однако, старался держать их поодаль, опасаясь, что те дурно повлияют на дисциплину солдат.

Юноши-северяне день за днем вглядывались в окружающие их бесплодные земли.

– Никогда к такому не привыкну, – сказал Браги.

– Меня это пугает, – признался Хаакен. – Такое чувство, что еще немного – и свалюсь за край света. Или куда похуже.

Браги попытался найти хоть какую-то светлую сторону:

– Если кто-то решит на нас напасть, мы сразу их увидим.

Он был прав лишь отчасти. На двадцать седьмой день пути из Каср-эль-Хелала Рескирд внезапно крикнул:

– Тебе платить, Хаакен!

– Что?

– Авангард возвращается, – показал Драконобой. Местные сопровождающие спешили к колонне, словно подхваченные мартовским ветром листья. – Значит, будет бой.

Браги многозначительно взглянул на Хаакена:

– Что, продул ему месячное жалованье?

Час назад пришло известие, что они окажутся недалеко от цели еще до захода солнца. Услышав это, Хаакен радостно похвастался, как он побился с Рескирдом о заклад на тему: придется ли им вступить в бой до прибытия на место.

В ответ Хаакен предложил обоим совершить нечто сексуально неосуществимое.

– Эти Непобедимые никак не могли оказаться столь близко от замка, – проворчал он.

– Они между нами и крепостью, – сказал Рескирд. – Нам придется прорываться. Плати сейчас, Хаакен. Не так-то просто будет получить деньги, если тебя убьют.

– Ты вообще когда-нибудь заткнешься? Болтаешь без умолку.

– Тебе и впрямь лучше бы попридержать язык, Рескирд, – согласился Браги.

На возвышенности впереди появились всадники, неотличимые от тех, кто сопровождал колонну. Внимательно ее оглядев, они умчались туда, откуда пришли.

Хоквинд остановился. Офицеры посоветовались и разошлись. Вскоре Браги и его товарищи уже спешили на свои места в строю – к широкой линии тяжелой пехоты с местными всадниками с флангов. Позади пехоты рассеялись лучники. За центром строя толпились тяжелые конники, надевая доспехи и готовя лошадей. Рабочие из обоза выстроили круг из фургонов, образовав импровизированную крепость, куда можно было отступить.

Бердсонг осмотрел свое отделение.

– Неплохо смотрите, парни, – сказал он. – Это ваш первый бой. Покажите лейтенанту, на что мы способны. – (Сангвинет утверждал, что они не справятся даже со старухами.) – Взять щиты. Копья наготове. Третья шеренга – отойти назад.

Браги смотрел на возвышенность, беспокоясь, хватит ли ему смелости. Мужчина должен был сражаться вовсе не с таким настроением...

На холме появились всадники и устремились к солдатам Гильдии, грохоча копытами. Браги присел за щитом, ожидая приказ воткнуть копье в землю. Некоторые его товарищи, похоже, колебались, не зная, выдержат ли подобный натиск.

Всадники разделились и помчались к флангам. Стрелы из коротких седельных луков ударили в щиты, наперерез стрелам из более длинных луков Гильдии. Заржали лошади. Послышались ругательства и вопли. Браги не видел, чтобы с его стороны кто-то пострадал.

Стрела вонзилась в его щит, показав четверть дюйма вошедшей насквозь острой стали. Еще одна отскочила от макушки шлема, вызвав удивленное ругательство за спиной. Он присел еще на дюйм. Земля дрожала, сверху сыпалась пыль. Всадники, словно дразня их, промчались в тридцати ярдах.

Не в силах сдержать любопытства, Браги выглянул из-за края щита. Стрела ударила в лоб, смяв железо шлема, и он с размаху сел, потеряв щит. Еще одна стрела влетела в образовавшуюся в стене из щитов щель, оцарапав внутреннюю часть бедра.

– Проклятье, – пробормотал он, не чувствуя боли. – Еще на дюйм выше, и...

Рескирд и Хаакен сдвинули щиты, сузив щель, пока солдат из второй шеренги не занял место Браги. Чьи-то руки подхватили Рагнарсона и потащили назад. Мгновение спустя он уже ругался у ног лучников.

– Уходи к фургонам, парень! – крикнули ему.

Он не успел проделать и полпути, когда схватка закончилась. Враг попытался атаковать с флангов, но союзники из числа местных жителей оттеснили его назад. Прозвучали трубы, и Хоквинд повел тяжелую конницу сквозь промежутки в рядах пехоты, выстроившись для атаки. Противник бежал, скрывшись за холмами столь же быстро, как и появился. Враг помнил Вадиль-Куф, и у него не было никакого желания снова вступать в бой с закованными в железо людьми.

Для Браги их беспорядочная атака выглядела бескрайней волной, но на самом деле всадников было не более пятисот. Учитывая численное превосходство дисциплинированного противника, они лишь совершили пробную вылазку. Но даже при этом несколько десятков их товарищей остались лежать на земле. Браги оказался в числе всего лишь четверых пострадавших со стороны Гильдии.

Обозники кинулись перерезать горла раненым и грабить. Солдаты Гильдии оставались в боевой готовности, пока их союзники из местных снова отправились на разведку.

Браги сидел, прислонившись спиной к колесу фургона, и ругал себя за глупость, из-за которой его ранили. Ему лишь следовало не высовываться, как его и учили.

– Некоторые готовы на что угодно, лишь бы не маршировать.

Он поднял взгляд, плотно сжав губы. Рана теперь сильно болела.

Сангвинет опустился перед ним на колени:

– Может, тебе будет интересно, что тебя ранили первым. Дай-ка взгляну. – Он ухмыльнулся. – Еще немного – и все, да? Впрочем, ничего страшного. – Он сжал плечо Браги. – Каждый урок чего-то стоит. Надеюсь, сегодня ты кое-чему научился. И достаточно дешево за это заплатил, – улыбнулся он. – Пришлю врача – тебе нужно наложить швы. Дальше поедешь в фургоне с провиантом.

– Мне что, придется работать при кухне, сэр?

– Нужно же тебе где-то набрать вес.

– Тогда лучше пойду со всеми. Останусь со своим отделением.

– Ты будешь делать то, что тебе сказано, парень. Лень – не слишком подходящее оправдание, чтобы лишиться ноги.

– Сэр...

– Выполняй приказ, Рагнарсон. Не усугубляй одну глупость новыми.

Сегодня Сангвинет разговаривал с ним, как солдат Гильдии с собратом, а не как унижающий достоинство новобранца инструктор на учениях.

В день, когда полк начал долгий подъем по склону, ведущему к Восточной крепости, Бердсонг разрешил Хаакену и Рескирду навестить Браги. Они помогли ему выйти из фургона, чтобы друг взглянул на замок.

– Боги, ну и большой же он, – сказал он.

– Его называют Восточной крепостью, – ответил Рескирд. – Он стоит тут уже восемьсот лет или около того, и его все время достраивали.

Браги огляделся. Как люди Хаммад-аль-Накира вообще выживали в такой пустыне?

Из замка им навстречу вышел гарнизон. Ряды молчаливых темнокожих и темноглазых мужчин, многие с орлиными носами. Они смотрели на них безучастно. Браги ощущал исходящее от них презрение – все они были старыми, закаленными в боях ветеранами. Он изо всех сил старался не хромать, надеясь, что сумеет произвести на них впечатление хотя бы размерами, – Браги был на шесть дюймов выше и на пятьдесят фунтов тяжелее самого крупного из них.

Нигде не было видно женщин, а дети встречались редко.

– И это, как говорят старики, тот самый прием, который оказывают пришедшим на помощь солдатам Гильдии? – пробормотал он. – Где цветы? Где радостные крики? Где девицы, готовые кинуться тебе на шею? Хаакен, вряд ли мне тут понравится. На похоронах я видал людей и то веселее.

Хаакен что-то согласно пробормотал, уныло сторбившись. Колонна вошла в ворота замка, выглядевшего столь же спартански, как и его защитники. Все вокруг казалось высохшим и пыльным, тусклого бурого цвета. Отряды вступили один за другим в просторный двор под взглядами группы людей, наблюдавших за ними с внутреннего бастиона.

– Видимо, это те самые, что нас наняли, – предположил Браги.

Они ничем не отличались от своих подчиненных, что показалось ему крайне странным.

– Я бы отдал все, что должен мне Хаакен, ради того, чтобы увидеть две вещи: хоть одно дерево и хоть одну улыбку на их уродливых рожах, – пробормотал Рескирд.

Стоявшие на стене спустились и присоединились к Хоквинду. Шло время. Браги хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. После похода через пустыню он не желал ничего, кроме галлона пива и мягкой постели.

Наконец что-то произошло. Их лошадей увели, и передовой отряд миновал внутренние ворота. Браги вновь хмуро оглядел крепость, сильно сомневаясь, что тут окажутся сколько-нибудь удобные казармы.

Отряды уходили один за другим. Затем настала очередь новобранцев. Худой юноша из местных подошел к Сангвинету и коротко с ним переговорил. Лейтенант повернулся и заорал. Отряд направился к воротам.

Жилые помещения оказались еще хуже, чем предполагал Браги: двумстам людям приходилось тесниться в пространстве, рассчитанном самое большее на семьдесят. После отбоя наружу или внутрь могла бы проскользнуть разве что змея. Он попытался не думать о том кошмаре, который последует, если в ночи прозвучит сигнал тревоги.

Даже офицерам и капралам пришлось втиснуться в эту переполненную клетку. Для снаряжения места не хватило, и его оставили снаружи. Ворчание и ругательства несколько поутихли. Рескирд пробормотал, что он даже не сможет набрать воздуха в легкие, чтобы высказать все, что об этом думает.

– Приношу извинения от имени моего отца, – сказал юноша-проводник. – Вы прибыли раньше, чем ожидалось, и в то время, когда большая часть наших воинов сражается с Учеником. Вас переведут в помещения получше, как только их оборудуют, – некоторых, возможно, уже завтра. Ваш командир уже встречается с моим отцом, обсуждая расписание нарядов. Тех, кто назначен на посты далеко отсюда, незамедлительно переведут поближе к ним.

Он говорил по-итаскийски, в нос, но намного чище, чем Браги или его брат. Взглядом он встретился с Браги. Оба юноши мгновение удивленно смотрели друг на друга, будто увидев нечто, чего не ожидали. Браги тряхнул головой, пытаясь прочистить мозги.

– Что такое? – спросил Хаакен.

– Не знаю. Как будто я увидел... не знаю.

Он в самом деле не знал, но теперь отчего-то не сомневался, что этот стройный смуглый странный юноша сыграет весьма важную роль в его жизни.

Хаакен был заинтригован. Взгляд его оживился, чего не было уже много месяцев.

– У тебя такой вид, Браги... Что случилось?

– Какой вид?

– Такой же, как у мамы, когда ей является видение.

Браги фыркнул, не принимая всерьез способность матери якобы видеть будущее.

– Если бы ей и впрямь являлось видение, Хаакен, нас бы тут не было.

– Почему? Она вполне могла знать. Просто ничего не сказала, потому что все равно ничего нельзя было поделать. Разве нет?

– Все это чушь. Она притворялась, чтобы напугать других и заставить их поступать так, как хочется ей. Это всего лишь игра, Хаакен.

– Это как раз ты говоришь чушь. Мог бы и сообразить.

– Эй, Рагнарсоны, может, все-таки успокойтесь? – рявкнул Сангвинет. – Или, по крайней мере, говорите по-итаскийски, чтобы вас понимали!

Покраснев, Браги посмотрел на напряженное лицо лейтенанта и тут же снова перевел взгляд на юношу-проводника. Его вновь охватила дрожь, причем юноша, несомненно, ощущал нечто похожее. Браги подумал, что, возможно, ему все-таки кое-что передалось от матери.

– Меня зовут Гарун бин Юсиф, – сказал юноша. – Мой отец – валиг Эль-Асвада. У вас это называется «герцог». Пока вы здесь, я буду с вашим отрядом как переводчик и... который помогает людям общаться. Есть для этого слово по-итаскийски? – обратился он к Сангвинету.

Лейтенант пожал плечами – итаскийский тоже не был для него родным.

– Посредник, – подсказал сержант Трубачик.

– Да, теперь вспомнил. Посредник. Если у вас возникнут проблемы в общении с моим народом – обращайтесь ко мне, особенно по спорным вопросам. У нас слишком разные культуры, – возможно, мой народ кажется вам столь же чужим, как и вы нам. Но мы должны встать бок о бок против Ученика.

– Гип-гип-ура, – чересчур громко пробормотал Рескирд. – Какая радость. Почему бы ему не рассказать, что такого особенного в этом самом Эль-Мюриде?

– Четыре часа наряда вне очереди, Драконобой, – добродушно-медоточивым тоном бросил капрал Бердсонг. – Хочешь попробовать еще?

Рескирд судорожно сглотнул ком в горле и замолк.

– Я и мой наставник Мегелин Радетик, которого представлю вам позже, – единственные, кто здесь говорит по-итаскийски. Если у вас возникнет крайняя необходимость пообщаться и вы знаете даймиельский – попробуйте на нем. Многие из наших работали с караванами и немного говорят по-даймиельски. Но говорите медленнее и проявляйте терпение.

Хаакен поднял руку:

– Где тут можно чего-нибудь выпить?

– Есть резервуар с водой. – Гарун повернулся к Сангвинету, который тихо объяснил ему истинную суть вопроса. Он озадачился. – Спиртные напитки запрещены. Их не разрешает наша религия.

Послышался недовольный ропот.

– Проклятье! – заорал кто-то. – Что это за дьявольская дыра? Ни баб, ни выпивки, одна жара и грязь... И ради этого мы должны рисковать жизнями?

Юноша в замешательстве повернулся к Сангвинету, ища помощи. Браги толкнул в бок Хаакена, стоявшего ближе всего к громкоголосому жалобщику. Хаакен взял его за плечо и крепко сжал. Протесты смолкли.

– Если есть какие-то проблемы – обращайтесь ко мне или Гаруну, – объявил сержант Трубачик. – Вольно. Располагайтесь. Лейтенант советует побродить вокруг и познакомиться с обстановкой. Расписание нарядов будет завтра. Все.

– Уж точно пойду поброжу вокруг, – пробормотал Рескирд. – Тут настолько тесно, что аж дрожь пробирает, только даже места нет, чтобы дрожать.

– Угу, я тоже, – сказал Браги. – Идем, Хаакен. Поймаем этого Гаруна. Хочу с ним поговорить.

Им, однако, потребовалось десять минут, чтобы выбраться из казармы, и к тому времени юноша уже куда-то исчез. Братья поднялись на стену, глядя на бесплодную землю и гадая, зачем кому-то вообще сражаться, чтобы ее защищать.

– Я бы сразился за то, чтобы поскорее с нее убраться, – заметил Хаакен, невольно оказавшись провидцем.

– Вон он, там, внизу, – сказал Браги, заметив Гаруна. – Пошли.

Но они снова разминутись. И с этого началась их настоящая жизнь солдат Гильдии.

10

Встреча у соленого озера

Эль-Мюрид лег поздно, обсуждая прибрежную войну. У него болели ноги, и он вовсе не обрадовался тому, что его разбудили раньше обычного.

– Что такое? – рявкнул он настойчиво толкавшему его рабу. – Либо это впрямь что-то серьезное, либо... Ладно, выкладывай!

Раб судорожно сглотнул ком в горле. После Вади-эль-Куфа Ученик пребывал во все более скверном расположении духа.

– Повелитель... – быстро заговорил он. – Повелитель, тебя желает видеть Моваффак Хали. Он только что вернулся из патруля и не желает ждать.

– Хали? – хмуро проворчал Эль-Мюрид, не в силах вспомнить обладателя этого имени.

– Моваффак Хали, повелитель. Старший Хали. Непобедимый.

Раб посмотрел на него с любопытством, словно его забавляло, что господин не может вспомнить кого-то столь важного.

– Ладно, пусть войдет. И если речь об очередном споре о том, кто главнее – обычные солдаты или Непобедимые, оба окажетесь на кресте. – Он подозвал другого раба. – Одежду!

Он еще одевался, когда вошел Непобедимый, мрачнее грозовой тучи. Теперь Эль-Мюрид его вспомнил – то был его фаворит среди Непобедимых, один из самых лучших и преданных людей, а также, скорее всего, один из высших членов братства харишей.

– Моваффак, брат мой. Рад снова тебя видеть.

Хали остановился в нескольких шагах от него:

– Приношу свои извинения, повелитель. Я бы тебя не побеспокоил, если бы речь не шла о катастрофе.

Сухие губы Эль-Мюрида изогнулись в натянутой усмешке.

– Катастрофе? Что на этот раз?

– Слухи подтвердились. Абуд снова нанял Хоквинда.

В душе Эль-Мюрида все сжалось, и он изо всех сил пытался не показать страха. В Вади-эль-Куфе его побили как последнего пса, наполнив душу ужасом, о чем он не мог вспоминать без дрожи.

– Хоквинда? – прохрипел он.

– Я видел их собственными глазами, повелитель. Я вел Четвертый отряд через ущелье между Эль-Асвадом и Большим Эргом, и разведчики донесли о появлении большой группы

чужаков. Я послал вперед батальон и вступил в короткий бой, но они прогнали нас прочь с такой же легкостью, как если бы отгоняли мух.

Перед глазами Эль-Мюрида возникли беспорядочные воспоминания о Вади-эль-Куфе, лишая способности ясно мыслить. Хали воспринял молчание как ожидание дальнейших подробностей.

– Их было около тысячи, повелитель, включая тяжелую конницу и большой обоз. Они, очевидно, собрались вести долгую кампанию. Мои патрули сопровождали их, пока они не вошли в Эль-Асвад, но я мало что сумел выяснить. Их колонну охраняла лучшая легкая конница Абуда. Надеюсь, наши шпионы в Восточной крепости сообщат больше.

Не в силах осознать услышанное, Эль-Мюрид наконец прохрипел:

– Это в самом деле был Хоквинд? Ты уверен?

– Я был в Вади-эль-Куфе, повелитель. Я не забыл его знамена.

– Я тоже, Моваффак. Я тоже. – Потрясение постепенно проходило. – Значит, Абуд достаточно напуган, чтобы нанять чужаков. Почему, Моваффак? Потому что Бичу Господнему хватает безрассудства, чтобы оборонять Хаммад-аль-Накир от троенских набегов?

– Вряд ли, повелитель. Думаю, король хочет мести, – напряженно проговорил Хали. Он, несомненно, на что-то намекал.

– У Абуда есть особый повод желать нам зла? Помимо желания продолжать свою династию тьмы?

– В том-то и суть, повелитель. Никакой династии быть не может. После смерти принца Фарида не осталось наследников, кроме Ахмеда. Как наши друзья, так и роялисты считают Ахмеда некоей дурной шуткой.

– Фарид умер? Когда?

– Давно, повелитель. Сам Карим ему в том помог.

– Так это дело наших рук? Карим? То есть его послал Бич Господень? – Он не слышал об этом ни слова. Почему от него утаили неприятное известие? – Чем еще занимается Насеф? Чего еще я не знаю?

– Он истребляет род Квесани, повелитель. В основном с помощью Непобедимых. Но возможно, он счел убийство Фарида чересчур важной задачей, чтобы поручить ее кому-либо, кроме личного наемного убийцы.

Эль-Мюрид отвернулся, пытаясь скрыть гнев на Насефа и недовольство политиканством Хали. Непобедимые ненавидели Насефа, будучи уверенными, что он тот самый бандит, каким объявляли его роялисты.

– Бич Господень где-то возле Троеса. У него и без того хватает дел.

– Это задача для Непобедимых, повелитель.

– У нас столь много тех, кому больше нечем заняться, Моваффак? Как бы я ни ненавидел валига, его уничтожение – далеко не первое в списке неотложных дел.

– Повелитель...

– Этим займется твое братство, Моваффак. Эль-Надим – в долине. Пришли его ко мне.

– Как прикажешь, повелитель, – мрачно проговорил Хали.

Он хотел возразить против того, чтобы доверить столь важную задачу приспешнику Насефа, но передумал и, поклонившись, вышел.

Эль-Мюрид устало поднялся. К нему уже спешил слуга, протягивая руку, но Ученик лишь отмахнулся. Теперь он знал, что никогда уже не будет прежним: Вади-эль-Куф преждевременно его состарил.

В нем закипала злость. Юсиф! Хоквинд! Они украли у него молодость. Никакие года не могли смягчить гнев. Он должен был их уничтожить. Оба сейчас оказались в одном месте – все яйца в одной корзине. Он был терпелив, и Господь его вознаградил. Орел спустится с неба и растерзает добычу.

Один сокрушительный удар – и пустыня освободится. На этот раз никаких сомнений насчет Эль-Асвада не возникнет, несмотря на войну с Троесом.

Ногу пронзила боль – лодыжка так до конца и не зажила. Он взмахнул руками, чтобы удержаться, и у него заболело когда-то сломанное предплечье. Эль-Мюрид застонал. Почему кости не заживают? Почему не перестают болеть?

Слуга подхватил его, не дав упасть, и попытался препроводить к трону.

– Нет, – сказал он. – Отведи меня к жене. Пусть эль-Надим придет туда.

Забрав мужа у слуги, Мерьем проводила его к большой подушке и помогла лечь:

– Опять твои раны?

Он привлек ее к себе и крепко обнял:

– Да.

– Опять злился? Когда ты злишься, становится только хуже.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, женщина.

– Что на этот раз?

– Ничего. Все. Слишком много всего. Ссора между Непобедимыми и солдатами. Насеф снова строит планы. Абуд посылает наемников, чтобы укрепить Эль-Асвад.

– Нет...

– Да. Целую тысячу. Под командованием Хоквинда.

– Того самого?

– Из Вади-эль-Куфа. Да. Некоторые говорят, он самый выдающийся тактик нашего времени.

– Значит, нам грозит опасность?

– Конечно! – бросил он. – Ты можешь представить, чтобы у Юсифа было подобное оружие и он им не воспользовался? – Он весь дрожал от страха, в который корнями уходил его гнев. Ему требовалась поддержка, помощь, чтобы развеять сомнения. – Где дети? Мне нужно увидеть детей.

Когда появился эль-Надим, он уже несколько успокоился.

Генерал выглядел столь же непривлекательно, как и все жители пустыни. Как и у всех приспешников Насефа, происхождение его было достаточно подозрительным. Непобедимые говорили, что он начинал вором-карманником, а затем перешел к более темным делишкам. Для Ученика он представлял загадку – в отличие от других приближенных Насефа, он не отличался командирским гением и, если верить скудным донесениям, был истинно верующим. Тем не менее он оставался фаворитом Насефа, которому тот доверял задачи, требовавшие не столько воображения, сколько точного исполнения приказов.

– Ты звал меня, повелитель?

– Сядь. – Ученик взглянул на посетителя. – У меня для тебя есть задание.

– Повелитель?

– Слышал новость? Что король посылает наемников в Эль-Асвад?

– Ходят такие слухи, повелитель. Говорят, их командир – Хоквинд.

– Так и есть. – Эль-Мюрид поморщился от внезапной боли. – Тысяча наемников и Хоквинд. Наверняка ты понимаешь, насколько это опасно.

Эль-Надим кивнул:

– Для валига удачное время, повелитель, – Бич Господень сейчас далеко, сражается с проклятыми троенцами.

– Я хочу победить Юсифа его собственным оружием. Выйти и встретить его.

– Повелитель? Боюсь, что...

– Я знаю все аргументы. Я размышлял над ними с тех пор, как пришло известие. Скажи мне вот что: насколько крупное войско мы сможем собрать, если отзовем все наши пат-

рули, лишим Себиль-эль-Селиб гарнизона, призовем необученных новобранцев и вооруженных рабов, готовых сражаться в обмен на свободу? А что есть у тебя?

– Три тысячи. Может, четыре. В основном пеших. Вряд ли у них будет много шансов против конницы Гильдии.

– Возможно. Сколько из них конных ветеранов?

– Не больше трети, повелитель. И здешние гарнизоны состоят из стариков.

– Да, Бич Господень постоянно забирает лучших защитников Себиль-эль-Селиба. Собери разведчиков и диверсантов. Посмотрим, сколько людей ты сможешь вооружить.

– Ты все-таки настаиваешь, повелитель?

– Вовсе нет. Я настаиваю на том, чтобы оценить возможности. Не следует принимать решение, пока мы не поймем, сколько сил сможем собрать. Иди.

– Как прикажешь, повелитель.

Когда эль-Надим ушел, рядом с Эль-Мюридом села Мерьем.

– Разумно ли это? – спросила она. – В прошлый раз, когда ты поступил вопреки своим командам...

– Я не собираюсь поступать кому-либо вопреки. Возможно – слегка их расшевелить. Изложить свои предложения. Но если здравый смысл подскажет им, что дело закончится катастрофой, – я не стану возражать.

– Ты хочешь повергнуть Юсифа и Хоквинда в такое же замешательство, в какое они повергли тебя?

Он вздрогнул – эта женщина обладала сверхъестественными способностями проникать в его душу, касаясь тайной истины, которую он сам в полной мере не осознавал.

– Ты слишком хорошо меня знаешь.

Улыбнувшись, Мерьем обняла его и прижалась щекой к груди:

– Как может быть иначе? Мы же вместе выросли.

– Мне так хотелось бы наконец найти отдохновение от своих трудов, – улыбнулся Эль-Мюрид.

– Пока силы зла не знают отдыха, не будет его и у нас, как сказал Ученик по случаю своего возвращения после величайшей катастрофы. Не сдавайся.

Приблизившись к Малахитовому трону, эль-Надим поклонился и бросил взгляд на прислуживавших Ученику Непобедимых. Лицо его было бесстрастно.

– Я собрал всех, кого мог, повелитель.

– Сколько?

– Три тысячи восемьсот. Можем собрать еще две тысячи, если подождем прибытия гарнизонов из ближайших прибрежных городов, о чем я отдал приказ. Но к тому времени, когда они к нам присоединятся, будет уже слишком поздно. Валиг не станет ждать, когда мы завершим подготовку. Скоро он воспользуется новыми силами.

Эль-Мюрид взглянул на Моваффака Хали. Тот кивнул. В приготовлениях эль-Надима невозможно было найти ни малейшего изъяна, находить которые Моваффак любил и умел. Эль-Надим стоял не дрогнув, хотя знал, что за каждым его движением тщательно наблюдают.

– Что насчет моих предложений? – спросил Эль-Мюрид.

– Они вполне осуществимы, повелитель. – Эль-Надим не смог скрыть удивления, что повелитель увидел военный потенциал, на который не обратили внимания его капитаны.

– Вопрос теперь в том, насколько быстро валиг перейдет в наступление, повелитель, – сказал Хали.

– Что насчет людей? Мы выкопали все до дна, вплоть до самых отбросов. Смогут они устоять в сражении?

– На этот вопрос можно ответить только в бою, – пожал плечами эль-Надим. – Хотя я боюсь ответа.

– Моваффах?

– Ты слишком многого требуешь. У них есть вера, но нет уверенности в себе. Их удержит вместе лишь быстрый успех с самого начала.

Эль-Мюрид сошел с трона и дохромал до сокровищницы, где лежал ангельский амулет. Схватив амулет обеими руками, он поднял его над головой. Зал осветился ярким сиянием драгоценного камня.

– На этот раз, господа, кулак небес ударит вместе с нами. Никакого Вади-эль-Куфа не будет.

Он увидел сомнение и недовольство на лицах: ни эль-Надим, ни Хали не хотели брать его с собой, опасаясь, что он станет скорее обузой, чем помощью. Но и случившейся в долине Вади-эль-Куф драмы они тоже не видели. Для них амулет был скорее символом, чем реальностью, никак не проявившим себя в деле.

– Никакого Вади-эль-Куфа не будет, – повторил он. – И я не стану обузой. Я не буду отменять ваших приказов и вмешиваться в ваши действия. Я буду солдатом. Просто оружием.

– Как пожелаешь, повелитель, – без особого восторга ответил эль-Надим.

– Значит, попытаемся? – спросил Эль-Мюрид.

– Либо мы сразимся с ними здесь, либо там, повелитель, – ответил эль-Надим. – Там у нас будет преимущество из-за неожиданности.

– Тогда хватит болтовни и переходим к делу.

Местность была дикой и безлюдной. По ней словно прокатился хаос, завалив холмы опасными каменистыми осыпями. Эль-Надим остановился на восточном краю белой равнины – единственного напоминания о древнем соленом озере, вдоль южного края которого тянулась дорога в Себиль-эль-Селиб. Генерал приказал разбить лагерь, а сам поехал вперед с Учеником, Хали и телохранителями Ученика, чтобы взглянуть на солончак.

– Ты был прав, повелитель, – помолчав, заметил он. – Хорошее место для встречи с ними.

Спешившись, Эль-Мюрид присел, поклонился палец, дотронулся до соли и лизнул:

– Как я и думал. Соль тут не добывали, потому что она плохая. В ней яд.

На мгновение нахлынули воспоминания детства, но он тут же отбросил их прочь. Сын торговца солью был совсем другим человеком, с которым его ничего не связывало, кроме памяти.

Он огляделся. Холмы были не столь высоки, как он представлял, и не столь богаты растительностью. А поверхность озера выглядела слишком подходящей для западной конницы. Эль-Мюрид высказал сомнения.

– Будем надеяться, что они увидят лишь то, что можно увидеть, повелитель, – ответил эль-Надим. – Они побьют сами себя.

Хали озадаченно взглянул на него, но ни о чем не спросил. Эль-Надим не стал его просвещать, и Эль-Мюрид подозревал, что он преднамеренно темнит. Когда осядет пыль, Непобедимые уже не смогут утверждать, будто каждая победа – их заслуга.

Они продолжали двигаться на запад. На дальнем краю озера эль-Надим сказал Хали:

– Выбери пятьсот Непобедимых и спрячься после захода солнца среди тех скал. Идите по противоположному склону, чтобы не оставлять следов. Возьмите с собой воды на пять дней. Не показывайтесь, пока пехота Гильдии не подойдет к моим позициям.

– А если не подойдет? – спросил Хали.

– Тогда мы все равно победим. Им придется или отступать, или прорываться. У них не будет воды, чтобы переждать нас. Так или иначе, мы спутаем им все планы.

Эль-Мюрид не скрывал тревоги: если у них ничего не получится, позор падет на него. В случае же успеха все заслуги соберет эль-Надим, что казалось ему нечестным. Он слабо улыбнулся, – похоже, он становился ничем не лучше своих последователей.

– Наши разведчики сообщают, что войско уже выступило, – заметил Хали. – Вряд ли нам придется долго ждать.

– Прекрасно. – Эль-Мюрид взглянул на солнце. – Время для молитвы, господи.

Хоквинд и валиг добрались до западного края солончака к середине следующего дня. Всадники Непобедимых перекрыли дорогу и вступили в схватку с конниками Юсифа, пока проялисты не разбили лагерь.

В лагере все были уверены в победе. Войско валига было многочисленнее и лучше. Он проявлял лишь необходимую осторожность, чтобы не допустить ночной атаки.

Эль-Мюрид в схватке не участвовал. Эль-Надим выделил ему небольшое войско, размещенное далеко к западу от войска Хали, там, где между крутыми холмами извивалась дорога к соленому озеру. Ученик подозревал, что генерал хочет попросту убрать его подальше, хотя его сопровождающие были сливками Непобедимых.

В ту ночь он не спал, не в силах отогнать призрак Вади-эль-Куфа, – хотя их нынешняя вылазка была далеко не столь масштабной, последствия ее могли оказаться куда разрушительнее. Себиль-эль-Селиб оставался уязвимым до прибытия войск с побережья и мог пасть под небольшим напором. Эль-Мюрид был вне себя от ужаса, понимая, что слишком многое поставил на единственный бросок костей. Но отступать было поздно.

Он молился часто и истово, прося Господа о помощи в самый отчаянный час.

Эль-Надим поднял солдат до рассвета. Пока они ели холодный завтрак, он обратился к ним со страстной речью, объявив, что все будущее движения зависит от их отваги. Затем он выстроил пехоту вдоль края озера, расположив всадников с флангов. Вперед он послал добровольцев из числа рабов, снабдив их не только оружием, но и лопатами. Когда наступил рассвет, его войско было уже на месте. За спинами поднимался легкий утренний ветерок.

– Поддержите боевой дух своих людей, – сказал он офицерам. – Подайте личный пример. Если Всевышний призовет нас сегодня к себе – умрем лицом к лицу с врагом.

То же самое он сказал солдатам, но велел им быть готовыми убить любого офицера, забывшего об отваге.

– Ветер поднимается, – сказал он командирам конницы. – Начинаем.

Несколько мгновений спустя всадники начали ездить вперед и назад перед линией пехоты. С запада подул наполненный щелочной пылью ветер. Вдали послышались горны и барабаны – враг выстраивал ряды. Эль-Надим улыбнулся – валиг решил бросить ему вызов. Послюнив палец, он подставил его под ветер – тот оказался не столь сильным, как он надеялся. Пыль несло не так густо, как он рассчитывал.

– Трубите в трубы, – бросил он. – Поторопите их.

Послышался трубный звук. Конники перешли на рысь, вздымая больше соленой пыли. Эль-Надим повернулся. Солнце поднималось над низкой далекой горой, светя в глаза противнику.

Он взглянул в расположение войск валига. Пехота Гильдии – в центре, легкая конница – с флангов и с тыла, и тяжелая кавалерия – готовящаяся к первой атаке, вполне достаточной, чтобы смять его ряды. Что ж, неплохо. Они поступали очевидным образом, именно так, как он хотел.

Ветер больше не усиливался.

– Трубите в трубы! Поторопите их еще раз! Гонец, прикажи рабам начать копать!

Рабы-добровольцы взмахнули лопатами, вздымая к небу мелкую соленую землю. Пыли в воздухе стало еще больше. «Пусть надышатся, – подумал эль-Надим. – Пусть у них пересохнет горло и жжет глаза. Пусть им больше всего на свете захочется пить. – Он оглянулся. Солнце уже взошло. – Пусть подойдут поближе к раскаленной белой глади. Пусть люди в железе наполовину ослепнут...»

– Они идут, генерал, – объявил адъютант.

Вдали послышался барабанный бой. Под копытами устремившихся вперед всадников за клубилась пыль.

– Отходим, – приказал эль-Надим. – Пусть сами похоронят собственную пехоту.

Зазвучали барабаны. Конница передвинулась к флангам. Рабы-добровольцы отошли с передовой, образовав резерв.

Враг наступал, сверкая сквозь пыль доспехами под отважно развевающимися знаменами.

– Ты велик, Хоквинд, – пробормотал эль-Надим. – Но даже тебя может подвести чрезмерная уверенность в себе.

Сердце его колотилось в груди. Все шло именно так, как он хотел. Но будет ли этого достаточно?

Легкая конница валига последовала за тяжелой кавалерией, готовая обрушиться на рассеявшуюся, охваченную ужасом пехоту, оставшуюся в тылу атаки Хоквинда. Обе волны перешли на галоп. Враг преодолел две трети пути через высохшее озеро и угодил в ловушку эль-Надима – ловушку, которую предложил сын торговца солью.

Ловушка эта не была рукотворной – ее создала сама природа. В самом глубоком месте старого озера осталось немного воды, скрытой под коркой из соли и мусора. Глубина ее составляла не больше двух футов, но этого вполне хватило.

Атакующие кони, уже не слишком уверенно бежавшие по пыльному озеру, достигли воды и проломили корку. Наступление захлебнулось. Многие лошади упали или сбросили всадников. Легкая конница Юсифа налетела сзади, усилив всеобщее замешательство.

Эль-Надим дал сигнал наступать. Его солдаты ворвались в гущу хаоса. Часть ветеранов бросилась вперед, подрезая сухожилия лошадям и приканчивая выброшенных из седла всадников. Конники эль-Надима окружили людей Юсифа, атакуя их с флангов.

Враг был разбит. Всадники эль-Надима погнали его назад, убивая десятками, а затем вернулись на свои места с флангов пехоты, издавая победные кличи.

– Рано радуетесь, – пробормотал генерал. – Худшее еще впереди.

Историки впоследствии объявят, что сражение закончилось вничью, при почти равных потерях. Но солдаты Гильдии были отброшены, лишившись возможности провести новую массированную атаку.

Эль-Надим отошел от соленой лужи.

– Воды всем, – приказал он. – Лошадям тоже. Офицерам – выровнять строй. Каждый должен находиться на своем месте. Приготовить копья. Рабам-добровольцам – вперед с лопатами.

Ветер усилился. Солнце превратило поверхность озера в сверкающее зеркало, над которым поднималось море. Эль-Надим сомневался, что враг его видит.

– Ну, давай же, Юсиф, – пробормотал он. – Не тяни.

Валиг решил атаковать, прежде чем пыль и жара полностью выведут из строя его людей. Пехота Гильдии начала наступать.

– Теперь посмотрим. – Эль-Надим переместился к краю лужи.

Когда враг оказался в пределах досягаемости, он велел метнуть копья. Солдаты Гильдии приняли их на щиты, почти не пострадав. Но копья упали в воду, наполовину всплыв и путаясь в ногах. Строй Гильдии становился все более неровным. Рабы-добровольцы с помощью пращей швыряли камни над головами товарищей, еще больше подрывая моральный дух врага.

– Давай, Хали, – пробормотал эль-Надим. – Пришло твое время.

Вдали среди скал возникла белая масса, которая устремилась на лагерь, коней и резервы противника. Непобедимые были в меньшинстве, но им помогал фактор неожиданности. Они прогнали большую часть лошадей и прикончили сотни ничего не ожидавших воинов, прежде чем Юсиф отправил их обратно в укрытие в скалах.

Эль-Надим был доволен. Все шло точно по плану, и еще оставалась угроза атаки с тыла. Но солдаты Гильдии уже выбирались из соленой лужи, а его собственные люди были готовы бежать. Он помчался галопом вдоль шеренг с тыла, крича:

– Держитесь! Жажда – наш союзник!

Ряды столкнулись. Его солдаты отступили на шаг, но затем остановились. Лишь немногие лишились былой смелости, и он загнал большинство обратно в строй, нанося удары плашмя клинком.

Солдаты Гильдии проявляли обычную для них стойкость. Если бы не жара, бьющее в глаза солнце, едкая пыль и жажда – силы были бы полностью неравны. Те, кому пришлось преодолевать самую глубокую часть лужи, теряли силы. Линия щитов распалась, и воины никак не могли вновь ее восстановить. Эль-Надим галопом помчался к добровольцам-рабам, приказав половине усилить собой эту часть фронта.

На врага обрушились копья и камни. Войска эль-Надима наступали, давя своим весом. Строй Гильдии выгнулся. Эль-Надим дал знак коннице.

Большинство вступило в схватку с людьми валига, все еще сражавшимися с Непобедимыми Хали. Небольшая горстка пересекла линию Гильдии, атакуя резервы Хоквинда и его самый нестойкий отряд.

Постепенно в рядах наемников образовалась щель. Эль-Надим радостно взревел и, собрав остатки резервов, бросился в бой.

Эль-Мюрид пытался наблюдать за сражением с отдаленной возвышенности, но мало что мог понять в пыли и жарком мареве. И тем не менее ему казалось, что все идет как надо. Он собрал офицеров и отдал приказ. Те начали приготовления.

Солдаты Гильдии сражались, как всегда, отважно, даже терпя поражение. Эль-Надим не сумел обратить их в бегство, но прогнал обратно в лагерь. А затем сделал передышку, чтобы дать отдых своим людям и напоить лошадей.

Победители смеялись и поздравляли друг друга, хоть и были основательно потрепаны. Они разбили войска самого Хоквинда! Эль-Надим отвел их на прежние позиции и попытался спровоцировать врага еще на одну попытку, но Хоквинд и валиг предпочли отступить. Один отряд Гильдии сдерживал Хали, пока основные силы уходили на запад.

В сумерках к Эль-Мюриду подошел какой-то человек:

– Они идут, повелитель. Эль-Надим заставил их отступить.

– Господь велик. – Ученик не смог сдержать улыбку. – Прекрасно. Пусть об этом знают все.

Темноту заполнил стук копыт и топот сапог. Ученик опустился на колени, чтобы помолиться, и тут же ощутил горечь разочарования – под ним прошло лишь небольшое подразделение, скорее всего авангард. Следовало дожидаться главных сил...

Наконец время настало. На какое-то мгновение его охватил ужас – вновь нахлынули воспоминания о той лисьей норе. Никогда больше. Ни за что. Даже ради Всевышнего...

Вскочив, он закричал что было силы:

– Есть лишь один Господь, и это наш Всевышний! Приди же ко мне, ангел Господень!

Амулет вспыхнул, осветив склон. Эль-Мюрид резко опустил руку, и в стены каньона ударила молния. Во все стороны полетели каменные глыбы, словно игрушки в руках избалованного ребенка. Земля содрогнулась и затряслась. Дальний склон протестующе застонал, а затем обрушился.

Грохот падающих камней заглушил доносившиеся снизу крики. Когда все смолкло, Эль-Мюрид приказал Непобедимым спуститься и прикончить выживших.

Он сел на камень и зарыдал, дав выход всем страхам, мучившим его много дней.

11

Удар молнии

– Ну, давай же, Рескирд. Ты всех задерживаешь.

Гарун наклонил голову – говорил тот парень по имени Браги. Юноши-северяне постоянно спорили, и еще больше с тех пор, как их отряду пришлось отступать. Парня по имени Рескирд ранило, и друзья безжалостно его бранили, помогая идти.

Лязг оружия в арьергарде стал громче. Солдаты Ученика, похоже, полностью обезумели, радуясь успеху. Отстать бы и пустить в ход свои умения шагуна... Но отец настоял на том, чтобы Гарун оставался с подопечными из Гильдии.

Вражда между северянами его раздражала. Он спешился:

– Посадите его на мою лошадь. Тогда вам не придется его тащить.

– Этот придурок, похоже, никогда не учился ездить верхом, – буркнул парень по имени Хаакен. – Хоть раз сидел на лошади, Рескирд?

– По крайней мере, знаю, где у нее задница, – столь же язвительно бросил Драконобой.

Склон на юге осветился ярким сиянием. Раздался чей-то крик, но слов Гарун не расслышал. А затем ударила молния, и на колонну обрушился град камней. Лошади заржали, встали на дыбы, заметались. Закричали люди. Замешательство быстро переросло в панику.

Самообладание наконец вернулось к Гаруну. Обратившись к свету, он забормотал заклинание. В грудь ему ударил камень величиной с кулак, налетел порыв ветра. Он почувствовал, как трещат кости, и нахлынула волна боли. Чьи-то руки подхватили его, не дав упасть. Он застонал, а затем наступила тьма.

Низко на востоке висел лунный серп. Гарун ничего больше не видел, и все вокруг было словно в тумане.

– Он приходит в себя, – послышался голос кого-то из северян.

Заставив себя сосредоточиться, он повернул голову. Братья сидели рядом с ним. Рука Хаакена висела на легкой перевязи, и весь он, казалось, покрылся запекшейся кровью. Гарун различил и другие силуэты молчаливых людей.

– Что случилось?

– Какой-то чародей обрушил на нас гору, – ответил Браги.

– Это я знаю. А потом?

– Мы взвалили тебя на лошадь и бросились на чародея как раз в тот миг, когда нас атаковали его люди. Нам удалось пробиться, и мы оказались здесь, с генералом. Другие еще подходят. Твой отец ищет потерявшихся.

– Насколько все плохо?

Наемник пожал плечами – он еще сам не до конца пришел в себя. Собственно, все вокруг выглядели подавленными и угрюмыми. Похоже, дело действительно было плохо – рушились все надежды, возложенные на Гильдию.

Гарун попытался встать, но Хаакен заставил его снова лечь.

– У тебя ребра сломаны, – проворчал он. – Ты себе дыру в легком проделаешь.

– Но мой отец...

– Сядь на него, – посоветовал Браги.

– Твой старик до этого как-то без тебя обходился, – заметил Хаакен.

Гарун снова попытался встать, и грудь его пронзила острая боль. Побороть ее он мог, лишь лежа не шевелясь.

– Вот так-то лучше, – сказал Браги.

– Вам удалось пробиться? Через Непобедимых? – Он смутно вспомнил лязг оружия и силуэты в белом.

– Они не настолько круты, когда не верхом, – ответил Хаакен. – Спи. Если будешь волноваться, лучше тебе точно не станет.

Сам того не желая, Гарун последовал совету, впрочем его тело требовало того же.

Когда он проснулся, над ним стоял Юсиф с забинтованной левой рукой. Одежда его была порвана и покрыта кровью. С ним был Фуад, похоже невредимый, но Гаруну не хотелось смотреть на дядю. Отец устало допрашивал солдат Гильдии с помощью переводчика Мегелина Радетика.

Отец выглядел столь старым, столь усталым, столь полным отчаяния...

– Мегелин! – прохрипел Гарун, радуясь, что судьбе было угодно сохранить старику жизнь. Его смерть стала бы окончательной катастрофой.

Присев, отец сжал его плечо со всем чувством, какое только мог позволить себе мужчина. Потом дела позвали его куда-то еще, но Мегелин остался. Сидя скрестив ноги, он о чем-то тихо говорил. Гарун понимал лишь треть услышанного. Похоже, старый ученый рассказывал об экономических силах одного западного королевства, преднамеренно игнорируя все нынешние беды. На Гаруна вновь навалился сон.

Когда он проснулся, солнце уже взошло. Он лежал на покачивающихся носилках. Вокруг были только раненые. Его спасители-наемники куда-то исчезли.

Появился Мегелин, которого подозвали носильщики.

– Где все, Мегелин?

– Те, кто способен сражаться, пытаются задержать погоню.

– Она близко?

– Очень. Они чувствуют кровь. И хотят с нами покончить.

Но сэр Тури Хоквинд, даже потерпев поражение, проявил себя еще более впечатляюще, чем сэр Тури Хоквинд – победитель. Побежденная колонна целой и невредимой добралась до Эль-Асвада.

Врачи вправили и перевязали ребра Гаруна. Вопреки их советам, он вскоре поднялся на ноги, пытаясь осознать всю чудовищность катастрофы. Потери составили две трети войск. Большинство погибли во время обвала и последовавшей атаки.

– Но все это уже история, – сказал отец. – Теперь враг у ворот, а у нас не хватает солдат, чтобы поставить на стены.

Это действительно было так. Эль-Надим преследовал их до самых ворот, и, хотя у него не было достаточных сил для осады, он все же начал к ней готовиться. Разбил укрепленный лагерь

и строил осадные машины. Его солдаты копали ров и возводили баррикады вдоль дороги. Все это походило на первый шаг к окружению замка.

– Что они замышляют? – спросил Гарун Мегелина. – Три тысячи солдат не смогут захватить Эль-Асвад.

– Ты забыл, что для истинно верующего нет ничего невозможного, – мрачно ответил Радетик.

– Но как?

– Вспомни ночную атаку.

– Молния... чародей, который обрушил гору. Но Эль-Мюрид терпеть не может колдовство!

– Верно. Но есть одно колдовство, которое вплетено в его легенду. Последний раз оно случилось вскоре после того, как он выбрался из пустыни.

– Амулет, который, как он утверждает, дал ему ангел? Я думал, это все выдумки.

– Но оно случилось. Судя по всему, он решил воспользоваться им снова. Полагаю, наши стены станут его следующей целью.

– Эль-Мюрид сейчас там?

– Да.

– Тогда отец должен устроить вылазку. Если мы его убьем...

– Ничто не доставит им большего удовольствия, чем подобная попытка.

– Но...

– Я обсуждал это с твоим отцом и генералом Хоквиндом. Они решили пожертвовать Эль-Асвадом. Пусть ломают стену. В ближнем бою амулет будет бесполезен.

Гаруну подобная стратегия не понравилась – она слишком зависела от ожидаемого поведения противника и от того, получит ли тот подкрепление. Но возражать он не стал. У него появились кое-какие идеи, и ему не хотелось, чтобы Мегелин о них догадался.

– Ты спрашивал отца про тех парней из Гильдии?

– Упомянул. Он обещал что-нибудь сделать, когда будет время.

Гарун удовлетворенно кивнул. Браги и Хаакен спасли ему жизнь, и они заслуживали награды.

– Спасибо.

– Ты закончил упражнения по геометрии? – Радетик не знал жалости.

Перерыв в учебе не предусматривался даже на период выздоровления.

– Я был занят...

– Занят тем, что притворялся больным? Возвращайся к себе и не выходи, пока не найдешь решения, которые сможешь доказать.

– Вон идет тот старик, – сказал Хаакен.

Браги повернулся, глядя, как Мегелин Радетик пробирается вдоль стены, останавливаясь, чтобы поговорить с каждым солдатом.

– Он тебе слегка не напоминает нашего деда?

– Не спускай глаз с тех придурков, – предупредил Хаакен. – Иначе Сангвинет тебя живьем сожрет.

О поражении отряда новобранцев в бою никто ничего не говорил. Никого не наказали и не отправили на тяжелые работы. Ходили слухи, будто Хоквинд не имел к новобранцам никаких претензий, учитывая местность и сопротивление, с которым они столкнулись.

Ветераны, однако, считали иначе. Пострадала репутация их генерала, и погибли сотни товарищей. Их не волновало, что соленая вода оказалась глубиной по колено и новобранцы приняли на себя главный удар войска Эль-Мюрида. Ветераны видели, что в живых новобранцев осталось больше, чем бойцов любого другого отряда, и это их нисколько не радовало.

Радетик остановился возле юношей, опершись о зубец стены. Внизу тяжело трудились люди эль-Надима.

– Уверены в себе, словно муравьи, да?

– Возможно, у них есть на то причины, – буркнул Хаакен.

Браги не ответил. Он не знал, как относиться к старику, – Радетик был здесь важной персоной, но редко вел себя соответственно.

– Как Гарун? – все-таки спросил он.

– Поправляется. Валиг передает вам привет. Он лично поблагодарит вас, когда у него выпадет свободная минута.

– Ладно.

– Что-то не слышу особого восторга. Он щедрый человек, и Гарун – его любимый сын.

– Единственное, что может вызвать у меня восторг, – возможность отсюда убраться.

– Гм? – задумчиво пробормотал Радетик.

– Тут жарко, сухо и ничего нет на мили вокруг.

– Я бы отдал все свое состояние за приличное дерево. Порой я чувствую себя точно так же. – Радетик похлопал Браги по плечу. – Скучаешь по дому, парень?

Браги хотел было возмутиться, но вместо этого вдруг выложил всю свою историю. Радетик с интересом его слушал, иногда потирая плечо, когда тот запинался. Как бы Браги ни пытался убедить всех в обратном, он действительно тосковал по дому. Он оставался мальчиком, вынужденным взять на себя роль мужчины. И ему не хватало его народа.

Браги поделился переживаниями по поводу понесенного поражения. Радетик снова похлопал его по плечу:

– Стыдиться нечего. Генерал удивлен, что вы так хорошо держались. Если кто-то и виноват, то только он сам и валиг. Они повели себя слишком самоуверенно, за что пришлось поплатиться вам, солдатам. Ладно, я лучше пойду.

Браги не понял, что именно сделал старый ученый, но отчего-то вдруг почувствовал себя лучше. Да и Хаакен уже не выглядел столь мрачным.

Вскоре появился сержант Трубачик:

– Лейтенант хочет тебя видеть, Рагнарсон. Руки в ноги!

– Но...

– Пошел!

И Браги пошел. Его била дрожь, хотя жара стояла страшная. «Начинается, – подумал он. – Без последствий точно не обойдется».

Сангвинет расположился на складе рядом с конюшней – темном и заплесневелом, едва освещенном единственным фонарем. Браги постучал по дверному косяку:

– Рагнарсон, сэр.

– Входи и закрой дверь.

Браги послушался, изо всех сил желая оказаться где-нибудь в другом месте. Он пытался убедить себя, что сделал все, что мог, и совершенно не важно, что думают по этому поводу другие. Но на самом деле это было важно, и даже очень.

Сангвинет с полминуты смотрел на него, затем сказал:

– Сегодня утром умер Бердсонг.

– Мне очень жаль, сэр.

– Мне тоже. Он был хорошим человеком. Может, ему не хватало воображения, но отделение вполне на нем держалось.

– Да, сэр.

– Я готовлю доклад. Ты был там. Расскажи, как все случилось.

– Мы пробирались через соленую воду. Ему в локоть попал камень, и он выронил щит, но прежде, чем успел снова его поднять, в край нагрудника угодило копье. Оно вошло под мышку и, видимо, пронзило легкое.

– Ты взял командование на себя?

– Да, сэр. Парни уже привыкли к моему руководству. Еще со времен учебы.

– Кроме него, был еще один раненый?

– Драконобой, сэр: Рескирд нарушил строй, пытаясь добраться до кого-то из солдат противника, и поплатился за недисциплинированность.

– Отделением слева от вас командовал капрал Стоун. Он говорит, вы хорошо держались.

– Я пытался... мы пытались, сэр. Но мы не могли устоять, когда все остальные отступали.

– Да, не могли. Ладно, Рагнарсон. Возможно, у тебя есть задатки командира. Я представляю тебя к повышению. Полуторное жалованье с того дня, как был ранен Бердсонг.

– Сэр? – Ему показалось, будто он ослышался.

– Ты теперь командир отделения. Остается лишь получить одобрение генерала. Возвращайся к своим, капрал.

Несколько мгновений Браги ошеломленно стоял, желая возразить, протестовать... Подобного он совершенно не ожидал.

– Я сказал – свободен, Рагнарсон.

– Да, сэр.

Спотыкаясь, он вышел за дверь и вернулся на свой пост.

– Поздравляю, – сказал Трубачик и заковылял прочь.

– Что случилось? – спросил Хаакен.

Браги попытался объяснить, сам ничего не понимая. Он попросту не считал себя достойным.

Каждый день эль-Надим выстраивал своих людей, демонстрируя готовность к сражению. Каждый день защитники Эль-Асвада отказывались принять вызов. Ничем не отличался от предыдущих и этот день. Эль-Надим приблизился на расстояние выстрела из лука и послал гонца с требованием сдать Эль-Асвад. Валиг отправил того назад с пустыми руками.

Обычно после этого осаждавшие отступали на несколько сотен ярдов и, как только становилось ясно, что ответа не последует, возвращались к работе. Но на этот раз было по-другому. Эль-Надим не стал отступать. Он и Ученик вышли вперед, и Ученик поднял кулак к небу. Его амулет разгорался все ярче, пока Эль-Мюрид не стал напоминать лишь тень человека, охваченного ослепительным пламенем.

Ударил молния. Десятки тысяч каменных глыб подпрыгнули в воздух, обрушившись на Восточную крепость. Молния вспыхнула снова и попала в форт, обороняющий подход, и стены, соединяющие его с главной крепостью. Защитники выпустили град стрел, но ни одна не достигла цели. Из земли продолжал вырастать огненный столб. Открылись ворота преисподней, извергая ярость десятка бурь. Часть стены обвалилась, камни покатались по склону, пропахивая борозды в рядах противника.

Издав боевой клич, Непобедимые устремились вперед, карабкаясь по грудам обломков. Продвигались они медленно – на них со стен летели стрелы, а нагроможденные камни осыпались под ногами.

Собрав войско внутри пролома, валиг позвал на помощь Хоквинда, лучше знакомого с подобного рода боевыми действиями. Ученик и большая часть армии эль-Надима двигались по склону, к западной стороне крепости. Непобедимые добрались до вершины каменной груды и ринулись вниз, под град стрел и копий. Они врезались в солдат валига, рассеяв импровизированный строй Юсифа. Началась резня. Войска Ученика все прибывали – за фанатиками-Непобедимыми последовали обычные солдаты. Один отряд принялся штурмовать ворота. Ученик

вновь призвал гнев преисподней, и молнии обрушились на более высокую и прочную западную стену Эль-Асвада.

Северяне стояли на посту на северной стене главной крепости, там, где она соединялась с западной, вдали от сражения. К ним присоединился Гарун.

– Проклятье, – сказал он. – В уме им не откажешь. Они не дали отцу совершить вылазку.

Ни Браги, ни Хаакен не ответили, погруженные в собственные мысли. В любую минуту они ждали приказа Сангвинета вступить в бой. От каждого удара молнии они вздрагивали, хотя Ученик атаковал далекую от них цель.

Приказа так и не последовало.

Обрушилась большая часть западного крепостного вала.

Хоквинд начал контратаку из отрезанного форта. Подавив там врага, он ринулся на главную крепость, атакуя входящего через западную стену противника. Бой шел среди строений и сараев, без пространства для маневра. Царило полное замешательство и хаос.

Окружив кордоном пролом, Хоквинд постепенно выдавливал захватчиков. Последнего удалось изгнать еще до захода солнца. После дневного боя потери оказались примерно равны с обеих сторон. Защитники начали расчищать обломки и возводить дополнительный барьер позади пролома в западной стене. Форт решили бросить.

Час был поздний, но Браги оставался на посту – сменить его было некому. Хаакен дремал. То же было и по всей стене – каждый второй спал. В ночной тиши раздавались лишь звуки строительных работ.

Из темноты вышел Гарун.

– Завтра они будут отдохнувшими, а мы уставшими, – сказал он. – Отец считает, что завтра, возможно, наступит конец.

Браги мрачно буркнул в ответ. Эль-Надим оказался вполне сообразителен – достаточно было лишь измотать оборону. А поскольку люди валига убедились, что сражаться безнадежно, боевой дух падал и без того.

– Нам нужна помощь, – продолжал Гарун. – Но помощь не придет. Вожди племен нас бросят.

Браги снова лишь буркнул.

– Они встанут на сторону эль-Надима. Пустыня заполнится людьми, готовыми разграбить Эль-Асвад. Нужно что-то делать.

– Твой отец и так делает все, что можно.

– Не все. У меня есть способности, которые он не хочет использовать. Он боится, что я могу пострадать. Я все изменю, если он мне позволит.

– Как?

– Я пришел тебя поблагодарить. За то, что ты тогда сделал.

– Не стоит благодарности. И ты уже говорил мне спасибо.

– Теперь я перед тобой в долгу. Моя семья всегда платит по долгам.

Браги не стал спорить, хотя был невысокого мнения о людской благодарности. Достаточно было вспомнить отца и тана, – пожалуй, никто не был больше в долгу друг перед другом, чем эти двое.

Гарун с рассеянным видом ушел прочь. Их встреча несколько озадачила Браги, и он подумал, что Гаруну не помешал бы опекун. Гарун вернулся через час, принес веревку и маленький черный мешочек.

– Что ты задумал? – спросил Браги, когда Гарун привязал веревку к зубцу стены.

– Собираюсь отплатить Ученику той же монетой.

– Кто тебе приказал? Я не получал приказов насчет того, чтобы ты выбирался наружу.

– Я сам себе приказал. – Гарун сбросил веревку во тьму. – Я вернусь до того, как кто-то меня хватится.

– Проклятье, я тебе не позволю...

Гарун исчез. Браги наклонился вперед:

– Ты сам не знаешь, что делаешь. Посмотри на себя – ты даже по веревке спускаться не умеешь.

– Что за шум? – проворчал проснувшийся Хаакен. – Они уже идут?

– Нет. Это все Гарун. Только что перебрался через стену.

– Позови сержанта стражи. Не стой тут, кудахча, словно старая курица.

– Тогда у него будут неприятности.

– И что? Тебе-то что?

– Он мне нравится.

– Он что, решил сбежать?

– Нет. Он решил добраться до Эль-Мюрида.

Поднявшись, Хаакен уставился в темноту, где скрылся Гарун:

– По-моему, он полный идиот.

– Я пойду за ним.

– Что? Да ты с ума сошел. Тебя повесят за то, что оставил пост. Раз уж он настолько глуп, что решил туда отправиться, – пусть. Зачем совать нос не в свое дело?

Браги задумался. Гарун в самом деле ему нравился, но фантазии парня с легкостью могли его погубить.

– Он там один, Хаакен. Я пойду.

Он поправил оружие, чтобы не мешало спускаться. Вздыхнув, Хаакен последовал его примеру.

– Что ты делаешь?

– Ты думаешь, я отпущу тебя одного? Моего брата?

Браги начал спорить, но Хаакен зарычал на него в ответ. Спор стал настолько ожесточенным, что явились товарищи по отделению, желая выяснить, в чем дело. Мгновение спустя все разговоры были только о том, чтобы пойти вместе с Браги.

Это дало ему некоторую передышку. Одно дело – рисковать собственной шкурой, и совсем другое – вести отделение на непонятную операцию, которую не одобрило бы начальство. Что, собственно, ими двигало? Он точно не знал – но, с другой стороны, он точно так же не знал, почему собрался пойти сам.

– Если про нас узнают, хлопот не оберешься, – сказал он. – Оставайтесь или идите – решать вам. – Схватив веревку Гаруна, он перемахнул через край стены и начал спускаться. На полпути веревка дернулась, и он увидел на фоне звездного неба человеческий силуэт. – Проклятый Хаакен, – пробормотал он и улыбнулся внезапному теплу на душе.

Он присел среди камней у подножия стены, пытаясь вспомнить, как легче всего добраться к лагерю Ученика, и гадая, не примет ли кто-то его за врага, заметив сверху. К нему присоединился Хаакен, затем справа от него приземлился кто-то третий, за ним четвертый и пятый, пока не собралось все отделение.

– Идиоты, – прошептал Браги. – Ладно. Не шумите, если не хотите, чтобы кто-нибудь сверху вас подстрелил.

Он пробирался вперед, пытаясь следовать путем, по которому, вероятно, направился Гарун. Судьба была к нему благосклонна – стража на стене их не заметила. Поняв, что на этот счет можно не беспокоиться, Браги начал больше тревожиться о заставах противника. Он прошел на расстоянии полета стрелы от вражеского лагеря, но Гаруна так и не обнаружил.

– Он тебя одурачил, – сказал Хаакен. – Просто взял и сбежал.

– На него не похоже. Он где-то здесь, готовит какую-то проделку. – Браги обернулся, глядя на крепость с точки зрения противника. Ее огромные неприступные очертания выделялись на фоне звездного неба словно край гигантской зазубренной пилы. Нигде не виднелось ни огонька – строители завершили работу. – Разойдитесь в разные стороны. Подождем, пока что-нибудь не произойдет.

В лагере противника было тихо, лишь за частоколом светились костры. На фоне огня появился силуэт часового.

– Браги! – прошептал кто-то. – Вон там!

– Вижу.

Каменную глыбу на мгновение осветило бледно-фиолетовое сияние, и к ограде лагеря поплыла фиолетовая бусинка, вопреки всем законам устремляясь вверх. Часовой наклонился и свалился со стены, с мягким хрустом ударившись о землю.

– Что тут вообще происходит? – спросил Хаакен. – Это колдовство, Браги. Убийственное колдовство. Пожалуй, нам стоит вернуться.

Браги успокаивающе положил руку на плечо Хаакена. Снова возникло фиолетовое сияние, и очередная бусинка поплыла к лагерю. Еще один часовой свалился с ограды и умер в полной тишине.

Послышался шорох по камню. Пристально взглядевшись, Браги различил скользнувшую к стене тень:

– Это он. Он идет в лагерь.

Браги встал.

– Ты что, тоже туда? – прошептал Хаакен.

– Нет. – Это в любом случае было самоубийством. – Я собираюсь его догнать. Вот только, мне кажется, уже слишком поздно.

12

События ночи

Гарун присел у подножия частокола и прыгнул вверх, вложив в прыжок всю силу юных мышц. Пальцы его нашли опору, и какое-то мгновение он висел, прислушиваясь. Никакой тревоги, никого спешащего в его сторону. Он подтянулся и смог заглянуть за край. В лагере все еще горело несколько костров, вокруг которых сидели немногочисленные люди. Большинство готовили завтрак. Судя по всему, Эль-Мюрид намеревался начать с раннего утра. Часовых поблизости видно не было.

Он подтянулся выше, и часть стены осыпалась, как ему показалось, с невероятным шумом. Стена была сооружена из палок и камней, слепленных влажной глиной, которая теперь засохла и начала рассыпаться. Перекатившись через верх, он свалился на скрытые в тени хрупкие мостки и замер, ожидая тревоги и формируя в голове карту, которую ни за что не забыл бы даже в пылу сражения.

Шума никто не заметил. Как скоро хватятся часовых? Наверняка долго ждать не придется. Десять минут? Времени могло быть в обрез. Прежде чем нанести удар, нужно найти Ученика.

Перед тем как двинуться дальше, он воспользовался мелким заклинанием, отводящим взгляды, — оно делало его, по сути, невидимым, пока сам не совершит какую-нибудь оплошность. Опустившись на землю, он пополз вдоль стены и наконец проник в лагерь под прикрытием теней от палаток. Он прислушался к слабым шагунским чувствам, пытаясь обнаружить Ученика посредством ауры его амулета. Но в итоге ощутил лишь смутное направление к центру — чтобы это понять, никакого волшебства не требовалось. Он пожалел, что слишком мало времени проводил с наставниками, не имел возможности учиться у мастеров и достигнуть большего совершенства. Но ему столько всего требовалось изучить, а на учебу было так мало времени...

Там! В той стороне пульсация амулета была сильнее. Гарун двигался словно пантера, тенью в тени. Приключение вскружило ему голову, и он дал волю фантазии, воображая себя могущественным мстителем. Сколь бы опасным ни было его предприятие, он не боялся — подобное просто не пришло ему в голову. Его бесстрашие было бесстрашием глупца.

Центр лагеря обнаружился на «островке» голой земли, и топать до него надо было ярдов двадцать по открытому пространству. За ними расположились полдюжины палаток под охраной двадцати Непобедимых. Часовые стояли слишком близко, чтобы мимо них можно было проскользнуть.

Гарун не мог определить, какую палатку занимает Ученик. Шло время. В любую минуту могли хватиться пропавших часовых. Нужно было что-то делать.

Сотворив фиолетовую магию, он послал один за другим несколько крошечных смертоносных шариков. Другого выхода не было. Поднимется тревога, начнется всеобщая суматоха, и тогда, возможно, ему удастся подобраться достаточно близко, чтобы совершить задуманное.

Закричал кто-то из Непобедимых – естественно, не из тех, кого коснулась фиолетовая бусинка. Те уже никогда не издадут ни звука. Продолжая сотворять и выпускать смертоносные шарики, Гарун пробирался вперед. Внезапно он оказался лицом к лицу с гигантом в белой одежде, которого не сбило с толку слабое маскирующее заклинание. Сверху со свистом обрушилась кривая сабля. Гарун метнулся в сторону, налетел на низкую палатку и споткнулся, но сумел уползти в тень. Присев, он уставился на Непобедимого. Тот потерял его, но лишь на мгновение. Подняв саблю, он бросился в атаку.

Гарун обнажил клинок.

Лагерь оживал. Слышались крики, вопросы. В кругу, охраняемом Непобедимыми – десятком которых уже свалились замертво, – распахнулись клапаны палаток. Офицеры требовали докладов. Заметив человека, который наверняка был эль-Надимом, Гарун попытался выпустить еще одну фиолетовую бусинку, но гигант снова набросился на него.

Гарун парировал удар – столь сильный, что у него онемела рука. Непобедимый на мгновение оказался беззащитным, но у Гаруна не хватило сил нанести ответный удар. Гигант замахнулся снова, но Гарун успел уклониться, и противник отбил его оружие.

Его противнику что-то кричали. Тот кричал в ответ. Третий удар оказался столь же ошеломляющим, как и предыдущие. На этот раз, когда клинок Гаруна ушел в сторону, сам он выбросил вперед ногу и изо всех сил пнул гиганта, угодив в колено. Тот пошатнулся, и Гарун нанес удар прежде, чем противник опомнился.

Развернувшись, он побежал наперерез, расшвыривая в стороны ошеломленных солдат, и нырнул в тень позади палатки. Палатка оказалась пуста, и он скользнул внутрь.

Замешательство росло. Кто-то кричал, что их атакует валиг. Люди бросились к стене, другие в панике носились туда-сюда. Мало кто пытался искать незваного гостя, убившего стражей Ученика.

Шум удалялся. Выглянув из палатки, Гарун никого не увидел. Выбравшись наружу, он скользнул под покровом тени к палатке Ученика. Теперь он знал, где она.

За спиной вспыхнуло пламя – в панике кто-то разбросал костер. Часть палаток загорелась. Огонь быстро распространялся.

Погибших Непобедимых сменили другие. Гарун выругался. Теперь он никак не мог нанести удар, к которому готовился целый день. Нужно было использовать Силу, пусть ему этого и не хотелось. Он желал, чтобы Ученик увидел приближающуюся смерть, чтобы тот взглянул ему в глаза и узнал мальчика из Аль-Ремиша. Он желал, чтобы тот знал, кто его убьет и за что.

Фиолетового убийцы было недостаточно – он мог прикончить ближайшего Непобедимого, но не прячущегося в палатке человека. Требовалось что-то другое, но в магическом арсенале Гаруна оказалось мало подходящего. Он вновь обругал стечение обстоятельств, не позволившее ему стать полноценным шагуном.

Он выбрал заклинание, вызывавшее симптомы тифа. Тихо прочитал нараспев нужные слова, и, представив себе Эль-Мюрида, каким помнил его по Аль-Ремишу, он выпустил колдовство на свободу.

В ответ послышался мучительный вопль.

Часть Непобедимых бросилась к повелителю. А другая часть – к Гаруну.

– Что за дьявольщина там творится? – спросил Хаакен.

– Не знаю, – ответил Браги. – Но муравейник он точно разворошил.

– Может, надо помочь? Может, если они решат, что на них напали, он сумеет в суматохе выбраться?

Браги в этом сомневался. Он уже списал Гаруна со счетов и теперь раздумывал, стоит ли спешить в Эль-Асвад в надежде, что его еще не хватились. Но наверняка было слишком поздно, так что с тем же успехом он мог пригодиться и здесь.

Из лагеря разбегались люди, спасаясь от бушующего пламени. Панически ржали лошади.

– Ладно, пошли. Всыплем как следует тем, кто пытается сбежать. Эй, лучники, – подстрелите нескольких на стене!

Звуки тревоги разбудили Мегелина. С трудом соображая, он выбрался из своей каморки, волоча меч, который редко использовал. Ночная атака? Этого он не ожидал – для Ученика в том не было никакого смысла. Ему нужно было лишь изматывать обороняющихся, нанося удары вроде вчерашнего.

Он остановился, прислушиваясь. Вокруг с криками носились люди, но не было слышно ни грохота, ни треска ударяющих в крепость молний. Возможно, это все-таки не атака.

Но тогда что?

Добравшись до северного двора, он обнаружил толпы выбегающих из ворот людей. Он схватил за плечо солдата:

– Что происходит?

Тот вырвался, как и следующий, которого он поймал. Никто не хотел терять времени. Радетик устало потащился на крепостную стену.

Лагерь Ученика охватило пламя. Повсюду носились люди и животные. Шло сражение: защитники Эль-Асвада беспорядочной массой обрушились на врага. Происходящее напоминало муравейник.

– До чего же банально, – пробормотал Мегелин, и тут только до него дошло, с чего все началось. – Гарун! Совсем сдурел!

Радетика охватила паника. Его Гарун... Он едва не бросился со стены, спеша вниз. «Это же не твой сын, – удивленно возразил ему внутренний голос. – Его тебе лишь одолжили на время». Но все же сердце его разрывалось от страха, что мальчик погубил себя, следуя неким фантазиям, которые якобы должны были избавить отца от нависшего над ним злого рока.

Браги и его солдаты держались вместе, не давая себя сокрушить людской лавине. Вокруг лежало два десятка тел. Сейчас противник был легкой добычей.

Появилась толпа из крепости, столь же неорганизованная, как и враг, но жаждавшая крови. Вокруг лагеря началась бойня. Браги повел своих людей к воротам, войти в которые оказалось легко: враги попросту разбегались или карабкались на стену. За отделением Браги последовали солдаты Гильдии и воины валига.

Что теперь? Где искать Гаруна? Тому нужен был Ученик. Палатка Эль-Мюрида должна стоять в центре лагеря.

– Туда. Быстрее.

Хаакен остался с солдатами, а Браги побежал направо, огибая костры. Его отделение оставляло за собой след из раненых. Обезумевшие лошади были намного опаснее вражеского оружия.

Найдя не тронутый огнем проход среди палаток, Браги свернул к центру лагеря.

Гарун едва сдержал крик, когда Непобедимые швырнули его на землю к ногам Эль-Мюрида. Он плюнул в их вождя. Стражник ударил его по голове:

– Это отродье валига, повелитель.

– Уверен, Моваффак?

– Тот самый, который напал на тебя в Аль-Ремише.

– Но это же просто мальчишка.

– С тех пор прошло немало времени, повелитель. Похоже, он научился новым шагунским трюкам.

Гарун увидел, как помрачнело лицо Ученика. Сравнив его с тем человеком, которого запомнил, он понял, что вождь выглядит намного старше своих лет.

– Ты проклинаешь меня, но сам прибегаешь к куда худшему колдовству? – Непобедимый снова его ударил. Рот Гаруна наполнился кровью, и он сплюнул на одежду врага. – Пожиратель свиней!

– Ты заблуждаешься. Я не использую колдовство, – с чувством оскорбленного достоинства заявил Эль-Мюрид. – Я призываю могущество Всевышнего, которым наделил меня ангел.

Появился эль-Надим:

– Повелитель, в лагере полный хаос. Пожар разрастается. Солдаты Гильдии уже здесь. Думаю, пора уходить.

Лицо Ученика помрачнело еще больше.

– Нет.

– Повелитель! – бросил Моваффак. – Будь благоразумен. Этот сброд поверг наших людей в панику. Силы врага превосходят наши. Нужно уходить, или мы все погибнем. И поскорее, пока паника не передалась Непобедимым.

– Мы можем собрать выживших по дороге, а потом вернуться, – согласился Эль-Мюрид, переглянувшись с Непобедимым.

Гарун понял, что второй попытки атаковать крепость не будет. Эта ночь истощила их силы.

– Никому из вас не уйти, – прохрипел он. – Вы уже мертвецы.

Это были всего лишь слова. Но он надеялся, что враг все-таки будет уничтожен. Он уже слышал шум сражения.

Лицо Ученика исказила мучительная гримаса. К нему бросились телохранители, не давая упасть.

– Посадите его на лошадь! – рявкнул Непобедимый. – Соберите всех, кто способен сидеть в седле. Если потребуется – скачите галопом. – Он повернулся к Гаруну. – Что ты с ним сделал? – Гарун молчал. Непобедимый ударил его по лицу. – Что ты сделал?!

Гарун заскрежетал зубами, преодолевая боль. Удары сыпались один за другим. Непобедимый безжалостно пытал его, раз за разом повторяя, что боль прекратится, лишь когда он отменит заклятие. Минуты складывались в часы. Боль становилась все сильнее, и лишь упреждение не позволяло Гаруну сдаться.

К ним подбежал другой Непобедимый:

– Они идут сюда!

– Где они? Далеко?

– У меня за спиной.

Капитан рывком поднял Гаруна на ноги:

– Берем его с собой. Повелитель в безопасности?

– Они уходят через дальние ворота, господин. С ними генерал и часть его людей.

– Помоги мне его нести.

У Гаруна не осталось сил, чтобы стоять. Он повис между двумя мужчинами, волоча ноги по земле. Все вокруг расплывалось и двоилось, подсвеченное огнем пожаров. Он понял, что умрет. Они заставят его снять заклятие, а потом убьют. Но страха не было – несмотря на боль, он ликовал.

– Вон он! – крикнул Браги. – Его схватили те, в белых одеждах. Пошли.

Он устремился вперед, подняв над головой окровавленный меч. Один Непобедимый оглянулся, и глаза его округлились. Другой тоже повернулся и, оценив положение, выпустил на миг Гаруна и достал кинжал. Схватив юношу за волосы, он запрокинул его голову, намереваясь полоснуть по горлу.

Браги швырнул меч, и тот ударил человека в белом по плечу, не причинив вреда, но помешав совершить убийство. Браги кинулся Непобедимому в ноги. Хаакен взревел и замахнулся мечом, держа его двумя руками, но человек в белом швырнул перед ним Гаруна. Браги врезался в юношу, и Хаакен их перепрыгнул. Непобедимый подставил ему подножку, бросил сверху оказавшегося рядом солдата Гильдии и умчался в ночь. Товарищи Браги устремились за ним.

– Ну и заварушка, – пробормотал Браги, поднимаясь. – Хаакен?

– Я тут.

– Ты только погляди, как его обработали.

– Он сам напросился. Попробуем соорудить носилки.

– Сам напросился? Да в тебе, похоже, ни капли сочувствия.

– Только не к дуракам.

– Не такой уж он и дурак, если прекратил осаду.

Сражение в лагере угасало. Люди Ученика бежали. Если бы валиг мог организовать погоню, не ушел бы никто. Однако посреди всеобщего хаоса Хали и эль-Надим сумели собрать достаточно людей, чтобы прикрыть отступление Эль-Мюрида.

– Я в долгу перед вами обоими, – прохрипел Гарун.

Браги и Хаакен стояли над ним, разминая затекшие от тяжести носилок мышцы.

– Угу, – проворчал Браги. – Похоже, это входит в привычку.

– Вон идет старик, – прошептал Хаакен.

Тяжело дыша, подошел Радетик, лицо его казалось страшно осунувшимся в свете пожара. Он опустился на колени возле Гаруна.

– Не беспокойся из-за крови, – сказал Браги. – Его крепко избили.

Гарун попытался улыбнуться:

– Мне почти удалось, Мегелин. Я поразил его заклятием. Теперь ему придется пострадать.

Радетик покачал головой.

– Идем, – сказал Браги. – Бери его, Хаакен.

Подъехали двое всадников.

– Отец, – прохрипел Гарун.

– Гарун. – Валиг взглянул на Радетика. – Это он все устроил, Мегелин?

– Да.

Валиг сплюнул сквозь зубы:

– Понятно. – Он задумчиво посмотрел на Браги и Хаакена. – Не те ли это самые парни, что вынесли его из ущелья?

– Те самые. Похоже, делают карьеру.

– Похоже на то. Осмотри раны Гаруна, потом расспроси парней. Когда закончишь, хочу с тобой поговорить.

– Как скажешь.

– Фуад, идем. – Валиг и его брат двинулись туда, где продолжалась суматоха.

– Теперь нам можно идти? – спросил Браги.

– Конечно. – Мегелин взглянул на Гаруна, который не скрывал охватившей его тревоги. – Все будет хорошо, парень. Но ты поступил не слишком разумно. Как и тогда, в Аль-Ремише.

Гарун подавил смешок:

– У меня не было выбора.

– Спорный вопрос. В любом случае все закончилось хорошо – если тебе не выбили все зубы. Надеюсь, случившееся многому тебя научило и ты кое от чего избавился?

– От чего?

– От мятежного духа. От глупости. Ты молод, и впереди у тебя еще много лет, если не растратишь их впустую. А этих ребят рядом может и не оказаться.

Гарун закрыл глаза, его била дрожь. Он действительно повел себя как дурак, бросившись в бой, словно Непобедимый Эль-Мюрида, даже не подумав о том, как будет выбираться. Впереди у него было еще множество завтрашних дней, которых он по недомыслию едва не лишился. И он был в намного большем долгу перед северянами, чем осознавал сам.

Мегелин нахмурился.

– Ну? – спросил валиг.

Радетик посмотрел на Хоквинда. Обветренное лицо генерала оставалось бесстрастным. Он лишь обозначал свое присутствие, не более того. Мегелин взглянул на Фуада. Брат валига кипел от злости. У Мегелина был союзник, но они с Фуадом представляли собой жалкое зрелище.

Мегелин вспомнил наставника, который внушал ему в юности невыносимый ужас. Потребовалось десять лет, чтобы победить свой неразумный страх. Лишь тогда он смог понять того человека и теперь сам прибег к его методу.

– Уже не помню, сколько лет я пребываю в неблагоприятном рабстве в этом захолустье. – Главное значение имели злость и напыщенность, сопровождавшиеся рьяной жестикуляцией, – именно они ввергали слушателей в детский страх. – Каждый раз ты просишь моих советов и каждый раз их игнорируешь. Каждый раз, стоит мне собраться домой, мои надежды разбиваются в прах. Я сражался ради тебя, я страдал ради тебя. Ради тебя я отказался от карьеры. Я подвергаюсь постоянному и бессмысленному унижению со стороны твоей семьи и твоих людей. И все ради того, чтобы спасти груды камней посреди пустыни, которая защищает забытую всеми бесплодную землю, населенную одними лишь варварами, от бандитских набегов, которых эта земля только заслуживает! – Он чувствовал, как кровь ударяет в голову, как гнев находит выход после стольких лет разочарований. – Сколько сотен... нет, сколько тысяч людей лишились жизни из-за этой мерзости на холме? Здесь я постарел не по годам. Здесь выросли твои сыновья в окружении нескончаемой ненависти, предательства и войны. А теперь ты хочешь бросить все, оставив его Ученику? Позор! – Радетик встал перед валигом, уперев руки в боки и зловеще улыбаясь. – Ради чего мы жили? Ради чего умирали? Если мы сейчас уйдем, не пропадут ли впустую все эти годы и жертвы?

– Мы сражались за идеалы, Мегелин. – Голос Юсифа звучал тихо и устало. – И мы проиграли. Ученик не одолел нас физически – мы вновь прогнали его прочь. Но идеалы мертвы, раздавленные его пятой. Племена бросают нас. Они знают, на чьей стороне Сила, на чьей стороне будущее, – на стороне того, кого мы не в состоянии убить. На стороне того, кто через несколько недель возглавит орды, готовые хлынуть через наши разбитые стены, чтобы грабить наши дома, бесчестить женщин и убивать детей. Мы ничего не можем поделать – если только не хотим доблестно погибнуть во имя заведомо проигранного дела, как рыцари в ваших западных романах.

Перед лицом правды гнев Мегелина несколько угас. Они с Фуадом сопротивлялись лишь из гордости и сентиментальных чувств, за что единственной наградой могла быть только смерть. Валигат проиграл, и от него осталось лишь название.

– На севере, однако, все далеко не так безнадежно, – продолжал Юсиф. – Абуд наконец достаточно прозрел, чтобы понять необходимость в генерале. Возможно, донесения от его людей, которые действительно видели врага, расширят брешь в стене, окружившей его разум.

Он все еще воплощает в себе силу и веру королевства – если должным образом ими воспользуется.

Слова валига были полны муки, отчаяния и боли, в которых он никогда бы не признался. Решение бежать многого ему стоило и, возможно, сломило его как мужчину.

– Как тебе будет угодно, господин. У меня нет сил возразить. Но, боюсь, в Аль-Ремише тебя ждет еще большее горе. К этому мне нечего добавить. Мне нужно собираться. Будет тяжким грехом, если мои многолетние труды уничтожат невежественные глупцы в белом.

На мгновение на лице валига отразились все ужасы преисподней, но он тут же взял себя в руки, как и подобало властителю, каковым являлся.

– Иди, учитель. Прости, что я тебя разочаровал.

– Вовсе нет, валиг. Никогда так не считал.

Радетик взглянул на остальных. Хоквинд оставался по-прежнему невозмутим. Фуад боролся сам с собой, хотя и старался ничем этого не показать.

– Мегелин, – позвал Юсиф, когда Радетик был уже у двери, – поезжай с Гаруном. У меня почти ничего больше не осталось.

Радетик кивнул и тяжело вышел.

– Ну вот, – проговорил Драконобой. – Прошли форсированным маршем от самого Высокого Утеса, едва не погибли, чтобы спасти эту мусорную свалку, – и что теперь? Уходим. Почему военным планированием всегда занимаются болваны?

– Слушайте старого стратега, – усмехнулся Хаакен. – Ему даже не хватает ума, чтобы запомнить свое место в строю, но он во всем разбирается лучше генерала и папаши Гаруна, который командовал войсками чуть ли не с младенчества.

– Тише, – сказал Браги. – Нам велели отсюда выбираться без лишнего шума.

– Во всей этой суматохе? Да тех фургонов на четыре мили вокруг слышно.

Всадники валига выехали на закате солнца, несколько часов назад, надеясь очистить местность от вражеских шпионов. Теперь отправилась в путь главная колонна, тылы которой должны были охранять солдаты Гильдии. Валиг рассчитывал, что бегства никто не заметит до тех пор, пока их уже невозможно будет догнать.

– Рагнарсон!

Перед Браги возник лейтенант Сангвинет.

– Сэр?

– Слишком много от вас шума. Скажи Драконобою, пусть заткнется, или брошу его на корм шакалам.

– Да, сэр. Если потребуется – заткну ему рот кляпом, сэр.

На этом разговор вроде бы и закончился, но Сангвинет стоял, не сводя взгляда с Браги, которому стало слегка не по себе.

– Он знает, – сказал Браги Хаакену, когда лейтенант наконец ушел. – Он просто притворяется, будто ему ничего не известно, потому что иначе придется что-то предпринимать – даже если мы спасли сына валига. Нам придется ходить на цыпочках – он наверняка попытается поймать нас на чем-нибудь еще. Рескирд, лучше делай вид, будто никогда не учился говорить.

– Что я такого сделал? Только сказал то, о чем и так все думают.

– Всем остальным хватает ума держать язык за зубами. Пошли.

Браги ушел из Эль-Асвада, ни разу не оглянувшись. Взгляд через плечо стал бы для него взглядом в собственное прошлое, а ему не хотелось жалеть о решении стать солдатом. Да, это было решение глупца, но теперь он здесь. И он принадлежал к числу тех упрямцев, которые намерены сполна испытать все последствия своих поступков.

Он глядел вперед и не видел ничего многообещающего, ожидая пролить кровь где-нибудь в песках этой дикой, чужой и непостижимой земли.

Гарун смотрел назад – ему просто не оставили выбора. Носилки, на которых его несли, хотя он настаивал, что может ехать верхом, были повернуты лицом к замку.

Он плакал. Никакого другого дома он не знал и был уверен, что уже никогда его не увидит. Он оплакивал отца и Фуада, для которых Эль-Асвад значил еще больше. Он оплакивал всех доблестных предков, которые удерживали Восточную крепость, подтверждая оказанное им доверие. И еще он оплакивал свое будущее, первые намеки на которое уже начал осознавать.

Мегелин шел рядом, и его молчание значило больше, чем любые слова.

Еще до рассвета колонна скрылась в Большом Эрге, ни разу не попавшись на глаза врагу.

13 Ангел

Ошеломленный столь внезапным ударом судьбы, Эль-Мюрид укрылся в цитадели Себиль-эль-Селиб. Прежде чем полностью отгородиться от мира, он сделал лишь одно – отозвал Насефа с троенского фронта, послав ему однозначный и не терпящий возражений приказ. Насеф должен был появиться, иначе его ждал гнев харишей.

Насеф вернулся в рекордное время – на него подействовал скорее тон Ученика, нежели слова. Он опасался, что Эль-Мюрид может полностью сломаться, и увиденное по возвращении несколько его не обрадовало. Шурин вел себя так, словно его не существовало.

В течение шести дней Ученик восседал на Малахитовом троне, не обращая ни на кого внимания. Он мало пил и еще меньше ел, блуждая в лабиринтах собственной души. И Насеф, и Мерьем не скрывали тревоги.

Насеф. Циничный Насеф. Недоверчивый Насеф. Именно он являлся половиной проблемы, будучи неверным на службе Господа. Эль-Мюрид молился, чтобы Господь простил ему компромисс, на который пришлось пойти. Следовало избавиться от этого человека еще десять лет назад. Но приходилось считаться также с Мерьем, к тому же никто не мог сравниться с Насефом-генералом. И наконец, существовала весьма мрачная вероятность, что некоторые Непобедимые теперь больше преданы своему командиру, чем пророку. Он совершил ошибку, передав их под начало Насефа.

Так или иначе, еретикам среди его приближенных предстояло подождать, пока он разделяется с другими врагами Господа. Но Насеф... Он брал взятки от роялистов, готовых купить собственную жизнь. Он торговал помилованиями. Он присваивал чужую собственность для себя и своих приспешников. Он вербовал сторонников в свои ряды. Пусть и косвенно, он подрывал тем самым движение Эль-Мюрида, а когда-нибудь мог попытаться полностью захватить власть. Насеф был Учеником Зла в лагере Господа.

Однако вовсе не сомнения с самокопанием загнали Эль-Мюрида в пустыню собственной души и не разгром его войск у Восточной крепости. Поражение оказалось не столь уж страшным, каким оно тогда выглядело. Враг не спешил их преследовать, опасаясь очередной засады. Причиной же его ухода в себя стало отступление валига Эль-Асвада – слишком неожиданное и слишком для того несвойственное. Валиг был упрямым и стойким воином, который никогда не обратился бы в бегство. После столь яростного и долгого сопротивления оно не имело никакого смысла.

Уход Юсифа лишил Ученика цели. Упрямство одного человека слишком долго препятствовало реализации его планов, и теперь он даже не знал, что делать после поражения Юсифа. Юсиф ушел, но продолжал занимать главное место в мыслях Эль-Мюрида. Почему он ушел? Что он знал? В конце концов Ученик позвал Насефа и задал ему этот вопрос.

– Я несколько раз допрашивал эль-Надима и Хали, – ответил Насеф. – Я разговаривал с большинством их людей. Я из-за этого неделю не спал. Но я ничего не могу тебе сказать. Его не позвал Абуд – в Аль-Ремише ничего не происходит.

Ничто из происходящего в столице не могло ускользнуть от внимания Насефа – у него имелся шпион даже в Королевском шатре.

– В таком случае он знает только то же, что и мы, – задумчиво проговорил Эль-Мюрид. – Какие факты он интерпретирует иначе?

– За этим наверняка стоит иноземный дьявол Радетик.

– Возможно. Иноземные идолопоклонники наверняка меня ненавидят. Они чувствуют, что меня коснулась рука Господа, и в его гнев я стану орудием их кары. Они – рабы зла, пытающиеся продлить власть над порочными королевствами.

Мелькнула ли на губах Насефа усмешка? Или показалось?

– Папа?

Девочка не могла усидеть на месте. У него возникло желание отшлепать ее за неподобающее поведение в храме, но он уже забыл, когда уделял ей хоть сколько-нибудь внимания.

– Это дитя порой ведет себя как дикарь, – заметил Насеф.

– Разве детский смех может оскорбить Всевышнего? Оставь нас. – Он позволил девочке скользнуть ему на колени. – Что, милая?

Ей уже скоро двенадцать. Неужели прошло столько времени? Жизнь проносилась мимо, но он, похоже, так и не приблизился к тому, чтобы исполнить свое предназначение. Нечестивец Юсиф! Насеф добился немалых успехов, но они ничего не значили, пока валиг не давал движению выйти за пределы Себиль-эль-Селиба.

– Да ничего. Просто хотела узнать, закончил ли ты уже думать.

Она прижалась к нему, ерзая на коленях, и ему вдруг стало стыдно за мимолетное желание, которое наслало на него зло, подобно темнокрылому вампиру. Только не с собственной дочерью!

Еще немного, и она вступит в пору расцвета. Скоро набухнут ее груди, расширятся бедра, и девочка станет женщиной, готовой вступить в брак. Его последователи уже ужасались, поскольку он позволял ей бегать по Себиль-эль-Селибу без вуали и часто разрешал сопровождать Насефа в не слишком опасных поездках.

Он подозревал, что Насеф хочет ее для себя.

И у нее все еще не было имени.

– Знаешь, милая, отчего-то я тебе не верю. Тебя привело сюда что-то другое, а не твой ворчливый старый папаша.

Он остро ощущал неодобрительные взгляды священнослужителей, присматривавших за храмом.

– Ну...

– Я не могу сказать ни да ни нет, пока ты сама мне не расскажешь.

– Фатима пообещала, что научит меня танцевать, если ты не будешь против, – выпалила девочка. – Ну пожалуйста, папа, можно? Пожалуйста?

– Помедленнее, помедленнее.

Фатима была служанкой Мерьем и успешным примером силы убеждения. Бывшая проститутка стала живым доказательством, что любой, кто ищет истину, может оказаться достойным в глазах Всевышнего и Эль-Мюрида, даже женщина. В том заключалось самое большое

отступление Эль-Мюрида от ортодоксальной догмы, и ему до сих пор было непросто убедить в этом других.

После Падения женщины оказались вдвойне бесправными, поскольку именно женщина привела народ к сегодняшнему отчаянному положению. Самые жесткие фундаменталисты из числа мужчин допускали к себе жен лишь с целью зачатия потомства. Даже относительные либералы, вроде Юсифа из Эль-Асвада, держали женщин взаперти, не позволяя им участвовать в жизни семьи. Дочерей бедняков иногда душили при рождении или продавали работорговым, которые обучали их, а затем продавали как проституток. В обществе проститутка занимала положение настолько же ниже жены, как и жена ниже мужа.

Однако даже в Хаммад-аль-Накире в отношении юных девушек природа брала свое.

– Я серьезно.

Девочки редко интересовались танцами, если только не хотели заинтересовать мальчиков. И тогда они переставали быть девочками. Как и мальчики – мальчиками. Пора было поговорить с Мерьем о вуали.

– Время летит словно быстроногий скакун, малышка, – вздохнул Эль-Мюрид. – Все приходит и уходит – и глазом моргнуть не успеешь. – (Девочка надула губы, наверняка уверенная, что сейчас ей откажут.) – Дай несколько дней подумать, хорошо?

– Ладно, – весело бросила она, зная, что просьба об отсрочке – неизбежная прелюдия к тому, чтобы уступить.

Поцеловав отца, она спрыгнула с коленей и убежала – лишь замелькали худые руки и ноги. Священнослужители неодобрительно уставились ей вслед.

– Хадж! – позвал Эль-Мюрид главного телохранителя. – Мы отправляемся в путешествие. Подготовься.

Далеко к югу от Себиль-эль-Селиба, к югу от Эль-Асвада, возвышалась гора, слегка выделявшаяся на фоне горного массива под названием Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени. Она называлась Джебал-аль-Джинн, гора Демонов, или иногда Рогатая гора. Если смотреть с юго-запада, она напоминала возвышавшуюся над пустыней большую рогатую голову. Именно там Эль-Мюрид встречался с ангелом, когда чувствовал, что ему требуется совет. Он никогда не задумывался, почему посланник Всевышнего избрал для встреч столь отдаленное и пользовавшееся столь дурной репутацией место.

Вера Ученика в его ангела подверглась суровым испытаниям, пока он совершал долгий и мучительный подъем в гору. Ответит ли вообще посланник столько времени спустя? Эль-Мюрид не приходил к нему со времени своего злополучного визита в Аль-Ремиш. Но ангел дал ему обещание – хотя на горе Джебал-аль-Джинн подозрения вызывали даже обещания ангелов.

Гора считалась проклятой – никто уже не знал почему, но обитавшее в камнях и деревьях зло никуда не делось, проникая в душу незваного гостя. С каждым визитом сюда Эль-Мюрид все больше жалел, что его наставник не выбрал место поприятнее.

Он набрался решимости – злу следовало бросить вызов. Как еще правоверный мог обрести силу, чтобы сопротивляться тьме, если не явиться в ее собственную цитадель?

Сомнения росли по мере того, как прошла ночь и большая часть дня, но от небесного собеседника не последовало никакого ответа. Наступал очередной вечер, и костер отбрасывал тени на бесплодные скалы.

Посланник явился в облике грома и молнии, видимых на многие лиги вокруг. Он трижды промчался на крылатом коне вокруг рогатых вершин, прежде чем опуститься в пятидесяти ярдах от костра Ученика. Эль-Мюрид встал, уважительно глядя под ноги, и ангел, неизменно принимавший облик маленького старичка, заковылял к нему по разбитому базальту. За его спиной висел инструмент, напоминавший рог изобилия и выглядевший чересчур массивным для его фигуры.

Сбросив свою ношу, он уселся на нее:

– Я думал, ты появишься раньше.

Сердце Эль-Мюрида затрепетало. Ангел внушал ему не меньше страха, чем много лет назад, когда он был мальчиком в пустыне.

– Не было нужды. Все шло как надо.

– Только не так быстро, да?

Эль-Мюрид робко поднял взгляд. Ангел, прищурившись, смотрел на него.

– Да, не так быстро. Но Вади-эль-Куф научил меня, что глупо пытаться ускорить события.

– И что случилось теперь?

Вопрос ангела озадачил Эль-Мюрида. Он рассказал о странном бегстве Юсифа после недавней осады и о сгущающихся тучах в его собственном доме, а затем попросил совета.

– Твои последующие действия вполне очевидны – я удивлен, что ты вообще меня позвал. Тебе все мог рассказать Насеф. Собери всю свою мощь и нанеси удар. Захвати Аль-Ремиш. Кто тебя остановит, если валига больше нет? Захвати Храмы, и твоя семейная проблема решится сама собой.

– Но...

– Понимаю. Обжегшись на молоке, дуем на воду. Никакого Вади-эль-Куфа не будет. Никаких сюрпризов от владеющих Силой детей. Скажи Насефу, что я лично за всем прослежу, а потом дай ему полную свободу. Его гения вполне хватит. – Он вкратце описал план, продемонстрировав знание происходящих в пустыне событий и ее героев, что несколько успокоило Ученика. – Прежде чем мы расстанемся, я дам тебе еще один талисман. – Старик соскользнул с рога, на котором сидел, и, встав на колени, подул в него, а затем поднял и встряхнул. Из рога что-то вывалилось. – Пусть Насеф передаст это своему шпиону в Королевском шатре. Остальное последует, если он нанесет удар неделю спустя.

Эль-Мюрид взял маленькую шкатулку из тикового дерева и ошеломленно уставился на нее. Старик вскочил на коня и взлетел. Эль-Мюрид закричал ему вслед – он еще многое хотел обсудить. Крылатый конь взмыл над рогатыми вершинами. Ударил гром, небо рассекла молния. Между рогами пронеслись огненные сгустки, которые, столкнувшись, образовали некий гигантский знак, который Эль-Мюрид не смог разглядеть, поскольку тот висел четко над его головой.

Ослепительный свет медленно угасал, а когда Эль-Мюрид снова обрел способность видеть, ангела и след простыл. Вернувшись к костру, он сел, бессвязно бормоча себе под нос и глядя на тиковую шкатулку. Несколько мгновений поколебавшись, он открыл ее.

– Цимбалы? – спросил он у ночи.

В шкатулке лежал изящный набор цимбал, вполне достойных женщины, танцующей перед королями. Что за дьявольщина? Но посланник Всевышнего не мог ошибаться. Или мог? Он снова взглянул на небо, но ангел исчез. Наверняка пройдут десятилетия, прежде чем он снова его встретит.

– Цимбалы, – снова пробормотал он, глядя на костры внизу, где ждали Насеф и Непобедимые.

Перед мысленным взором возникло лицо шурина. Что-то нужно было сделать. После захвата Аль-Ремиша?

– Насеф, помоги мне, – слабо позвал он, наконец добравшись до лагеря.

Было уже поздно, но Насеф не спал, изучая при свете костра и луны грубые карты. Шурин тут же оказался рядом. Все остальные, кроме главного телохранителя Ученика, отошли подальше.

– Ты ужасно выглядишь, – сказал Насеф.

– Это проклятие. У меня все болит. Лодыжка, рука, каждый сустав.

– Лучше поешь чего-нибудь. – Насеф, нахмурившись, взглянул на гору. – Да и поспать, пожалуй, не помешает.

– Не сейчас. Мне нужно кое-что тебе сказать. Я говорил с ангелом.

– И? – Насеф прищурился.

– Он рассказал мне то, что я хотел услышать. Что Аль-Ремиш – абрикос, который созрел, и его остается только сорвать.

– Повелитель...

– Слушай и не перебивай, Насеф. На этот раз никакого Вади-эль-Куфа не будет. Я не намерен задавить их чистым численным превосходством. Мы воспользуемся разработанной тобой тактикой. Выступим ночью по тропам, которыми шел Карим, когда ты послал его убить Фарида.

Если он ждал от Насефа удивления или испуга, то его ждало разочарование – тот лишь задумчиво кивнул. Эль-Мюрид до сих пор размышлял над тем, что тогда случилось. Истерика Абуда была вполне предсказуема, хотя никто не ожидал, что он обратится к наемникам. Хали представил подробный доклад – войско Карима понесло невероятно крупные потери. Ему следовало привести домой намного больше солдат. Но, с другой стороны, Карим был ставленником Насефа, а сопровождавшие его Непобедимые – нет.

– Но первым делом нужно доставить это твоему шпиону в Королевском шатре.

Насеф открыл шкатулку, затем взглянул на Рогатую гору. Только трое знали, кто тот шпион: Насеф и сам шпион, но третьим был не Эль-Мюрид. Насеф не сомневался, что Ученик до этого даже не знал, что шпион вообще существовал.

– Цимбалы? – спросил он.

– Мне дал их ангел. Наверняка они особенные. Исполни его распоряжение, Насеф?

– Гм?

– Какова ситуация на побережье?

– Все под контролем.

– Осмелимся ли мы атаковать Аль-Ремиш с одними лишь Непобедимыми?

– Попробовать можно. Это будет отважный и неожиданный удар. Вряд ли это осложнит ситуацию на Востоке. Там уже все успокаивается. Я передал командование Кариму, и он усмирит троенцев. Когда я уезжал, они уже были готовы к переговорам. Еще несколько недель внимания со стороны Карима, и они согласятся на любые условия. А эль-Кадер разбил последние очаги сопротивления на южном краю побережья. Эль-Надим удержит Себиль-эль-Селиб. После ухода Юсифа никакой угрозы со стороны Эль-Асвада можно не ждать.

– Наконец-то, – вздохнул Ученик. – Столько лет спустя. Почему Юсиф сбежал, Насеф? Это был ключевой вопрос.

– Хотел бы я знать. Меня до сих пор не оставляют мысли о том, что он мог припрятать в рукаве. Да, мы попытаемся захватить Аль-Ремиш. Стоит попробовать, даже если ничего не получится. В худшем случае основательно их потрепем. Юсиф там будет опаснее, чем в Эль-Асваде, где его ресурсы были ограничены.

Эль-Мюрид хранил при себе насмешливую записку Юсифа. Он перечитал ее в сотый раз, хотя каждое слово давно отложилось в памяти.

– «Мой дорогой Мика, – прочел он вслух. – Обстоятельства вынуждают меня временно покинуть дом. Прошу оставить его под твоим попечением, зная, что ты как следует позаботишься о нем в мое отсутствие. Можешь сколько угодно пользоваться всеми его удобствами. Пусть тебя ожидает столь же радостное будущее, какое ожидает меня. Твой покорный слуга, Юсиф Аллаф Сайед, валиг Эль-Асвада».

– Для меня это до сих пор загадка, – сказал Насеф.

– Он над нами насмехается, Насеф. Он убеждает нас, будто знает некую тайну.

– Или Радетик хочет, чтобы мы так думали.

– Радетик?

– Это наверняка писал чужеземец. Юсифу несвойственна подобная утонченность. Тут пахнет обманом.

– Возможно.

– Не стоит играть в его игру. Забудь про письмо. В Аль-Ремише он может шептать слова зла в ухо королю. Он может собрать против нас войско роялистов.

– Да, конечно. Нужно поступать так, как говорит ангел, и нанести удар по самому змеиному гнезду.

– Чем бы ни руководствовался Юсиф, я думаю, он совершил ошибку, повелитель. Дорогу теперь перекрыть некому, и вряд ли роялисты сумеют нас остановить – пока мы не встретимся с ними лоб в лоб, в открытом бою. Но у них остается преимущество, которое было и в Вадиль-Куфе.

– Собери остальных Непобедимых. В этом году в Аль-Ремише, на Дишархун.

– С удовольствием, повелитель. Начну сейчас же. Передавай привет Мерьем и детям.

После ухода Насефа Эль-Мюрид долго сидел в одиночестве. Приближался решающий час. Ангел намекнул, что многие проблемы исчезнут после взятия Аль-Ремиша. И у Ученика уже появились мысли, как можно было бы поступить.

– Хадж?

– Да, повелитель?

– Найди Моваффака Хали. Пусть придет ко мне.

– Да, повелитель.

– Мой повелитель Ученик, – сказал подошедший Хали, – ты хотел меня видеть?

– У меня для тебя новости, Моваффак. И задание.

– Слушаю и повинуюсь, повелитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.